

БИЙСКИЙ ВЕСТНИК

№1
2024

ЖУРНАЛ РОДИНЫ В.М. ШУКШИНА

Б И Й С К И Й В Е С Т Н И К

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, НАУЧНЫЙ
И ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

1 (81) 2024

ИЗДАЁТСЯ С 2003 ГОДА
при содействии Союза писателей России

Издатель:

КОЗУБЕНКО С.П.

Главный редактор:

БУЛАНИЧЕВ В.В.

Зам. главного редактора:

Толоконников В.М.

Редактор:

Неудахин В.Ф.

Редактор:

Лямкин В.М.

Ответственный секретарь:

Буланicheв Д.В.

Редакционная коллегия:

Бурляев Н. П. (Москва)

Иванов Г. В. (Москва)

Козубенко С. П. (Москва)

Мизгулин Д.А. (Санкт-Петербург)

Минаков С. А. (Белгород)

Митрополит Барнаульский и Алтайский Сергей

Нифонтова Ю. А. (Барнаул)

Орлов А. В. (Москва)

Тарковский М. А. (Красноярск)

ISSN 1992-4127

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЗЫВНОЙ – ПОБЕДА!

Виктор КИРЮШИН	Нашим	3
Геннадий ИВАНОВ	Нашим	7

ПРОЗА

Владимир ВАСИЛИНЕНКО	Когда улица тесна. <i>Повесть</i>	11
Юрий ПАХОМОВ	Три Егора. <i>Рассказ</i>	117
Дмитрий ИГНАТОВ	Он. Она. Осень. <i>Рассказ</i>	134
Никита НИКОЛАЕНКО	Борьба за акции. <i>Рассказ</i>	157
Виктор ШЕМЕТОВ	Четыре всадника Апокалипсиса.....	166
Людмила БРАГИНА	Родной обычай старины. <i>Рассказ</i>	178

ПОЭЗИЯ

Борис ЛУКИН	Мы станем старше на войну	68
Евгений ХАРИТОНОВ	<i>Стихи</i>	102
Яков ШАФРАН	Лирика этой поры.....	106
Елизавета БАРАНОВА	<i>Стихи</i>	111
Пётр СВИСТУНОВ	<i>Стихи</i>	147
Светлана КОСТИНА	<i>Стихи</i>	151
Николай ДЕНКЕВИЦ	<i>Стихи</i>	154

95-ЛЕТИЮ В.М. ШУКШИНА

Андрей АНТИПИН	О Шукшине.....	74
Василий КИСЕЛЕВ	В.М. Шукшину. <i>Стихи</i>	77
Александр БАЛТИН	Василий Шукшин	81
Валерий НЕУДАХИН	Велика Россия... ..	83
Виктор БУЛАНИЧЕВ	Медаль «Василий Шукшин»	84
Николай ИВАНОВ		
Фёдор БЕРЕЗИН		
Юрий ХОБА	Капитан медицинской службы	87

ЗОЛОТЫЕ ИМЕННА РОССИИ

Евгения ЛИФАНТЬЕВА	Про тех, кто был таким же, как все. 98

ОЧЕРК. ПУБЛИЦИСТИКА

Александр БАЛТИН	Евгений Замятин	185
Елена ВЕЛИЧКО	Мосты памяти	188

ПоЗыВной – Победа!

Виктор КИРЮШИН

* * *

По возрасту давно непризывной,
Но чувствую невольную вину:
Товарищ мой прощается со мной,
Товарищ мой уходит на войну.

Туда, где степь до края сожжена,
Где солнца окровавленный клинок...
А у него молодушка-жена,
А у него кровиночка-сынок.

Вот он ступил на огненный причал,
Свою судьбу доверил небесам...
Никто ему повестку не вручал,
Но он мужик – он выбирает сам.

Какой придётся заплатить ценой
За всё, что ныне снова на кону?
Товарищ мой прощается со мной.
Товарищ мой уходит на войну.

ПОД ЛУГАНСКОМ

Март. Ещё далеко до прополки,
Но старушка идёт по меже
И в ведро собирает осколки –
Вон их сколько набралось уже!

Здесь недавно бои грохотали.
Всюду чёрные меты войны.
На зазубренном ржавом металле
Иноземные знаки видны.

Всё ты стерпишь, земляца сырая,
Как и эта вот старая мать...
Дом разрушен,
Ютится в сарае
И готовится грядки копать.

* * *

Пристрелянная лесополоса.
Весенний день.
В сырых окопах люди.
Идёт война
И птичьих голоса
Перекрывает грохотом орудий.
Но лишь затихнет артобстрел на миг –
То тут, то там высвистывает птаха.
Какое наслажденье слушать их,
Не знающих ни устали, ни страха!
Терпи, солдат!
Не вечно длится ночь,
И Божьих птиц, как весть благовую, слушай.
Они и зло помогут превозмочь,
И сберегут от ненависти душу.

РАЗГОВОР

Автоматы, «броники», подсумки
Да нехитрый скарб на стеллаже.
Детские наивные рисунки,
Как иконы, в каждом блиндаже.

Вот в цветах некошеное поле,
Женщина ступает по крыльцу,
Свет в окне,
И это всё до боли
Дорого усталому бойцу.

Коротка на фронте передышка:
День-другой – и снова надо в бой...
«Нарисуй мне Родину, сынишка,
С родниковой речкой голубой.

С той дорогой, что приводит к храму,
Где дождём размыта колея...
Нарисуй весёлой нашу маму,
Золотая доченька моя».

Автоматы, «броники», подсумки –
Для бойца давно привычный быт,
А когда посмотрит на рисунки,
Будто бы с детьми поговорит.

В ГОСПИТАЛЕ

На войне как на войне.
Помоги нам, Божья мать!
Вот пацан
Лицом к стене
Третий день лежит в палате.
После боя у реки
Друг тащил по кромке луга.
Выжил...
Правда, без руки
И того страшней – без друга.
Выждал снайпер в ковыле –
Встал боец неосторожно...
Жить без друга на земле.
Без такого,
Невозможно.
Невозможно, в этом соль,
Без него брести по свету...
И сильнее в сердце боль,
Чем в руке,
Которой нету.

ЭСЭМЭСКА

Жизнь военной стала как-то резко.
Тяжела разлука, но терплю.
Много ли расскажет эсэмэска?
«Жив, здоров, скучаю и люблю».

Журавли над нами протрубили,
Льёт в траншеи талая вода,
А у вас в заснеженной Сибири
Не ослабевают холода.

Птицами у нас полна округа,
Щебет их спасает от тоски...
Как же далеко мы друг от друга!
Как же мы отчаянно близки!

Милая, хотя бы только взглядом
Дотянуться до родных краёв.
Пусть на миг,
Но вновь услышать рядом
Лёгкое дыхание твоё.

Снова бой гремит у перелеска.
Нам туда... Пиши... Не тороплю...
В небеса уходит эсэмэска:
«Жив, здоров, скучаю и люблю».

ЛЕС НА ЛИНИИ ФРОНТА

От крови здесь весна красна,
Неведом ей покой.
Качает старая сосна
Простреленной рукой.

Темна кора, а плоть бела –
Изранен чудный лес,
И золотистая смола
Слезой течёт с небес.

*Москва-Луганск-Кременная.
март-апрель 2023*

ДОНБАСС

Срезана пулей рябины макушка,
Втоптаны в ржавую грязь семена.
Бьёт миномёт,
И кукует кукушка.
Дни или годы
Считает она?
Может, вот здесь,
У разбитой котельной,
Пламенем адовым вспыхнет зенит,
Мир пошатнётся,
И крестик нательный,
Мамой подаренный,
Не сохранит.
Не упасёт от беды, как бывало,
В этом непереносимом огне...
Что ж ты, кукушечка, накуковала?
Что ж ты в сердцах напророчила мне?
Молча шагаем леском предрассветным.
Где, за каким затаился кустом
Брат мой и враг мой
С таким же заветным,
Мамой надетым
Нательным крестом?

*Виктор Фёдорович КИРЮШИН, поэт.
Москва*

Позывной – Победа!

Геннадий ИВАНОВ

НЕБО НОВОРОССИИ ПРЕКРАСНО!

Небо Новороссии прекрасно,
И поля прекрасны, и леса...
За своё мы бьёмся, это ясно.
Долго нам туманили глаза.

Этот край – Россия, наши люди
Здесь живут, по-русски говорят...
Поднесли врагу его на блюде.
Наши люди гибнут и горят.

За своё мы бьёмся в этой схватке.
Мы Европе говорим: «Не лезь!»
И твои, Америка, порядки
Никогда не приживутся здесь!

Небо Новороссии прекрасно!
И леса прекрасны, и поля!
Это всё Россия, это ясно.
Это наша русская земля!

У БЛИНДАЖА ЕСТЬ ТОЖЕ ПОЗЫВНОЙ

У блиндажа есть тоже позывной.
Весёлый позывной такой – «Бунгало».
Уже в лесу повеяло весной,
И как-то на душе печально стало.
Весна, весна... Весна не для войны.
А для любви и к женщине, и к миру.
Весной такие будоражат сны...
Летишь к жене в далёкую квартиру.
Проснёшься вдруг в холодном блиндаже...
Из-под земли поднимешься на волю.
Ещё остаток сна в твоей душе.
Его, конечно, удаляешь с болью.
Сегодня в бой, и ты пронизан весь
Уже настроим этим – к бою, к мести...
Ты на войне. Теперь ты нужен здесь.
Ты нужен здесь и Родине, и чести.

БАТАЛЬОН

Пять дней на передке, потом на отдых.
Пять дней на отдыхе, потом на передок...
Немало здесь «двухсотых» и «трёхсотых»,
Но Бог от «пятисотых» уберёт.

Ни одного пока что дезертира.
Да и не будет, каждый – сибиряк.
А сибиряк, давно известно миру,
Надёжен, как береговой маяк!

* * *

Отец Владимир и мулла Юлай –
Бойцы к ним тянутся, хотят поговорить.
И речь ведут не про дорогу в рай,
А просят дух беседой укрепить.

Порой бойца здесь настигает стресс –
Порой берёт апатия за глотку,
Порой в агрессию введёт лукавый бес...
На фронте раньше выдавали водку.

Теперь не выдают, хотя найти
Её бойцам, конечно, не проблема.
Но к батюшке так тянет подойти...
Для разговора есть живая тема.

Боец не каждый крепок как скала.
Покаяться кому-то надо кротко...
Отец Владимир и Юлай мулла,
Вы здесь нужны поболее, чем водка.

* * *

Я не знаю, что сказать такому
Воину, вдруг ставшему без ног:
Он лежит... тоскует не по дому.
А по дому если, то другому.
По тому, который в небе...
Бог
Почему-то здесь его оставил –
Он об этом думал уж не раз.
Бог его, конечно, не оставил.
Мы не знаем замыслов и правил.
Может, он оставлен жить – для нас...
Чтобы мы тут были милосердней,

Чтоб не рвались бить и убивать,
Чтоб молились, может быть, усердней...
Но ему-то как все понимать?
Я в душе и мучаюсь и вою.
До моих ли рифм и строк...
Я не знаю, что сказать герою,
Воину, вдруг ставшему без ног.

* * *

Суета забывает страданье.
Да и что ж всё страдать и страдать...
Не в обиде я на мирозданье.
Получил я такое заданье,
Значит, надо его выполнять.

Мне ещё помогает сраженье,
Что идёт в эти дни на Руси.
Наступленье, потом отступленье,
И молись, и победы проси!

Верю, верю, я будут победы
У России, у русских у нас.
Были биты когда-то там шведы,
Будут биты «азовцы» сейчас,

И поляки, и немцы в придачу,
Англосаксы, и всяческий сброд...
Я порой о судьбе своей плачу,
Но о Родине – наоборот.

Я о Родине думаю твёрдо!
Нелегко воевать предстоит...
Я о Родине думаю гордо!
Всё равно русский дух победит!

ИЗ РАЗГОВОРА С БОЙЦАМИ

Пусть нам пива наварят
и мяса нажарят к обеду...
Семён Гудзенко

Вам и пива наварят, и мяса нажарят к обеду.
Вас прославят экраны ТВ-новостей и кино,
Только вы побеждайте, стране принесите победу,
Ту, которую ждём, по которой тоскуем давно.

Это просто сказать, но непросто даются победы.
Ну а эта война попирает каноны войны.

Мы щадим города, мы должны быть гуманней, чем деды.
И о братском народе всечасно мы помнить должны.

А отсюда потери, отсюда идёт промедленье...
Но победы, конечно, победы не может не быть.
Коль не будет её – это будет такое паденье...
И Россия, Россия должна победить!

Разорвали народ наш, на части его разорвали
И стравили враги...
– Ну, конечно, отец, победим!
Только главное, чтоб наверху победить не мешали.
– Я об этом, ребята,
скажу обязательно им.

* * *

Восходы! Закаты! Восходы! Закаты!..
О как на земле мы безмерно богаты!
Богаты полями, богаты лесами,
Богаты мы так, что не знаем и сами,

Насколько богаты и чем так богаты –
Об этом расскажут нам только закаты,
И только восходы, и вольные птицы.
И это богатство продлится, продлится...

И детям, и внукам, и всем его хватит...
Но враг если родину нашу захватит,
Тогда и восходы, тогда и закаты
Не будут красивы, не будут крылаТЫ...

*Геннадий Викторович ИВАНОВ, поэт.
Москва*

Владимир ВАСИЛИНЕНКО

КОГДА УЛИЦА ТЕСНА

Повесть

1

Молодцевато выпрыгнув из тележки, маленький генерал слегка размял ноги, пройдясь туда-сюда по небольшому тихому дворику. Капитан-поручик Маврин подошёл и представился. Генерал улыбнулся:

– Слыхал-слыхал о вас, батюшка мой! Каково дело-то продвигается?..

И не успел капитан открыть рот, как денщик генерала попросил нетерпеливо:

– Одним глазком хоша бы глянуть, барин! Страх как хочется...

Суворов снисходительно вздохнул и пожал плечами:

– Ступай! Только живой ногой... – и добавил, повернувшись к капитану: – Вот так, господин капитан, земля-то слухами полнится...

Денщик, стуча сапогами, взбе-

жал на крыльцо арестантской избы и пропал за тяжёлой дверью. Офицеры посмотрели друг на друга. После короткого знакомства возникла естественная пауза, прервать которую мог только старший по званию, и генерал уже готовился сделать это, но вновь гроыхнула дубовая дверь, и на ступеньках появился денщик:

– Батюшка! Ваше превосходительство! Он на двор просится...

– Кто?

– Да злодей этот. Емелька Пугач!..

Суворов вопросительно посмотрел на Маврина:

– Как вы в сём случае поступали, господин капитан?

Член следственной комиссии, капитан-поручик Маврин снисходительно пожал плечами:

Владимир Демьянович ВАСИЛИНЕНКО родился в 1942 году в Иркутске. Окончил Высшие курсы сценаристов и режиссёров при Госкино СССР, работал режиссёром на Дальневосточной студии кинохроники в Хабаровске, на студии телевидения в Нижнем-Новгороде. Снял по своим сценариям более восьмидесяти фильмов. Член Союза кинематографистов России, лауреат и призёр Всесоюзных, Всероссийских и международных кинофестивалей. Лауреат Национальной премии за сериал об амурском тигре. Член Союза писателей России. Автор нескольких повестей и сборника стихов. Лауреат Международного литературного конкурса им. А. Платонова «Умное сердце».

Живёт в Хабаровске.

– Ставили ему в клетку горшок, Ваше превосходительство. А что поделаешь? По высочайшему распоряжению велено содержать преступника в ручных и ножных кандалах и непременно в клетке, из которой не выпускать ни под каким видом...

Суворов выразительно показал денщику на говорящего капитана и присовокупил:

– Слыхал? Так что, братец ты мой, ищи хоть горшок, хоть чугунок, и пусть злодей справляет в него нужду...

Маврин, будучи достаточно наслышан о чудачествах знаменитого полководца, только тихонько посмеивался, глядя чуть сверху на маленькую, юркую фигурку генерала. Отдав распоряжение денщику, тот быстро повернулся к капитану:

– До меня донеслись слухи, что злодей сношался с моими старыми знакомцами. Вам это ведомо, господин капитан?

– Это с кем же, позвольте узнать?..

– С братьями Пулавскими...

Маврин выдержал паузу, явно не торопясь с ответом и кое-что припоминая, но Александра Васильевича это молчание не насторожило и не обескуражило. Он отдался во власть воспоминаниям.

– Да, в Польше они нам досадили крепко... Вот уж воистину чертовы ляхи! Появлялись как изпод земли... – худое, подвижное лицо Суворова осветилось озорной плутовской усмешкой. – Налетят, пехоту нашу порубят саблями в капусту и исчезают, аки призраки в ночи!.. – и генерал мелко, бисерно расхохотался.

Маврин, из вежливости, скупой улыбнулся. Ему, носящему воинское звание, но почти не бывавшему на театре военных действий

и редко-редко слышавшему свист пуль, была чужда эта неожиданная весёлость.

– Насколько мне известно, господин генерал... – начал он с довольно постной физиономией, – с ним было некоторое время один из братьев...

– Который?

– Младший. Но очень недолго...

В лице Александра Васильевича мелькнуло искреннее недоумение:

– Сие весьма странно. Нашу матушку Россию они не жаловали никоим образом. А этот вор и самозванец – для них, прямо-таки, царский подарок! Лже-то Дмитрия они, чай, до сих пор не забыли?..

Капитан принуждённо вздохнул и развёл руками:

– И тем не менее это так...

Суворов хитровато усмехнулся:

– Тут, батенька мой, суровая жизненная диспозиция – гусь свинье не товарищ!.. Пулавские-то шляхта, а наш злодей – беглый казак!..

– Но и Гришка Отрепьев, господин генерал, не был аристократом, а ведь Марина Мнишек не погнушалась за простого смерда замуж пойти!.. – авторитетно возразил Маврин.

Александр Васильевич пожал худенькими острыми плечами:

– Стало быть, времена меняются. И люди, с Божьей помощью, умнеют...

Над Яицким городком стоял серенький осенний денек. За крепостными стенами метался безудержный, осатанелый «степняк» – шальной сентябрьский ветер, пригибая долу ключья иссохшей травы и гоняя тёмные, устрашающие шары перекати-поля... Иногда его

порывы достигали узких городских улочек, чтобы окончательно запутаться среди неказистых деревянных домишек, швыряя песком и пылью в подслеповатые окошки, вороша солому двускатных крыш...

– На Дунае, Ваше превосходительство, я чаю, ещё лето стоит?.. – желая сменить тему и немного польстить генералу, негромко сказал Маврин, чуть поёжившись и запахивая мундир.

Суворов охотно откликнулся:

– Сейчас там самое золотое времечко... Жара спала. Ночи тёплые, ясные. Даже костров разводить не надобно. Подстелил шинель либо бурку и спи себе сном праведника... – морщины на лице генерала расправились, и в его голосе появилась романтическая мечтательность...

– А сколько дней Вы изволили сюда добираться?..

– От Царицына девять дён, – мгновенно ответил генерал, безо всякого усилия переходя от одной темы к другой, – вёрст по шестьдесят приходилось в сутки отхватывать...

– Те-те-те! – прищелкнул языком Маврин.

– А braveй Михельсон-таки упредил меня. В пух разгромил злодея!.. – и Суворов обескураженно развёл руками.

Капитан, с заметным удовольствием наблюдая этот спектакль, тем не менее ввернул:

– Скрутили его, между прочим, свои же подручные...

Но генерал и тут не уронил себя:

– А это, батюшка мой, не мудрено... Откуда же у этих мерзавцев должны понятия о чести, верности, самопожертвовании? Им собственная шкура всего дороже...

Маврин согласно кивнул головой, поскольку возразить было нечего, но в голосе Александра Васильевича мелькнул неутраченный интерес:

– А сам злодей-то вину отрицал? От всего открещивался – я, мол, не я и шуба не моя! На это дело они мастаки!.. – генерал сморщил худое подвижное лицо.

– Представьте себе – нет! – капитан помедлил и добавил негромко: – Сие удивительно, но признал вину сразу. Причём сказал весьма примечательные слова...

– Какие, ежели не секрет?..

Маврин ответил через минуту:

– «Богу было угодно наказать Россию через моё окаянство!» – голос капитана прозвучал чересчур серьёзно и даже торжественно, так что генерал не решился прервать невольную паузу, однако его живая импульсивная натура не могла долго пребывать в бездействии.

– Да неужто? – Александр Васильевич чуть отступил. – Так-таки и сказал?!..

– Слово в слово...

Суворов зачем-то потянул за эфес небольшую шпажонку, болтавшуюся у его левого бедра, вытащил её на треть и опять со стуком вогнал в ножны. Маврин безотрывно следил за ним, словно бы ожидая от знаменитого полковника какой-то неожиданной выходки...

– Ну что, господин капитан, смрад-то, чай, развеялся?.. Пора и нам повидать знаменитого злодея... А он, как на грех, ещё и «философ»!.. – и Александр Васильевич, быстро перебирая маленькими короткими ножками и заметно прихрамывая, со стуком взбежал на крыльцо. Капитан-поручик Маврин с готовностью поспешил ему вослед...

В просторной низкой избе было сумрачно. Войдя и привычно поискав икону, Суворов троекратно перекрестился, снявши шляпу и чуть склоняя седеющую голову, потом быстро посмотрел налево: деревянная клетка занимала дальний угол за печью, заполняя его целиком. Ещё не успев освоиться с обстановкой, генерал, вопреки всему, нутром почувал на себе пристальный ощупывающий взгляд...

Не надевая шляпу и потряхивая жидкой косицей, он бодро шагнул в тёмный угол на осторожный, вкрадчивый перезвон цепей... Его остановили глаза преступника. Нет, не испугали, а именно остановили, будто в ноги боевому генералу упала бомба, бешено крутятся и шипят горящим фитилем. И он заколебался – то ли отшвырнуть её ногой, то ли, закрыв руками голову, прыгнуть в ближайший окоп?..

Сопровождавший Суворова капитан успел заметить, как маленькая фигура полководца напрыглась и выпрямилась, почти вытянулась «во фронт», будто на императорском плац-параде. Прославленный генерал и знаменитый разбойник молча осматривали друг друга.

Пугачёв сидел, раскорячив ноги, на грязном бараньем тулупе, его запястья и лодыжки охватывали широкие железные «браслеты», от которых опускались на пол клетки длинные тяжёлые цепи, гремящие при каждом движении. Но сейчас преступник сидел, не шевелясь, не отводя взгляда от лица генерала.

Глаза у него были странные – это отмечали все видевшие грозного бунтовщика. Довольно большие, чёрные, но вокруг зрачка – зеленоватые, словно фосфориче-

ские окружия. Такие глаза быва- ют у людей, отмеченных печатью провидения – пророков, юриди- вых, великих праведников и греш- ников...

Слегка оплывшее, одутловатое лицо окаймляла густая чёрная, с се- ребряными прожилками борода, в которой запуталось несколько жёл- тых соломинок. Космы слипшихся, давно не стриженных и не мытых волос закрывали довольно высокий лоб почти до самых бровей...

– Родом ты, братец, откуда?.. – совершенно неожиданно спросил генерал.

– С Дону. Станица Зимовей- ская... – очень охотно ответил Пугачёв спокойным, отнюдь не устрашающим голосом.

– На государственной службе состо- ял?..

– Вестимо. В Пруссии случи- лось воевать. Было дело...

Суворов заметно оживился:

– С Фридрихом? В семилет- нюю войну?..

Пугачёв шевельнулся, гремя цепями:

– С ним. В Померани, кажись...

Александр Васильевич забле- стел просветлевшими голубыми глазами:

– Да неужто, братец? Мы с то- бой, Божьей милостью, во славу Отечества на одной земле сража- лись... Генерала Берга помнишь?..

– Енарала? А как же!.. – не очень твёрдо ответил Пугачёв.

Капитан Маврин, стоявший за спиной Суворова, с заметным ин- тересом следил за разговором двух знаменитостей. По роду службы приучившись наблюдать и анали- зировать, он не мог не отметить разительное несходство собесед- ников и, как ни странно, нечто, объединяющее того и другого.

Характер Пугачёва – неустойчивый, тревожный, увлекающийся, с постоянными перепадами настроения – от буйного веселья до полнейшей апатии – был ему в общих чертах известен. А вот прославленного полководца капитан видел впервые, правда, будучи о нём достаточно наслышан. О чудачествах Суворова ходили легенды...

Слушая увлечённый разговор генерала, Маврин нет-нет да и пугался неожиданной мысли: «А вдруг тот откроет дверцу клетки и выпустит злодея или войдет туда сам?..»

Между прочим, и Пугачев был не чужд разного рода головокружительным выходкам. Сколько раз его могли убить или взять в плен, когда он пьяным появлялся в первых рядах бунтовщиков под стенами осаждённых крепостей!

– Как же, братец ты мой, угораздило тебя противу закона и порядка пойти? Смуту в государстве посеять и Божий промысел нарушить?.. – укоризненно и даже сердито спросил Александр Васильевич, вдруг перейдя от приятных воспоминаний о своих первых воинских подвигах к событиям настоящим.

– Бес попутал... – почти искренне, но с крохотной долей притворства ответил Пугачёв и широко перекрестился.

Суворов внимательно посмотрел на его пальцы и быстро сказал:

– Тут не бесом, а целым Сатанюю пахнет... Крест-то, братец, кладёшь двумя перстами! В раскол давно ли ударился?..

– Старой мы веры... – твёрдо ответил преступник.

– Кто это мы?.. – мгновенно переспросил генерал.

– Казаки донские, стало быть...

Прославленный полководец несколько минут молча созерцал

собеседника, словно некое диковинное создание, и тот, ощущая на себе этот внимательный, испытующий взгляд, смиренно опустил густые ресницы, прикрыв свои странные глаза. Маврин терялся в догадках – осознаёт ли скованный преступник, кто стоит перед ним?..

То, что сам Пугачев и его окружение были достаточно осведомлены о жизни верхов российского государства, говорили любопытные и курьёзные детали: ближайшие подручные злодея назывались именами виднейших вельмож – графов Чернышова, Воронцова, Орлова, Панина, то есть самым тесным кружком императрицы.

Капитан даже посмеивался втайне – самозванец, разыгрывая этот наивный маскарад, не давал себе труда задуматься над его комической стороной: если царствующая императрица вероломно захватила трон (как утверждала народная молва), то каковы же её помощники? Сам злодей, именуясь низложенным императором Петром III, зачем-то упорно держит вблизи себя фаворитов свергнувшей его супруги!..

– А имя покойного государя кто тебя надоумил принять?.. – словно подслушав мысли капитана, без обиняков спросил Суворов.

– Кабы знать, что он умер!.. – двусмысленно ответил Пугачев, искоса посмотрев на генерала. – В народе-то бают по-другому...

Глаза Александра Васильевича гневно сверкнули:

– Не бают, братец ты мой, а брешут! Аки псы шелудивые и смрадные! – генерал махнул рукой с зажатой в кулаке шляпой. – Император Пётр Феодорович почил в Бозе. И батюшка мой – Василий Иванович – видел его на смертном одре своими собственными очами...

Преступник недоверчиво смигнул странными фосфоресцирующими зрачками. Сейчас у него был вид обычного юродивого, сидящего в железных веригах где-нибудь на церковной паперти. Суворов упрямо качнул головою:

– Что в Писании-то сказано? Богу – богово, а кесарю – кесарево! Дозволено ли простому смертному такие поступки совершать? Приводить в смятение умы и потрясать основы государства, что может быть страшнее и преступнее?! Гришке Отрепьеву да Стеньке Разину доселе анафему с амвонов возглашают – и поделом! Ибо сие есть грех великий!.. – и Александр Васильевич истово перекрестился.

Пугачёв не поднимал головы, но по его позе явно ощущалось, что страстные слова полководца вызывают у него внутренний протест. Маврин невольно подумал о тщете и бесполезности гневной

тирады генерала, «мечущего бисер перед свиньёй». Хотя два дня назад Пугачев покался перед ним и охотно признал вину – истинного раскаяния от злодея так и не удалось услышать. Да и возможно ли этакое вообще? Капитан весьма и весьма сомневался...

– Кормят тебя сытно? – почти без всякого перехода спросил Суворов. Пугачев ответил сдержанно:

– Слава Богу, не жалуюсь...

Александр Васильевич ещё раз пристально окинул согбенную фигуру преступника, который с покаянным смирением не поднимал век, осторожно позванивая увесистыми оковами, и сказал укоризненно:

– Покайся, братец!.. Проси милости у Господа за грехи свои тяжкие... Да сокрушит он твое жестокосердное сердце! – и генерал широко троекратно перекрестил злодея. Тот неуклюже втянул склонённую голову в широкие плечи...

3

После ухода генерала и сопровождающего его капитана Пугачёв некоторое время неловко возился в своей тесной клетке, взбивая солому и стеля поверх неё бараний тулуп... В избе между тем сгущались сумерки, и один из четвёрки солдат, карауливших преступника, зажёл сальную свечу. Гремя кандалами, Емельян улёгся навзничь и смежил веки...

В те минуты, когда он говорил со своими неожиданными посетителями и потом устраивал себе постель, его охранники не издавали ни звука – знаменитый преступник внушал им суеверный страх. Пугачёв лежал на боку, вытянув руки и подогнув ноги, чтобы кандалы не давили его своей тяжестью. Кожа

под железными браслетами чесалась и саднила.

В избе установилась такая гулкая, настороженная тишина, что стало слышно, как беспечно шебуршат в щелях тараканы и самозабвенно воют под полом мыши...

– Чё-то зябко стало, – осторожно подал голос один из солдат, полгая, что их подопечный уснул. – Може, печку затопить?..

– Давай топи, – тоном приказа ответил капрал и поправил фитилёк свечи.

Пугачёв шевельнулся.

– Эй, служивые! – раздался из тёмного угла сиплый сорванный голос. – Это кто ж тут давеча был?..

Солдаты вздрогнули и переглянулись. Им не запрещалось разговаривать с преступником, однако общая молва и тот неодолимый ужас, который следовал за ним по пятам, невольно заставляли их сдерживаться. Капрал, помня, что он здесь старший, нехотя выдал:

– Генерал Суворов... – он будто бы выдал некую военную тайну.

– Да неуж?! Сам Суворов?.. – Пугачёв непроизвольно дернулся, и железные цепи глухобрякнули.

Солдаты подавленно молчали. Странные глаза злодея загорелись жаркими, самозабвенными огоньками, а фосфорические окружения зрачков ярко высветились и устрашающе мерцали в полутьме...

– Семён! – неуверенно позвал капрал. – Печка-то, чай, сама не горится...

Один из солдат нехотя встал и пошёл вон из избы.

– Надо жеть, сам Суворов! – негромко, словно самому себе, но так, чтобы явственно слышали окружающие, воскликнул Пугачёв. – Он жеж с туркой воюет! Да неуж она... – это слово он намеренно выделит голосом, произнеся его с интимно-короткой интонацией, будто речь шла о законной жене, дабы караульные поняли, что разговор касался царствующей императрицы, – удумала турку пожалеть?..

В избе опять повисло тягучее, напряжённое молчание. Двусмысленные слова преступника размагничивающе действовали на солдат, на что и рассчитывал коллодник. Будучи простыми русскими людьми, они безо всяких колебаний, безоглядно верили слухам, а упорная молва о том, что этот странный человек – чудом спасшийся царь Петр Фёдорович – подспудно делала своё дело. И даже присутствуя при раскаянии злодея

и слыша разговор его со знаменитым полководцем, они, вопреки всему, не могли верить собственным глазам и продолжали верить легендам...

Пугачёв, слыша это тревожное, сосредоточенное безмолвие и зная ему цену, искренне наслаждался. Он знал, что частенько умеет внушать простым людям необъяснимый суеверный трепет. Но тут ему подумалось, что присутствие самого Суворова тоже говорит о многом.

Уже который год шла русско-турецкая война, и для России не существовало дел и забот превыше этого. И вдруг самый удачливый генерал, снискавший себе славу блистательного и непобедимого полководца, именно в битвах с турками, неожиданно отзывается в глубь России... И для чего? Чтобы подавить бунтовские подвиги простого донского казака Емельки Пугачёва!..

Солдат Семён притащил охапку дров и с шумом вывалил её у печки. Со стуком распахнув чугунную дверку, напихал в пустое чрево толстую ломкую солому, потом уложил поверх неё тёмные корявые поленья... Узник из своего угла довольно хорошо различал лицо солдата – его сурово сведённые брови, скупосжатый рот, наморщенный лоб... И ещё он замечал, что Семён упорно избегает его взгляда.

– Какой он всё ж-таки тощый да махонький... Этот Суворов, – всё так же негромко рассуждал преступник. – Аршин, поди-тка, с вершком. Я-то думал – Суворов – о-го-го!.. – вполне искренне продолжал бывший казак, воочию видевший известных генералов Румянцева и Потёмкина – мужчин саженого роста и завидной родности.

– Мал да удал! – коротко обрзал капрал на правах старшего, нутром почуяв, что разговор переходит допустимые границы.

В глазах Семёна, сидевшего на корточках перед разгоравшейся печкой, мелькнула какая-то тень. Узник, не отводивший от него пристального взгляда, заметил её и присовокупил:

– Оно, конечно, так... Тольки мы не таких орлов видали! – по привычке двусмысленно ответил Пугачёв, зная, как обезоруживающе действуют такие речи на души простых людей.

– Ты говори, да не заговаривайся! – вспылал капрал. – Мало те шелепов-то железных всыпали!..

– Да ладно тебе, Пахомыч! Уймись, – урезонил начальника самый пожилой из солдат, – оне и так наказаны... – и осторожно кивнул в сторону преступника.

Тот удовлетворенно прикрыл веками свои необычные глаза. Уважительная интонация, прозвучавшая в голосе солдата и грубый окрик капрала, за которым скрывались нервозность и страх, даже обрадовали его. На какую-то долю секунды самозванец почувствовал, что он снова внушает людям необъяснимый трепет и желание под-

чиняться. В него опять была готова вселиться непонятная, неукротимая сила, стремящаяся повелевать всем. Та сила, все признаки которой проявлялись и в облике маленького генерала, с той лишь разницей, что она не внушала опасения...

Солома в печи жарко затрещала, оранжевые сполохи пламени ярко осветили круглое лицо белобрысого солдата. Из-под опущенных век Пугачёв явственно различал, что оно обрело покорное, почти сонное выражение. (Узник, разумеется, не знал, что это состояние на языке психологов называется «сомнамбулизмом», то есть определённой фазой гипноза, когда человек, впадая в некий транс, с готовностью выполняет все требования и команды медиума).

Дерзкая мысль шевельнулась в голове самозванца, но тут раздался зычный голос капрала:

– Семён, ты вьюшку-то открыл?..

– А-а-а?.. – повернул тот сонное, непонимающее лицо.

– Вьюшку, говорю, открыл? Что-то чадно больно...

Солдат, сбросив оцепенение, медленно встал и потянул на себя печную заслонку. Пугачев не спеша повернулся на другой бок, гремя докучливыми цепями...

4

В гарнизонной офицерской избе было жарко натоплено, горели ярким ровным светом стройные восковые свечи. Суворов, сбросив мундир, остался в белой полотняной рубахе. Маврин и ещё пятеро офицеров, из уважения к персоне генерала, только расстегнули верхние пуговицы мундирных сюртуков и поставили в угол шпаги.

Александр Васильевич, сидя на лавке под образами, ссутулив и без того узкие плечи, покачивал кончиками сапог, на палец не достававшими до полу. Господа офицеры сидели поодаль, соблюдая должную в подобных случаях дистанцию, дабы не оскорбить генерала и не унижить себя. Они только что пообедали постными щами, закусив их рыбным пирогом и

пропустив по рюмочке анисовой – всё с ведома Александра Васильевича, свято соблюдавшего все предписания церковного календаря. В желудках офицеров, мало в чём утеснявших себя, было пусто-вато и неуютно...

Во время обеда и после одного разговор по русскому обычаю шёл, конечно же, о внешней политике. Этому способствовало в немалой степени присутствие Суворова, спешно прибывшего с театра военных действий. Русско-турецкая война тогда была самым главным и увлекательным событием.

– А что, Ваше превосходительство, – деловито вопрошал солидный майор-интендант, – артиллерия-то у турков какова?

– Изрядная... – быстро отвечал Александр Васильевич. – Пушки, мортиры, единороги... Гостинцы сыпят ядрами, бомбами, картечью... Всем, чем изволите, подставляй головушку только!..

– Однако! – брови у майора поползли кверху. Худое, подвижное лицо Суворова сморщилось в озорной снисходительной усмешке:

– А вы, батенька мой, полагаете, будто турки только своими кривыми ножами воюют?..

Офицеры сдержанно улыбнулись. Комендант Яицкого городка полковник Симонов сокрушенно потрянул седеющей головой:

– Научили, значит, басурман на свою голову...

– Да кабы они только у нас учились, помилуй Бог! – тут же откликнулся генерал. – Наставников у них, слава Аллаху, хватает... Одни французы чего стоят!..

Капитан Маврин, будучи самым младшим по чину, скромно сидел на краю скамьи и не вмешивался в разговор, хотя все присутствующие относились к нему с

должным уважением, помня, какую миссию он осуществляет. И Суворов тоже понимал, что неприкрытый капитан-поручик является здесь главной фигурой, и потому выражался несколько велеречиво и туманно вопреки своим всегдашним привычкам.

Маврин вспомнил, что, говоря о французах, знаменитый генерал имел в виду, скорее всего, барона де Тотта, помогавшего туркам отливать пушки. Этот де Тотт вызывал особую нелюбовь императрицы.

– Ну, ничего! Мы им всем покажем! – храбро воскликнул майор-интендант, слыхавший свист пуль только за стенами крепости. Все присутствующие дружно засмеялись.

– Это как пить дать, помилуй Бог! – охотно подхватил Суворов. – Достанется всем на орехи!.. – он широко махнул рукой, и офицеры невольно посерьезнели.

– Наша матушка Россия всему миру покажет свою силу и стать... И буйным туркам, и хитрым французам, и мешкотным немцам, и надменным англичанам. С Божьей помощью всех врагов одолеем!.. – и полководец привычно, размашисто перекрестился.

Офицеры как по команде подтянулись и сотворили приличествующие случаю физиономии. Маврин усмехнулся про себя. Он был достаточно наслышан о редкостном и курьёзном лицедействе знаменитого военачальника и теперь мог наблюдать его воочию.

К слову сказать – все выглядело достаточно правдиво и убедительно. А окажись на месте офицеров команда солдат – вслед за словами генерала грянуло бы дружное, оглушительное «Ура!» Но теперь после внушительной паузы

разговор опять вернулся к войне. Она занимала тогда все просвещенные и непросвещенные умы.

Россия под яростный гром пушек и холодный блеск штыков упорно проламывалась в тесные ряды европейских держав, демонстрируя свою мощь избиением одряхлевшей и бессильной Османской Порты. И самоуверенная, блистательная Европа с недоумением и тревогой взирала на бесцеремонного азиатского дикаря, нещадно колотящего себе подобных почти в самой её прихожей!

Не потому ли наиболее проницательные из её питомцев вроде пронырливого француза де Тотта помогали туркам отливать пушки? А венценосная властительница полудикой Московии – захудалая немецкая принцесса София-Фредерика, умело устранившая своего незадачливого мужа, – однажды захватила трон и обратилась в русскую царицу Екатерину II. И, обратившись, тут же забыла свою крохотную, уютную, добропорядочную родину, находящуюся в самом центре Европы.

Можно только искренне подивиться масштабу её преображения: как маленькая, послушная, безропотная приживалка мигом обернулась опытной, расчётливой интриганкой, проницательной, искусной, умелой правительницей, ловко руководящей тьмою своих подданных!..

Маврин кое-что знал об отношениях императрицы к знаменитому полководцу: о его чудачествах, неожиданных выходках и даже шутовстве, в котором, кстати говоря, Александр Васильевич был не столь уж блистателен и оригинален. Шутовством тогда пробавлялись многие, вплоть до всемогущего Потёмкина.

Но не знал капитан-поручик

другого, вернее, не успел узнать – скоропалительное появление в Яицком городке Суворова объяснялось не верноподданническими чувствами генерала, отнюдь не стремлением навсегда покончить с главным злодеем, потрясающим основы государства, а желанием загладить собственную вину и, возможно, обезопасить себя.

Дело в том, что победоносный военачальник некоторым образом самоуправствовал, то есть попросту сменил поля сражений. А причиной тому была сильнейшая неприязнь к удачливому и более молодому генералу Каменскому, стремительно обошедшему его в чинах и наградах. Надо полагать, что будь Александр Васильевич званием поменьше и славой поскромнее – ещё неизвестно, чем бы закончилась его самовольная отлучка...

Одержав стремительную победу при Козлуджи и разделив (к обиде) её лавры с тридцатилетним Каменским, сорокачеловек Суворов, стремительно оставив своё воинство, уехал в Москву, к молодой жене, отношения с которой у него не сложились с самых первых дней супружества.

Фельдмаршал Румянцев – прямой начальник Александра Васильевича, был крайне раздосадован его своеволием. Однако неожиданное вмешательство матушки-государыни, повелевшей отправить Суворова на окончательный разгром и поимку Пугачёва, отвели от своенравного генерала начавшие сгущаться тучи...

И Александр Васильевич, услышав первые раскаты грома и почуяв запах грозы, не стал дожидаться слепящих, испепеляющих ударов молний, а тут же ринулся во мрак и неизвестность...

После продолжительного, но бессодержательного разговора, в котором хозяева – порою неуклюже и грубовато – стремились польстить гостю, было решено отправиться на покой. Под конец беседы даже энергичный и подвижный Александр Васильевич несколько обмяк и продолжал улыбаться сухими морщинистыми щеками в ответ на потоки лести, щедро заливавшие его со всех сторон.

Впрочем, лесть эта казалась вполне искренней, поскольку исходила она из уст неродовитых, небогатых армейских офицеров, до глубины души завидующих удачливому, преуспевающему генералу, воюющему за пределами Отечества. В то время, когда они – в грязь, распутицу и холод – таскаются по заволжским степям, разгоняют отряды бунтовщиков, состоящие из разной сволочи. А награда за всё это – глухая ненависть собственных крепостных или подлый удар суковатой дубины в кромешной темноте, либо поджог родовой усадьбы...

Александр Васильевич встал, зевнул, мелко перекрестил рот.

– Я, Ваше превосходительство, приказал баньку истопить, – радушно сообщил комендант крепости Симонов, – чай, уже поспела...

– Премного благодарен, любезный... – устало улыбнулся Суворов. – Но недосуг, да и умаялся я крепко...

Офицеры сочувственно вздохнули.

– Злодея бы попарить не мешало, а то вши да блохи по нему эскадронами скачут! – неожиданно прибавил браваый генерал.

Симонов недоумённо поглядел на майора-интенданта, потом перевёл взгляд на капитана Мав-

рина. Тот пожал плечами:

– Относительно мытья преступника в бане – на то высочайшего распоряжения не имеется...

Александр Васильевич усмехнулся:

– На нет, вестимо, и суда нет. Кабы только они его до смерти не заели – и казнить тогда некого будет...

Офицеры, переглядываясь, прятали улыбки – шутки прославленного генерала имели успех, будоража рутинную скуку армейской жизни. Маврин сотворил непроницаемое лицо, памятуя, что сейчас он как бы представляет собой некое воплощение государева ока.

– Ну что, Ваше превосходительство, – скрывая в усах улыбку, склонил голову Симонов, – тогда позвольте откланяться. Спокойной ночи!..

– Благодарю покорно... И вам всем того же желаю!.. – генерал тряхнул облачком лёгких тонких волос, с трудом прикрывавших намечающуюся плешь.

Все офицеры, кроме Маврина, застегнули мундиры и разобрали шпаги. За толстыми бревенчатыми стенами уже всю хозяйничала глухая, тёмная сентябрьская ночь...

К немалому удивлению капитана-поручика генерал перекрестился на образа и тут же приказал денщику подать бараний тулупчик. Маврин, грешным делом, подумал, что Александр Васильевич решил отправиться за нуждой, но тот вопросительно взглянул на него:

– А вы, батюшка мой, почивать-то ещё не собираетесь?..

– Нет, отчего же? Я бы охотно...

– Тогда пошли...

– Позвольте, а куда? – оторопело взглянул Маврин. Генерал подмигнул:

– К нашему крестнику, куда же ещё?.. – и тут же посерьёзnel. – Бережёного, как водится, и Господь бережёт... – Суворов поплотнее запахнул полушубок.

Капитан, в душе кляня чрезмерную исполнительность и педантизм генерала, пристегнул шпагу и накинул плащ, кутая лицо в воротник. На дворе буйствовал сырой осенний ветер, гулко завывая в трубах и срывая солому с крыш. Генерал, твёрдо идущий впереди с денщиком, к немалому удивлению Маврина очень уверенно разбирал дорогу, хотя шагал по ней только вдругорядь, причём заметно прихрамывая...

Настроение у капитана портилось прямо на глазах – мало того, что они тащились в кромешной темноте, им ещё предстояло провести целую ночь в вонючей, грязной избе, бок о бок с солдатами и закоренелым преступником! И всё благодаря прихоти честолюбивого генерала, желавшего, неизвестно перед кем, показать старание и прыть!

В арестантской избе было тихо, душно и сумрачно.

– Кто идёт?! – напряженным, тревожным голосом окликнул капрал, когда распахнулась тяжёлая дверь и внутрь втиснулись три согбенные фигуры, шуря глаза на пламень свечи.

– Свои, служивый... – миролюбиво ответил генерал, сбрасывая с худых плеч полушубок. Узник демонстративно загремел увесистыми цепями.

– Кормили?.. – кивая в сторону Пугачёва, деловито осведомился Александр Васильевич, сунув шубу в руки денщика.

– Точно так, вашество! – стоя навытяжку, отчеканил капрал.

Суворов, взяв со стола свечу, благодушно кивнул замершей охране:

– Сидите, братцы, вольно!.. – и осветил неярким, колеблющимся светом клетку с преступником.

Из темноты на него воззрились странные глаза злодея. Маврин, стоявший за спиной генерала, мигом забыл все свои тревожения и мысленно перекрестился – этот неподвижный, всепроникающий взгляд вызывал у него лёгкий озноб.

– Ужином, я чаю, доволен?.. – участливо и приветливо спросил генерал.

– Какое доволен! – пробурчал, привставая, Пугачёв. – Рази это ужин!..

Суворов с интересом подошёл и, опустив свечу, осветил ею пол тесной клетки. Там, на соломе, стояло длинное деревянное блюдо с наполовину съеденным варёным судаком и куском ржаного хлеба.

– Э-э, любезный! Ты как та коза-дереза!.. – прищёлкнул языком Александр Васильевич.

– Кака-така дереза?.. – удивленно смигнул Пугачёв, и Маврин почувствовал, как страх отпускает его.

Суворов опустился на корточки перед клеткой и, поставив на пол свечу, весёлой скороговоркой стал рассказывать преступнику простонародную сказку про хитрую, привередливую козу, из-за которой излишне доверчивый дед – её хозяин – вначале прогнал бабу, потом внучку и, наконец, решил испытать животину сам...

– Выпасал её целый день по лугам и долам, поил из ручьев и речек, а потом погнал домой, а у околицы отвязал верёвку, побежал к дому, сел на завалинку, дождался козы и спрашивает, – Александр Васильевич заговорил стариковским

фальцетом, – сыта ль ты, козочка? Сыта ль, матушка? Каково пила да ела?..

В избе воцарилось сосредоточенное, выжидательное молчание. Солдаты, слышавшие эту сказку ещё во младенчестве, тем не менее внимали ей с открытыми ртами. А генерал загнул дребезжащим тенорком:

– Не пила я, батюшка, и не ела... А бежала через мосточек – ухватила кленовый листочек!.. Бежала через гребельку – ухватила водицы капельку!..

Охрана, в том числе и Маврин, сдержанно засмеялась. Суворов вытянул худой гибкий палец и погрозил им воображаемой козе, а точнее – скованному преступнику:

– Взял тогда дед хворостину и ну стегать подлюю козу по бокам да по спине, за её изветы да ложь... И поделом!..

Солдаты уже смеялись вовсю. Хохотал и капитан, заразившись общим весельем. Не смеялся только Пугачёв, прекрасно понявший и смысл, и адрес незатейливой сказки, но упорно делавший вид, что она не имеет к нему ни малейшего касательства...

– Дед-то, знать, не шибко умный был... – внушительно бросил он, когда в избе установилась относительная тишина. – Кабы умный был – сразу бы понял!..

Тишина из относительной превратилась в зловещую – солдаты мгновенно сообразили, в кого метит узник. Он бросал вызов своему главному противнику – самому Суворову!

– Так то – дед! – генерал хитро усмехнулся. – А нам перста в рот не клади – голову потеряешь! – он погрозил преступнику тонким подвижным пальцем. Тут охрана с облегчением загрохотала.

Явное посрамление знаменитого лиходея, несколько лет повергавшего российскую державу в смятение и страх, несказанно обрадовало всех. Капитан Маврин, тоже смеявшийся от души, почувствовал мгновенный прилив симпатии к маленькому непоседливому генералу, так внезапно и ловко разрядившему гнетущую атмосферу арестантской избы...

– Прохор, – обратился Суворов к денщику, когда неожиданное веселье немного утихло, – ты мне на лавке постели. К двери поближе... А вы, батюшка, где лечь изволили?.. – повернулся он к Маврину.

Капитан пожал плечами:

– Да мне, собственно, всё едино...

Даже после довольно удачной развязки ему очень не хотелось коротать ночь в неудобстве и смраде. Он поспешно достал из кармана табакерку и, захватив щепотку душистого Rare, поднес её к брезгливо кривящемуся носу. Суворов между тем привычно распорядился:

– Стели, Прошка, господину капитану в красном углу. А вы, служивые, будете нести караул попарно... Двое спят, двое в дозоре. Через два часа – перемена... Ясно?..

– Точно так... – не очень уверенно ответил капрал.

Александр Васильевич быстро взглянул на него, и не успел капрал объяснить причину своей неуверенности, как генерал вынул из кармана блестящий швейцарский брегет и нажал на кнопку – откинулась круглая крышка, и раздался приятный мелодичный перезвон...

Лица у солдат осветились широкими восхищёнными улыбками, словно у детей, увидевших диковинную игрушку. Александр

Васильевич наслаждался их безмерным восторгом и спрятал часы в карман.

– Я вас менять буду самолично, через каждую пару часов... А во дворе караулы расставлены?.. – обратился он уже к Маврину.

– Всенепременно, – поспешно ответил тот, опасаясь, что генерал отправит его проверять посты.

Пугачёв пристально наблюдал за всем из своего угла через деревянные прутья клетки. За печью тихо стрекотал сверчок...

6

Маленький, заштатный Яицкий городок медленно отходил ко сну. Отсюда два года назад начинался великий бунт, потрясший до основания российское государство. Здесь впервые объявился беглый донской казак Емельян Иванов Пугачёв, нанимаясь к местным старожилам в работники: кому-то тачал сапоги и шил конскую сбрую, косил сено, по случаю копал огороды...

Однако отменным работником беглец не слыл и потому в услужении долго не задерживался. Казаки, хоть и не шибко любили гнуть спину – чужую сноровку и мастерство ценить умели, тем паче, что пришелец с Дона иногда выкидывал поступки вовсе несообразные – одному казаку, например, выкопал в огороде четыре могилы. И на недоумённые вопросы и брань хозяина только неуклюже отшучивался. Тому пришлось прогнать его взащей...

Но бродяга не унывал и отправлялся по другим дворам и заимкам, где принимали его весьма охотно, поскольку видом был он довольно привлекателен. Росту среднего, широк в плечах и тонок в поясе, борода имел небольшую, с проседью. Густые чёрные волосы по обычаю остригал в кружок. Только глаза у скитальца были странные, и некоторые казачки, опасаясь сглазу, упорно отговаривали мужей нанимать его в работники.

К тому же держался Пугачёв весьма независимо и даже заносчиво – при всяком удобном случае начинал поносить местных начальников и – упаси, Боже! – царских вельмож.

А у жителей Яицкого городка были свежи в памяти и ещё побаливали раны, полученные совсем недавно, когда генерал-майор Фрейман, присланный из Москвы для усмирения очередного мятежа, картечью прокладывал себе дорогу. Подавив мятеж, генерал упразднил остатки казачьего самоуправления, обратив бывшую вольницу в регулярное войско.

Жители Яицкого городка наружно смирились, но в душе затаили обиду, злость и желание отомстить. Они не привыкли стеснять себя ни в чём. Собственно, и мятеж возник из-за того, что указами царей, начиная с Петра I, все бывшие вольности постепенно и неуклонно урезались, и казачье войско превращалось в обычных стрельцов или солдат. Казаки многократно и дерзко бунтовали, но каждый бунт подавлялся решительно и бесповоротно. А в последний раз особенно быстро, безжалостно и круто...

Кстати, Емельян стал свидетелем недавнего народного возмущения, косвенно участвовал в нём, но с приходом генерала Фреймана успел сбежать к староверам-раскольникам в Иргизские скиты. Зачинщики бунта были биты

кнутом, около полутора сотен человек сосланы в Сибирь, многие отданы в солдаты. Остальные приведены к присяге и великодушно прощены. Но казачья своевольная натура не могла смириться с подобным унижением и требовала отмщения...

Все предыдущие бунты вспыхивали стихийно – приезжал чиновник из Москвы или Петербурга, зачитывал очередной царский указ, в котором предписывалось упразднить ещё одну или несколько местных привилегий – жители городка молча выслушивали, расходились по домам, потом опять собирались на тайные сговоры. Распалляли друг друга упрёками, похвальбой, дерзкими, несбыточными мечтами – и глядь – тут же находился самый яркий зачинщик бунта. Обрадованные этим обстоятельством смельчаки хватались за оружие – и начиналась кутерьма...

Но власти тоже не дремали – от мятежа к мятежу они всё удачней совершенствовали способы и сроки его подавления. И бунтовщики, таким образом, неуклонно обкрадывали сами себя, поскольку с пресечением очередного возмущения ещё более урезались былые свободы. Словно на шее дикого жеребца затягивался крепкий ремённый аркан. И тут объявился Пугачёв...

Яицкий городок, разорённый, иссеченный кнутом, но не сломленный до конца, мстительно затаился. Жалкие его домишки, стоящие на берегу шумной, быстрой реки с тёмными, мутными водами (такими же тёмными, как души его обитателей), словно застыли в ожидании...

Людская память коротка, но в сказках и преданиях старожилы передавали полузабытую молву о

былой славе яицких казаков. Они вели свою родословную с Дона, от знаменитых ватажников и ушкунников, бесстрашно плававших по Хвалынскому (Каспийскому) морю и лихо грабивших города по его побережью. А на зиму разбойники перебирались на Яик и здесь основали свое первое поселение...

В сожительницы брали женщин из ближайших татарских и киргизских улусов. Только, по тогдашнему обычаю, связывать себя браком не полагалось, а детей приживать – тем более – и потому ватажники своих сожительниц регулярно бросали – детей же приходилось убивать(!)

Естественно, что со временем отношения с ближайшими соседями – татарами и киргизами – вконец испортились. Они не только перестали получать желанную утеху и забаву, но и сами стали жертвами лихих набегов и расправ. Хочешь не хочешь – пришлось остепениться...

А чтобы окончательно придать себе вид и положение оседлых, семейных людей – яицкие головорезы отправили депутацию в Москву, к тогдашнему царю Михаилу Феодоровичу – деду Петра I, с нижней просьбой принять их под высокую государеву руку.

Царь милостиво простил им все вины и дал грамоту на полное владение рекой Яик – от истока до устья. (С подобным же успехом он мог отдать в их распоряжение Нигер или Амазонку, как, впрочем, и Луну). Но этим роскошным и бездумным жестом царь поселил в разбойничьи головы безмерную, бесшабашную гордыню. И разрешил «набираться на житьё вольными людьми», то есть, в большинстве случаев – всяким случайным сбродом...

За полтора столетия городок, возникший в урочище Коловратном, перебрался на крутой берег Яика, ощутимо разросся и стал походить на десятки подобных же поселений по берегам Волги и Дона. И правители, начиная с Петра I,

мало-помалу перестали заигрывать с его буйным, своенравным населением, стремясь обратить его в законопослушных и безгласных подданных Российской империи. Но не тут-то было!..

7

Ночёвка в вонючей, грязной, полной тараканами, клопами и мышами избе превратилась для капитана Маврина в сущую пытку. С клопами он ещё готов был смириться, поскольку ими кишели не только бедные лачуги, но и богатые, роскошные дворцы. Тараканы же, которые так громко и бесцеремонно шуршали своими быстрыми лапками, ловко пробегая по ногам, рукам и лицу, повергали его в оторопь...

Он лежал на лавке, под образами, укрывшись с головой своим шерстяным плащом, обливался потом и дрожал. Сон никак не шёл к нему. На полу, подстелив овчинные полушубки, храпели двое солдат, время от времени шумно оскверняя и без того спёртый, загаженный воздух. Ещё пара сидела у стола, тараша осоловелые глаза на жёлтое пламя сальной свечи...

Знаменитый генерал спал на лавке у двери, раздевшись до исподнего, укрывшись бараньим тулупчиком и сладко посапывая во сне, – многодневная изматывающая усталость давала о себе знать...

Маврин, кое-как утешив себя тем, что спустя несколько дней он оставит всё и уедет в столицу, стал усиленно призывать сон, но почти безуспешно. В дальнем углу брякали цепи прославленного разбойника – тому тоже не спалось. Под полом бесновались мыши...

– Эй, служивый! – послышался тихий голос Пугачева. – Водицы дай испить, ради Христа...

– Чаво? – ответил ему протестующе-неприязненный шёпот солдата.

– Водицу, говорю, дай! Глотку чегой-то завалило...

Солдат нехотя поднялся, заплескал ковшиком в деревянном, громоздком ведре, затем, бухая тяжёлыми сапогами, направился к тесной клетке. Злодей, неуклюже гремя скользкими цепями, кряхтя, уселся поудобней и протянул руки. Солдат попытался просунуть ковшик сквозь деревянную решётку – не получилось – промежуток между толстыми прутьями оказался слишком узок. Тогда он, не раздумывая, накренил ковш, плеснув на пол струйку воды.

– Сапоги, гляди, не замочи!.. – добродушно проворчал узник, и Маврину показалось, что на лице Пугачёва появилась улыбка.

Солдат смущённо засопел, а капитан-поручик придержал дыхание, предчувствуя – с минуты на минуту должно произойти что-то противозаконное.

– Бог тебя наградит... – опорожнив ковш, заговорщицки прошептал преступник. – И Великий князь тоже...

– Кто? – растерянным голосом переспросил солдат.

– Сынок мой. Великий князь Пал Петрович... – слова злодея

прозвучали так убедительно и завораживающе-ласково, что Маврин был готов дёрнуть себя за ухо – не снится ли это ему?..

– А вы рази не... – встревоженным шепотом начал солдат и осёкся. Преступник усмехнулся:

– Беглый казак Емелька Пугач? Брешут они все...

Маврин почувствовал, что далее терпеть просто не в силах – крамольные речи арестанта переходили границы дозволенного. Он убрал с лица плащ, сбросив на пол два десятка тараканов, и спустил с лавки ноги. Но тут прозвонил швейцарский брегет генерала, и Александр Васильевич откинул бараний тулупчик.

– Всё, братцы, подъём! Смена караула...

Солдат, сидевший за столом и, видимо, дремавший, сразу подозрительно выпрямился, а другой, стоявший рядом с клеткой преступника, виновато заморгал белёсыми ресницами.

– Ты чего там?.. – сердито покосился Суворов, и солдат, отойдя от решётки, неловко мотнул ковшом:

– Пить оне просили...

Бравый военачальник испытующе оглядел его, потом перевёл взгляд на узника. Пугачёв вытер ладонью усы, бороду, шумно вздохнул, медленно опускаясь на пол клетки. Одутловатое, болезненно-бледное лицо его почти ничего не выражало.

– Ты смотри у меня! – погрозил ему Александр Васильевич худеньким нервным пальцем. Веки преступника дрогнули, открыв лихорадочные, мерцающие глаза.

– А што? Мы ничего... Водичы только испили... Нельзя, што ля?.. – косноязычно забормотал он голосом юродивого.

Маврин наблюдал за всем из своего красного угла и удивлялся про себя. Лицедейство отпетого злодея было просто поразительным – он шутя переходил от немислимой наглости к полному уничижению, не испытывая при этом ни малейших затруднений. Так быстро и естественно, что трудно было поверить, будто перед тобою один и тот же человек!

Но и Суворову капитан поразился не менее того – вскочить, едва-едва пробудившись ото сна и даже не протерев глаз, мгновенно оценить происходящее – это тоже чего-то стоило!

Пока капитан размышлял – произошла смена караула. Белобрысый солдат Семён и его напарник улеглись спать, а вместо них за столом разместились капрал и пожилой солдат. Суворов, строго отчитав узника, заразительно зевнул, почесался, перекрестил рот и забрался на лавку под тулупчик. В избе опять установилась тишина...

Капитан достал из кармана табакерку с душистым мягким Rare, начинил табаком обе ноздри, аппетитно чихнул несколько раз подряд и, почувствовав лёгкость и просветление в голове, откинулся на лавку.

Пугачёв внимательно наблюдал за ним из своего тесного заключения. Маврин, ощущая на себе этот взгляд, не спеша укрылся плащом и смежил веки. Дерзость преступника поражала капитана – будучи пойманным и преданным своими же собственными людьми, сидя в тесной клетке с кандалами на руках и ногах, он ещё питал какие-то несбыточные надежды!

Маврин вспомнил растерянный, угождающе-покорный голос белобрысого солдата и отметил про себя, что останься тот наедине

со злодеем – могло случиться самое невероятное. Тут капитан воскресил в памяти первые минуты допроса, когда связанного Пугачёва привели к нему казачий сотник Харчев и комендант яицкой крепости Симонов...

Самозванец был одет в роскошный тафтяной полушубок, зелёную шёлковую рубаху, синие порты и мягкие хромовые сапоги. Но, несмотря на броскость и щегольство наряда, вид у знаменитого лиходея был весьма униженный и растерянный. Маврин, тщательно скрывая сильнейшее волнение – ещё бы – он впервые снимал допрос с того, кто дерзко потрясал самые основы государства, задал преступнику первые вопросы: кто он и откуда?

– Емельян Иванов Пугачёв. Казак станицы Зимовейской... – с готовностью ответил связанный самозванец. В его голосе, взглядах, позе капитану-поручику виделось полное и глубочайшее раскаяние.

Пойманный и посрамлённый злодей словно бы ужаснулся всего содеянного им и готов был пови-

ниться. Вот тогда-то он и сказал, что «Богу было угодно наказать Россию через его окаянство». Но день спустя в настроении преступника наметились перемены...

Тут Маврин, неожиданно для самого себя, уснул...

Спал он беспокойно, неустанно тревожась пугающими, беспорядочными видениями: вдруг ему явственно показалось, что Пугачёв небрежно сбросил цепи и, легко переломив прутья клетки, беспрепятственно вышел вон... Потом его, капитана-поручика Маврина, насильно одели в рубище, заковав в ручные и ножные кандалы, отвели и посадили в низкое, мрачное подземелье. А там по полу бегали крысы и тараканы...

Каждое ужасающее сновидение прерывалось тогда, когда мелодично звонил брегет Суворова, и Александр Васильевич бодро соскакивал с лавки, меняя караул. Но через несколько минут Маврина вновь одолевали томительные, устрашающие грёзы, заставлявшие его беспокойно ворочаться и постанывать во сне...

8

— Да, батенька мой, храповицкого вы придавили крепко!.. – свежий, раскрасневшийся Александр Васильевич озорно поблескивал светло-голубыми глазами.

Маврин, чувствую головную боль и ломоту в теле, тяжело поднялся с лавки – казалось, что всю ночь его нещадно дубасили палками. И нынешнее пробуждение представлялось ему продолжением одного из кошмарных ночных видений – та же низкая грязная изба, удушливый смрад и тесная клетка с грозным разбойником...

Только маленький, бодрый и улыбочивый генерал был словно бы не совсем ко двору, как бы выпадая из общего разряда...

– Прощка, подай капитану умыться! – приказал Суворов своему денщику и добавил радушно: – Самовар уже поспел. Чайку попьём и за дело примемся...

Маврин накинул сюртук, натянул, легонько побряхтывая, сапоги – мешал мягкий пухлый живот – и отправился во двор за нуждой.

На улице светило яркое солнце, ветер утих – стоял один из погожих дней короткого бабьего лета.

Во дворе, вдоль дощатого забора, группами и в одиночку сидели солдаты. Стоило капитану выйти на крыльцо – сразу прекратились разговоры, и весь путь до убогого, насквозь продуваемого нужника он шёл провожаемый любопытными, молчаливыми взорами...

А когда возвратился назад, то у крыльца его неожиданно встретил генерал, хитровато усмехаясь:

– Придется переждать, господин капитан! Злодей тоже справляет естественную надобность! – на Александре Васильевиче висел полушубок внакидку, худые руки он засунул далеко подмышки, отставив чуть в сторону хрому ногу в высоком начищенном сапоге.

– Что-то вид у вас, батенька, не слишком свежий? – участливо спросил он у хмурого капитана.

Тот пожал плечами:

– Угорел, должно быть, ваше превосходительство. Спать было душновато... – он полез в карман за табакеркой. Достал её, широко раскрыл и протянул генералу:

– Могу ли просить об одолжении?..

– Нет-нет, голубчик! Я этого баловства себе не позволяю, помилуй Бог!..

Маврин, заколебавшись, хотел сунуть табакерку на место, но Суворов снисходительно усмехнулся:

– Пользуйтесь, пользуйтесь, господин капитан! Привычка ведь вторая натура. Приобрести её, говорят, легко, а избавиться – куда как тяжеленько!..

И под это добродушное, почти отеческое ворчание капитан быстро зарядил обе ноздри щепотками своего любимого табака и чихнул, деликатно отвернувшись в сторону...

– Вот и славно. На доброе здоровье, батенька! – кивнул генерал своей рано плешивевшей головой.

– Покорно благодарю, ваше превосходительство! – искренне ответил Маврин, заблестев посветлевшими глазами.

Солдаты вокруг не отводили от них взглядов. Точнее, от маленькой фигурки Суворова, напоминая детей, впервые увидевших нечто поразительное и необъяснимое...

– Преступник-то ночью о чём-то с караульным солдатом сговаривался... – понизив голос, сообщил генералу Маврин.

Светлые глаза Александра Васильевича чуть потемнели, он плотно прижал к телу острые локти:

– С которым?

– С тем, белобрысым...

Худое, подвижное лицо полководца напряглось и посуровело:

– А-а, тот, молодой... Семёном его кличут, кажется?..

– Вот-вот...

Александр Васильевич бросил по сторонам быстрый оценивающий взгляд, нервно сжал маленький узкогубый рот. Но через минуту хитровато усмехнулся:

– Злодей, надо полагать, дерзок и нахрапист, и пальца ему в рот не клади! Но загвоздка, мне грешному думается – не в нём... – и открытые, по-ребячески наивные глаза знаменитого военачальника сделались стариковски мудрыми и пронзительными. Маврин насторожился.

– Вы сами-то, батенька, верите в натуральную кончину покойного императора? – почти шёпотом спросил Суворов.

Капитан ответил кратко:

– Без сомнения...

Но было в его голосе нечто такое, что заставило генерала иронически подвигать бровями:

– Вот-вот! Коли мы сами обо всём этом не слишком подробно осведомлены, то чего требовать от них? – Александр Васильевич осторожно мотнул головой в сторону солдат и присовокупил: – Матушка Россия всегда жила слухами. Тут ничего не попишешь. И мы с вами, голубчик, с этим никак не совладаем... Помилуй Бог! – он выпростал руку из-под полушубка и тронул капитана за плечо. – Пойдемте-ка лучше чай пить!..

Маврин подавил вздох. Идти в нечистую, вонючую избу, где закованный в цепи злодей справлял большую и малую потребность (впрочем, по его же распоряжению), не слишком ему хотелось. Но теперь фактическим хозяином положения был известный военачальник – у него на руках находился «открытый лист», давший ему право командовать военными и гражданскими чинами любого звания и ранга.

На крыльцо вышел с ковшиком в руке и полотенцем на плече Прохор – денщик Александра Васильевича.

– Давайте, барин, я вам полью... – с добродушной готовностью обратился он к капитану.

Маврин закатал по локоть рукава мундира, распахнул ворот и, широко расставив ноги, стал у нижней ступеньки крыльца, сложив горстью ладони. Прохор умело и ловко наклонил ковш, так что вода полилась умеренной, ровной струйкой...

За спиной денщика появился Суворов – в мундире, шляпе и со шпагой у бедра.

– Ну что, батенька мой, вы готовы? Самовар, я чаю, простынет...

Маврин, вытиравший лицо и руки суровым, жёстким полотенцем, успел скрыть невольное удив-

ление – ему упорно думалось, что генерал намерен завтракать в нечистой избе, рядом с преступником!

– Да-да! Я мигом!.. – он суетливо стал поправлять заметно растрёпанный мундир.

Суворов снисходительно улыбнулся:

– Ничего-ничего, голубчик! Дело ведь походное, не вахтпарад поди-ка...

И через несколько минут, они дружно отправились в казённую избу, где их ждало в полном сборе гарнизонное начальство.

Несмотря на погожий, ласковый денек, в низеньких, приземистых домишках, в казаках, казачках и казачатах, праздно сновавших по улицам, но упрямо делавших вид, будто они заняты важными заботами, – и даже в самом воздухе было разлито напряжение. Томительное, тщетное ожидание чего-то необъяснимого и страшного...

Маврин, шагавший вслед за прихрамывающим генералом, почти физически ощущал на себе пронизывающие, вопрошающие взгляды, словно незримые путы, набрасываемые со всех сторон. Он несколько раз споткнулся на ровном месте, а юркий полководец шагал уверенно и бойко, несмотря на свою увечную ногу...

Когда они вошли в гарнизонную избу и Александр Васильевич, сняв шляпу, привычно перекрестился на иконы, местные чины во главе с полковником Симоновым застыли вдоль стены.

– Доброго здоровья, господа офицеры! Покорнейше прошу садиться... – мягко скомандовал, вернее, попросил Суворов.

Офицеры, сдержанно поздоровавшись, расселись по лавкам. На столе, покрытом свежей крахмальной скатертью, сверкал пузатый

самовар, вокруг громоздились бублики, баранки, свежий хлеб, туюсочки с вареньем и мёдом...

– Э-э, вот это люблю! – потирая худые нервные руки, бодро воскликнул Александр Васильевич. – Давненько медку российского не едал! Придвигайтесь поближе, господа!.. – радушно пригласил он почтительно замерших офицеров. Те стали вежливо отказываться. Суворов насупил брови:

– Господа! Я вам приказываю! Начальник я вам или нет?.. Извольте слушаться! – и, не сдержавшись, хитровато улыбнулся.

Полковник Симонов, подавая пример остальным, приблизился к столу. Капитан Маврин, у которого давно сосало под ложечкой, сразу откликнулся на приглашение генерала.

– А что, ваше превосходительство, турки мёду не едят?.. – подсаживаясь к столу, искательно спросил майор-интендант.

Прославленный военачальник охотно повернулся к нему:

– И-и-и, голубчик! Больших сладён вы нигде в мире не найдёте! Всякие там рахат-лукумы, шербеты, халва... Это всё они придумали... А вот медку такого душистого у них нет! – и Александр Васильевич полез ложечкой в берестяной туюсок.

Офицеры облегченно рассмеялись, а полковник Симонов, по праву хозяина, стал разливать по стаканам горячий чай. Маврин опять подивился простоте и умению знаменитого генерала разрядить самую напряжённую атмосферу и создать вокруг себя привычную, почти домашнюю обстановку.

– Прошу, ваше превосходительство! – полковник Симонов протянул генералу стакан с чаем. – Угощайтесь!..

– Благодарю покорно! – Александр Васильевич распахнул мундир и уселся поудобней, доброжелательно оглядывая собравшихся.

– Как вам спалось, ваше превосходительство, по соседству с таким-то злодеем?.. – сочувственно поинтересовался майор-интендант.

Офицеры с нескрываемым любопытством ждали ответа знаменитого военачальника, поскольку эта неожиданная и странная ночёвка в избе, где находились нижние чины и содержался главный преступник, казалась всем курьёзной и даже сумасбродной выходкой.

– Прекрасно, голубчик! – генерал повернулся к Маврину. – Вы не разделяете, господин капитан?..

Жуя бублик и запивая его горячим чаем, капитан-поручик от неожиданности едва не поперхнулся.

– Нет, отчего же! – он героическим усилием протолкнул в горло кусок. – Если бы только не мыши да тараканы!..

Офицеры дружно рассмеялись.

– Ну, тараканов да мышей у нас здесь везде хватает! – махнул рукою Симонов. Майор-интендант тут же подхватил:

– Всю муку да крупу изгадили, ваше превосходительство! Чистая напасть!..

Суворов только добродушно посмеивался, с аппетитом прикусывая баранки и шумно прихлёбывая чай.

– Злодею-то завтрак послали?.. – не сгоняя с лица улыбки, как бы между прочим, спросил он у коменданта. Полковник Симонов хмуро кивнул в ответ:

– Куда же тут денешься? Пришлось...

Александр Васильевич с минуту смотрел на него ясными

голубыми глазами, потом прибавил, тая улыбку:

– Жаловаться он изволил, господин полковник... Кормят-де его неважно...

Симонов покраснел:

– Неважно? Да что он – в самом деле?!..

Майор-интендант в испуге отвел глаза. Генерал выпрямился:

– Уж коли мы его взяли в плен – придётся с ним повозиться! Как ни крути – он нынче важная персона! – и Александр Васильевич иронически развёл руками.

– У меня эта персона вот где сидит! – полковник Симонов, не сдержавшись, хлопнул себя по ще.

Офицеры сочувственно вздохнули. Суворов с интересом глянул на негодующего коменданта, а тот, немного смягчившись, пояснил с усмешкой:

– Год назад он сулился с меня, ваше превосходительство, голову снять! С меня... – тут полковник показал на одного из офицеров, – и с майора Крылова...

За столом повисло гнетущее, напряжённое молчание. Каждый из присутствующих вспомнил, что ещё несколько недель назад, все они жили в непреходящем волнении и страхе, за собственную судьбу и судьбу своих близких. Бунт, начавшийся в Яицком городке, мгновенно перекинулся в башкирские и калмыцкие степи, захватив Заволжье, маленькие крепости и крупные города...

Остервенелый самозванец, набирая силу и хмелея от успехов, метался по городам и весям, как мечется буйное, всепожирающее пламя, безо всякого смысла и цели, а полыхая только там, где тлеет порох и гуляет ветер. И комендант Симонов был в числе первых ус-

мирителей этого бунта. Вот потому с беглым казаком Емельяном Пугачёвым у него велись особые счёты...

Сейчас, по происшествии достаточно долгого времени, можно было кое-что иначе оценить и переосмыслить, тем паче что каждый русский человек крепок задним умом. А единожды пережитый страх уже не кажется таковым при воспоминании о нём. Но одного полковник Симонов не мог взять в толк, считая это просто «промыслом божьим» – почему безрассудный самозванец не взял сразу Яицкий городок, а кинулся к Оренбургу? Вот и знаменитый военачальник задал ему тот же вопрос:

– А при начале возмущения, господин полковник, у злодея было достаточно сил?..

– Я полагаю, ваше превосходительство... – осторожно ответил комендант.

Суворов пожал худенькими плечами:

– Так чего же он не решился взять вас штурмом? Поелику не очень разумно оставлять у себя в тылу вооруженного противника. Так и до беды недалеко...

Симонов кивнул:

– Я тоже так считаю...

Но тут вмешался майор Крылов:

– Я прошу прощения, ваше превосходительство. Но первый бой мы приняли за стенами крепости. По приказу господина полковника мы с майором Наумовым встретили мятежников в степи...

– То есть вы не сидели на месте, ожидая незнамо чего?.. – ожилился Суворов. – А вышли на встречу злодею? Похвально!..

Маврин переводил взгляд с генерала на офицеров. Александр Васильевич очутился в своей

любимой стихии сражений, сразу заметно взбодрившись и повеселев. Комендант и его окружение охотно, но не слишком подробно стали отвечать на его пристрастные вопросы, поскольку даже при самом начале военных действий они наделали массу ошибок и промахов.

Майор Крылов, тогда будучи капитаном, выехав за стены крепости, не сделал ни единого выстрела – к ним навстречу прискакал ка-

зак, размахивая подмётным письмом самозванца. Крылов приказал арестовать его, но казаки, бывшие у него в подчинении, сразу воспротивились. Письмо было прочтено – и половина отряда мигом перешла на сторону мятежников. С остальными Крылов кое-как вернулся в крепость. А комендант Симонов в это самое время находился там же, опасаясь только одного – как бы не возмутилось и не восстало население городка...

9

Позавтракав варёною полбой и выпив две кружки морковного чая, Пугачев полулежал на полу клетки. В наиболее удобной и необременительной позе – ни стоять, ни сидеть в обычном положении не представлялось возможным – мешала теснота и тяжесть оков.

Узник спокойными, но цепкими и пронизывающими глазами наблюдал за своими стражами. По распоряжению генерала его охраняла другая четвёрка солдат. Преступник сразу отметил это и теперь терялся в догадках – случайно сие или преднамеренно? После нескольких дней полного упадка духа и совершенного бессилия в нём опять затеплилась надежда.

Нет, он не мечтал снова возродиться в облике свергнутого царя и закончить, наконец-таки, победоносную войну, утихомирив народ и щедро наградив своих сподвижников. Ему хотелось просто бежать и скрыться. Куда-нибудь за пределы родимого отечества – в Персию или Турцию...

Пугачёв вдруг вспомнил, что в самом начале возмущения он предлагал яицким казакам бежать

в Турцию и даже божился, что на границе у него зарыто двести тысяч рублей. А по прибытии в Турцию один паша обязательно выдаст беглецам пять миллионов. Денег, разумеется, не было и в помине. Но Емельян так горячо и красноречиво убеждал казаков, что те едва не поддались на уговоры...

Возможно, так оно бы и случилось, если бы не затяжная попойка на хуторе отставного казака Данилы Шелудякова, когда в хмельном угаре кто-то неожиданно прохрипел:

– Станичники! А, може, стоит кинуться в Расею?..

– На кой?..

– Сказился!..

– За каким бесом?..

– Чтоб те повылазило! – посыпались возмущённые, негодующие выкрики. Однако слова были произнесены – дерзкие, ошеломляющие – и не так-то просто оказалось выбить их из сумасбродных, своевольных хмельных голов.

Пугачёв множество раз пытался вспомнить эти роковые, неотвратимые минуты, так круто изменившие его судьбу, и не мог сказать наверняка – кто и когда

предложил разжечь бунт и объявить его чудом спасшимся царём?..

Когда утихли негодующие вопли и была почата очередная четверть самогона, размягчённые и слегка остывшие казачьи головы решили, что в «Расею» отправиться, конечно, можно, только с чем и как?..

По слухам они знали, что в стране неспокойно – по центральным губерниям прошлась чума – кругом и всюду торчали военные заставы, так называемые «карантины», препятствовавшие свободе передвижения и волновавшие народ, не понимавший и не принимавший этих мер. Волновались башкиры и калмыки. Последние даже пытались покинуть пределы Российской империи и уйти в Китай...

Зачинщики бунта понимали: если они просто затеют очередной мятеж и, собрав достаточное количество сочувствующих, выставят правительству ряд требований, то даже при самом благоприятном стечении обстоятельств – затея обязательно провалится. Как провалились все предыдущие. А что будет потом – каждый это прочувствовал на собственной спине. И потому не хотел рисковать...

– Как-то, намедни, я слышал... – неуверенно сказал Данила, – што царь-то покойный живёхонек...

– И чаво?.. – спросил один из гостей.

Хозяин хутора поскрёб в затылке:

– Сюды бы его. К нам...

Пугачёв, долго и красноречиво убеждавший казаков бежать за границу, выжидательно молчал. Мысль о том, что следует отправиться в глубь России и поднимать там бунт, не слишком вдохновляла его. Но слова о благополучно здравствующем царе зацепили

заговорщиков. Им в этом виделся добрый знак.

– Кабы он был с нами – тоды бы вся Расея поднялась!.. – убеждённо воскликнул Иван Зарубин. Все собравшиеся согласно загудели.

Каждый из смутьянов был непоколебимо убеждён, что устранённый интригами придворных император Пётр Фёдорович, разумеется, жив-здоров и скрывается где-то у «верных людей». А вероломная царица-немка творит всяческую неправду и беззакония...

– С им бы мы поначалу с тутошних начальников шкуры спустили! – мечтательно предположил Тимоха Мясников. – А там бы и до Оренбургу с Москвой добрались!..

Казаки оживлённо задвигались. У всех было свежо в памяти недавнее пришествие генерала Фреймана, от которого у многих ещё чесались бока. Вожделенные мечты о неминуемом, многократном отмщении жарко загорелись в душах у мужиков – сплошь полыхающие усадьбы, разграбленное добро, обесчещенные жёны и дочери... Жажда разрушения, крови, насилия ударяла им в головы и заволакивала глаза багровым туманом...

Распаляя, подзадоривая один другого, они уже замыслили походы на Москву и Петербург, безжалостные расправы над сановниками и вельможами, вплоть до самой царицы...

– А энту немку толстомясую, б... паскудную – на кол посадим – пушай издыхает в корчах!.. – неслись издевательские выкрики.

Крамола созрела вполне. Даже за эти подстрекательские, озлоблённые речи всем собравшимся на хуторе грозили плети и каторга

– и каждый понимал это. Емельян, дотоле злобно, остервенело ругавший царских приспешников и российские порядки, теперь угрюмо молчал. Ему не слишком хотелось оставлять мысль о победе за границу. Возможный бунт его страшил.

– И на кой хрен нам сдалась твоя Турция? – будто подслушав его мрачные мысли, повернулся к Пугачёву Тимоха. – Кто нас тама ждёт?..

– Мы же с имя воюем... – поддержал его Зарубин. – Обзовут нас лазутчиками – и башка долой!..

– Верно! Правильно!.. – загомонили остальные. – В Русь надо кидаться! Её подымать!.. Эх, и погуляем, братцы!..

Емельян не нашёлся с ответом, а заговорщики уже всюю обсуждали детали грядущего всенародного возмущения. И всё у них выходило гладко, спору и удачно. Не хватало только самой малости – воскресшего царя Петра Фёдоровича!..

– А може, тебя поставим, Иван?.. – обратились заговорщики к Зарубину. Тот отмахнулся:

– Да вы чего, мужики, в самом деле? Меня же тутаж кажная собака знает! С самого малолетства...

Взоры казаков сошлись на Мясникове, но Тимоха показал на упорно молчавшего Пугачёва.

– Вон Емелью ставьте! Он тутаж пришлый!.. – это прозвучало не слишком всерьёз, скорее, как поспешная отговорка, но смутьяны цепко ухватились за неё...

– А и вправду, Емелья, може, спыташь? – нетвердо подхватил Шелудяков. – Бог не выдаст, свинья не съест!..

– А мы тебя поддержим! – с готовностью подхватил Зарубин, в душе радуясь тому, что ускользнула так от опасного предложения.

– И к туркам бежать тоды зачем! – обрадовался Денис Пьянов, один из самых давних знакомцев Пугачёва. – На Москве царём станешь! Не бойсь!..

Емельян оторопело смотрел на всех собравшихся, хотя мгновение назад он уже почувствовал, куда клонится разговор.

– Да вы что, станичники, белены объелись? Меня – царём?! Крепко, видать, вам брага-то в головы шибанула!.. Перевернула всё в мозгах-то к ядрёной бабушке!..

– Ты говори – да не заговаривайся! – вдруг вспыхнул Мясников. – Мы про себя и про тебя как надо понимаем...

Пугачёв, смерив его с головы до ног своими странными глазами, ткнул себя в грудь твёрдым заскорузылым пальцем:

– Ну, погляди ты на меня – какой я царь? Горох, што ля?..

И все заговорщики, как по команде, воззрились на своего собутельника. В распоясанной, измятой рубахе, заношенных портах, в чувяках на босу ногу, с колтуном в волосах, а главное – с опухшим от пьянства лицом и выбитым в драке верхним зубом – пришелец с Дона менее всего походил на венценосную особу.

– Да мы, того... – осторожно развёл руками Мясников, – одёжонку тебе, какую надо, справим... Ты не сумлевайся. Это мы зараз!..

– Знамо дело! – загомонили остальные. – И кафтан, и шапку, и сапоги в самом лучшем виде добудем! И шашку с конём... Не тужи, Емелья!..

Но Пугачёв не поддавался:

– Остыньте, запивохи! Рази дело-то в одёже? – он криво усмехнулся щербатым ртом. – Куды же мне с такой-то рожей?..

В избе на минуту воцарилось обескураженное молчание. Заговорщики отводили друг от друга разочарованные, недовольные взгляды. Самый старший из казаков, Данило Шелудяков, сказал с укоризной:

– Ты, Емеля, это понапрасну! Зачем же так-то? Мужчина ты видный!..

– Твоя правда! – обрадованно подхватил Мясников. – А ежели в баню сходишь да башку с бородой причешешь...

– Да рубаху атласную и кафтан из бархату!.. – мгновенно навалились все остальные, не дав Пугачёву открыть рта.

И опять пошли в ход щедрые обещания раздобыть самого резвого коня, дорогой кафтан, самую острую шашку... И даже ружьё заграничной работы... Но Пугачёв был неумолим.

– Шабаш! – хлопнул он по лавке крепкой ладонью. – Будя меня нахваливать и подарки разные сулить! Я вам не баба!..

– Ах, не баба?! – взорвался Зарубин. – Ну тоды, Емеля, держись! – он облизал пересохшие губы, бурявя строптивца злыми, мстительными глазами. – Коли вдругорядь тебе станичное начальство схватит – вызволять не станем!.. Пущай тебе из спины ремни режут!..

– Верно! Правильно! – в сердцах загудели заговорщики. Пугачёв опустил голову – это было уже кое-что.

Два месяца назад Иван Зарубин вместе с двумя казаками помог ему бежать из каторжной тюрьмы в городе Казани, где Емельян содержался почти полгода. И схватили его здесь, близи Яицкого городка.

– Ты думаешь, Даниле-то дюже сладко тута тебя держать? – настырно вмешался Мясников. – На хрена ему энта канитель?..

– И то правда, – негромко вздохнул Шелудяков.

Пугачёв просипел с натугой:

– Чего я делать-то должен?..

Заговорщики неуверенно переглянулись:

– Ты это... – начал Пьянов и осёкся.

Данило Шелудяков подхватил, не торопясь:

– Покеда одежонку тебе сгоношим... Да баньку затопим...

Емельян зло глянул на него:

– Заладила сорока Якова – банька да одежонка! А опосля? Ступай, мол, рвань, на дыбу?..

Тут вмешался Зарубин:

– Ты погодь – не гони! Гляди-ка, пряткий какой! Тебе тута не блох ловить! Это дело крепко обмозговать надо... А как же?!

– Во-во! – обрадованно поддержал Тимоха Мясников. – Мы же не робята, чать, малые... Давай, мол, Емеля, – быть тебе царём! А дале – поступай, как хошь... Куды это годится?..

Эти на первый взгляд разумные и осторожные доводы слегка утихомирили Пугачёва. И – странное дело – сделали его заметно сговорчивей. Он уже более благожелательно смотрел на своих сообщников. А те облегчённо вздыхали...

– Царь-то с бородой был али как?.. – критически глядя на всклокоченную физиономию Пугачёва, спросил Пьянов.

Данило, как самый пожилой и уважаемый, ответил авторитетно:

– Ноне не токмо цари, все барырыло скоблят... Так у них заведено!..

– А он? – кивнул на Емельяна Пьянов.

И не успел новоиспечённый «помазанник божий» перевести дух, вездесущий Зарубин опередил его:

– Пушай остается, как есть... – и, заметив недоумённые взгляды сообщников, добавил, хитровато сощураясь: – Это он, мол, нароком... Бороду быдто бы отпустил, чтоб супостаты разные его не признали. Да не извели, в случае чего...

Данило Шелудяков восхищённо мотнул сивой головой:

– Ай да Ванька! Вот это хват!.. Ишь, чего удумал!..

Всем заговорщикам понравилась идея Зарубина, а ошеломлённый Емельян даже не успел собраться с силами, как вся эта шальная, вздорная, полупьяная

карусель завертела его. Остатки здравого смысла, естественного человеческого ощущения возможной опасности были без следа утоплены в разливанном море мутного, одуряющего самогона...

А когда заговорщики опорожнили бутылку до дна, судьба беглого казака с Дона ни у кого не вызвала сомнений – теперь он именовался российским императором Петром Фёдоровичем, чудом спасшимся от козней продажных царских вельмож и распутной, бесстыжей жены. А Емельян всё почему-то колебался...

10

Чай был выпит и баранки съедены, но офицеры во главе с Суворовым всё ещё сидели за столом вокруг остывшего самовара. Александр Васильевич, пользуясь случаем, выспрашивал присутствующих о подробностях недавно усмирённого бунта и – особливо – о главном его герое.

– Когда он тут объявился? – обратился он к Симонову. Комендант ответил с некоторой заминкой:

– Года три тому. Убежал с Дону во время станичного сбора... Был в розыске – лошадь у кого-то украл, а вскоре к нам пожаловал...

– И сразу давай здешних казаков бунтовать, – поддержал начальника майор Крылов.

Генерал быстро взглянул на него:

– Дерзок, однако! Или на что-то рассчитывал? Любопытно!..

Полковник Симонов, не вдаваясь в подробности, продолжал докладывать:

– Мы его быстренько изловили и в тюрьму отправили. А через полгода он бежал и опять здесь появился...

– Ловок, бестия! – беззлобно рассмеялся Суворов и покачал головой, всколыхнув облачко редких, лёгких волос. – А покойным императором когда он назвался? И по какому случаю? Что это за блажь?..

– О-о, ваше превосходительство, – угодливо улыбаясь, вклинился майор-интендант, – тут этих покойных императоров – пруди пруди! Вы верно изволили выразиться – прямая блажь!..

Все присутствующие согласно закивали головами. Александр Васильевич взглянул на Маврина. Капитан сокрушённо вздохнул:

– Это правда. К сожалению – он четвёртый или пятый негодяй, назвавший себя именем покойного царя...

Суворов высоко поднял худенькие плечи, широко разведя выразительные, гибкие руки:

– Ай да матушка Россия! Или я – старый дурак – совсем от жизни отстал, воюя с этой проклятой Турцией, или здесь все с ума посходили?! – он криво усмехнулся. – Пятый, вы говорите?..

Маврин скупо подтвердил:

– К сожалению...

Александр Васильевич шумно выдохнул и качнул головой. Выждав паузу, комендант Симонов сдержанно добавил:

– И тем не менее, ваше превосходительство, ему поверили – и заварилась каша!..

Сидящие за столом подавленно молчали. Суворов будто бы хотел возразить, но взглянул на поникшие головы офицеров и, почти против воли, сдержался.

– Даже сейчас, ваше превосходительство, многие верят, что этот беглый разбойник – покойный император! – желая смягчить тягостную обстановку, осторожно пояснил майор Крылов.

Генерал пристально посмотрел на него. Крылов кашлянул и смолк. Но Симонов поддержал его:

– Вчера ко мне доставили лазутчика, ваше превосходительство...

Суворов насторожился.

– Мы его, конечно... – комендант усмехнулся, – взяли в оборот... И вот что выяснилось – башкиры с киргизами по степи кружат, шайки собирают. Говорят – царя надо выручать!..

Генерал, едва-едва выслушав коменданта, оживлённо подхватил:

– Это, батенька, мне знакомо! – его узкое, сухое лицо собралось в мелкие, бесчисленные морщины. – Грех признаться, но что делать?!.. – Суворов размашисто перекрестился. – И мне пришлось именем злодея спасаться... Ей богу!..

– Как так?!.. – не утерпел майор-интендант.

Александр Васильевич обвёл присутствующих смешливыми голубыми глазами и прищёлкнул языком:

– А вот так!.. Едучи сюда, под Саратовом окружает меня шайка бунтовщиков вместе с этими чёртовыми киргизами...

Офицеры сочувственно закивали головами.

– Наставляют на меня ружья, вилы да копья: – Кто таков и куда едешь?!.. А я сижу в почтовой тележке с ямщиком да своим Прохором... – Суворов выразительно примолк. Молчали и офицеры, чувствуя всю драматичность и безысходность положения. Первым не выдержал майор-интендант:

– Под Саратовом?..

– Под ним, батенька! – сразу откликнулся генерал. – И я им говорю: – Люди императора Петра Фёдоровича! Едем по делу государственной важности! – он демонстративно поднял кверху указательный палец. Собравшиеся заулыбались. А Суворов со вздохом завершил:

– Такая вот, господа офицеры, оказия, помилуй Бог! Стыдно сказать, а что поделаешь? Зато – отпустили!..

За столом воцарилось молчание. Комендант и его подчинённые, пережившие все ужасы и передраги всенародного возмущения и едва-едва воспрянувшие духом после поимки главного злодея, заметно поскучнели. Генерал это почувствовал.

– Кроме сего злосчастливого самозванца... – он обвёл взглядом офицеров и остановился на Маврине, – другие преступники пойманы? Его сообщники главные?..

– А как же! – с готовностью ответил тот. – Зарубин, Перфильев, Падуров, Шигаев, Торнов... В арестантской избе содержатся...

– Это ближайшие его подручные... – авторитетно подтвердил Симонов.

Александр Васильевич перевёл на него свои голубые глаза и задумался. Комендант в смущении замигал выгоревшими ресницами. Суворов сжал маленькие крепкие кулаки.

– Вот что, господин полковник! Выведите-ка всех этих мерзавцев на городскую площадь...

У всех присутствующих, включая Маврина, физиономии вытянулись.

– И весь народ соберите... – не обращая внимания на настроение офицеров, точнее, вопреки ему, приказал генерал. Повисло тяжёлое, недоумённое молчание. Наконец комендант решился прервать его:

– Когда?.. – спросил он траурно.

– Прямо сейчас!.. – прозвучало в ответ, и маленький прославленный военачальник решительно встал, кивнул сидящим пушком на бойкой голове и, прихрамывая, быстро пошёл вон из избы. Маврин молча двинулся следом. Офицеры обескураженно задвигались, гремя табуретами...

Капитан-поручик осторожно шагал за генералом, соблюдая принятую в подобных случаях дистанцию. И сокрушённо думая о том, что знаменитый полководец выкинул-таки давно ожидаемую

курьёзную штуковину. Зачем ему, в самом деле, устраивать подобную демонстрацию?..

Если в городке есть верные сторонники злодея – а они здесь наверняка остались и ещё просочились новые – то нелепый приказ генерала только усугубит и без того шаткое положение. Дерзкие сообщники самозванца сделают попытку его отбить. И даже если им это не удастся – результат будет не в пользу власть предержащих.

Слухи и разговоры о бесстрашном поступке смельчаков перенесутся за стены крепости и вновь взбудоражат народ. Как знать – не найдутся ли более бесстрашные и удачливые негодяи, которые положат собственные жизни за освобождение самозванного царя?..

– Господин капитан, – понизив голос, бросил через плечо генерал. Маврин прибавил шаг, наклоняясь к уху начальника.

– Ни солдатам, ни тем более злодею – ни слова о том, куда и зачем мы его поведём! Это должно быть... – Суворов искоса, снизу вверх посмотрел на капитана, – строго секретно и неожиданно. Вам ясно?..

– Разумеется... – буркнул Маврин, хотя из всего сказанного генералом уловил только внушительный тон приказа.

11

Новая команда солдат, охранявшая Пугачёва, решила прибраться в избе, где содержался главный преступник. Сдвинув в углы стол и лавки, двое солдат взяли в руки веники и подняли такую пыль, что Емельян, лежащий на бараньем тулупе, был вынужден привстать, зажимая нос рукой.

– Служивые! Вы хоша бы полсбрызнули али веники в воде смочили! – беззлобно прокричал он солдатам.

Те, исподлобья взглянув на него, продолжали шваркать по некрашеному половицам гибкими берёзовыми ветками. Узник невесело пошутил:

– Эх! Энтими бы вениками да вам пониже спины! Може, толк какой ни на есть был...

Через несколько минут им самим стало нечем дышать, и один из солдат распахнул настежь тяжёлую дверь. Клубы пыли, светясь в лучах осеннего нежаркого солнца, щедро заструились через порог, а в избе запахло утренней свежестью... Пугачёв, гремя цепями, медленно опустился на пол и сквозь толстые прутья клетки с нескрываемым любопытством принялся наблюдать за жизнью во дворе...

Там кругом торчали солдаты – чистили ружья и обмундирование, варили на костре кашу, рассказывали друг другу байки и балагурили. Но от пристального взгляда Емельяна не укрылось то, что все они нет-нет да и поглядывали в сторону распахнутой двери. И в быстрых, мимолётных взглядах ощущалось напряжение и тревожный интерес...

Узник удовлетворённо усмехнулся – подобное внимание к собственной особе всегда нравилось ему. С некоторых пор он любил внушать окружающим непреодолимое волнение и суеверный трепет. Разные соблазнительные и дерзновенные мысли мигом зашевелились в голове преступника, вплоть до фантастических планов о возможном побеге...

Если бы сейчас ему удалось освободиться от оков и выйти во двор – всех собравшихся там охватило бы мгновенное оцепенение и беспредельный ужас... Пугачёв почти воочию увидел, как он неспешно выходит во двор, нарочито потягивается, расправляя плечи, небрежно окидывает замерших в безмерном волнении людей и зычно командует:

– Коня мне! Живо!..

Тройка солдат тут же бежит за конём. Ему мигом приводят статного, резвого жеребца под роскошным седлом и в дорогой сбруе. Он мельком окидывает свой арестантский, затрапезный наряд и усмехается:

– Эх, не по седоку одёжа! Но ничего, раздобыли одно – добудем и другое!..

И не успевают потрясённые солдаты открыть ртов, как бывший узник соколом взлетает в седло, ударяет пятками коня и вихрем вылетает за ворота...

Один из охранников захлопнул глухую плотную дверь. Пугачёв хотел возмущённо протестовать, вскинул правую руку и ощутил досадную тяжесть цепей. Обескураженно вздохнул, неуклюже опускаясь на слежавшуюся подстилку. Мечты о невероятном, молниеносном побеге развеялись, как облако пыли, поднятое полчасу тому назад...

Емельяну сделалось непередаваемо тягостно и до безразличия пусто. И вдруг припомнилось, что почти то же самое он пережил несколько дней назад, когда со всех сторон бунтовщиков обложили царские войска, и у него осталась только слабая надежда пробиться к Каспию и бежать за границу...

Последний бой было решено принять под Царицыном. Пугачёвские войска расположились на холме, между двумя дорогами, чтобы в случае неудачи ринуться по любой из них. Мятежники все ещё храбрились, веря в неожиданный, сказочный успех, однако их предводитель нутром чувствовал, что удача отвернулась от него навсегда...

С первыми лучам солнца прицельно ударили пушки полковника

Михельсона – и нестройные толпы мятежников сразу рассеялись и позорно бежали... Сам Пугачёв, с тридцатью казаками переплыв Волгу, бросился в степь...

Три недели подряд кружили они по оврагам и бездорожью, чудом ускользя от летучих полевых отрядов, наступавших со всех сторон. Силы бунтовщиков заметно редели, хотя за время бегства они не угодили даже под случайный выстрел, но предчувствие неминуемой, беспощадной расправы за все свои буйные, жестокие, бессмысленные деяния – смертельно пугало беглецов. И при всяком удобном случае они исчезали по одиночке...

Вокруг Пугачёва оставалась только горстка самых близких сподвижников. Каждый из них понимал, что в случае добровольной сдачи рассчитывать на милость победителей не приходилось – за любым из них числилось столько безвинно пролитой крови, что уповать на прощение было бессмысленно. Оставалось одно – предательство.

А неугомный самозванец упорно стремился к спасительному Каспию. И временами казалось, что само провидение упрямо охраняет его, поскольку на пути им не встречалось ни единого серьезного сопротивления. Но казакам, уже успевшим сговориться за спиной предводителя, вовсе не желалось пускаться в рискованное путешествие по чужим, неведомым землям, коль скоро им не повезло на своей собственной. И тут они решились на крайние меры...

Тайными тропами беглецы пробрались на Узень – давнее заповедное место, где всегда укрывались беглые каторжники и раскольники. Пугачёв совсем упал

духом, чувствуя себя загнанным волком, которого обложили со всех сторон. Да ещё в собственной стае созрела измена...

Подъехав к ветхой, брошенной избушке-скиту, где время от времени селились раскольничьи «старцы», казаки спешили, привязали коней. Самозванец, отворив скрипучую, разохшуюся дверь, первым вошёл в низкую тесную избу, искал глазами икону. Лампада перед тёмным ликом Спаса, видимо, давно погасла.

Емельян, перекрестившись, нашёл в углу небольшую бутылку с маслом. Сняв шашку, ружье и пистолет, повесил их на крюк у двери и стал осторожно заливать в лампаду масло. Заполнив почти до краёв невысокий узкогорлый кувшинчик, поправил тоненький обгорелый фитилёк, достал кресало и кремень, чтобы высечь огонь...

За этим занятием и застали его казаки, по одному просочившиеся в избу. Не перекрестив лбов, они застыли у порога, закрывая собою ружье и шашку, висевшие у низкой притолоки. Запалив крохотный фитилёк, Емельян поставил лампаду на узкую полочку в углу, перед квадратной иконкой. Вокруг головы Вседержителя засветился тусклый золотой полукруг...

Искося взглянув на вошедших, Пугачёв, неслышно ступая по мягкому земляному полу, прошёл к оконцу, затянутому толстым бычьим пузырем, похожим на тусклое бельмо, устало присел на широкую, разохшуюся лавку. Собратья не двигались. Несколько минут царил тяжёлый, непреодолимый молчок...

– Ну, чего надумали?.. – исподлобья глядя на казаков, угрюмо спросил самозванец. – Двинем на Каспий али как?..

Заговорщики чуть заметно шевельнулись, и самый смелый и красноречивый из них – Падуров – ответил дерзко:

– Не всё ж нам ездить за тобой – пора и тебе ехать за нами!.. – и в словах его сквозь бахвальство и нахрап заметно прорезывался страх. Пугачёв опустил веки.

– Давно я чувю вашу измену и подлость... – глухим, каким-то замогильным голосом произнёс он и резко встал. Заговорщики вздрогнули, отступив на шаг и хватаясь за сабли и пистолеты.

– На государя свою руки подымаете! – устремив на них свои странные глаза, гаркнул Пугачёв.

Нападавшие чуть смешались, но Падуров крикнул нервно:

– Да будет тебе, Емеля! Не дури!..

По-бычьи наклонив голову, самозванец бросился к двери, пытаясь добраться до висевшего там оружия. Казаки скопом бросились на него и пошла потеха!

– Живым! Живым берите!.. – вопил Падуров.

Клубок яростных тел метался по крохотной избе, переворачивая

лавки и гулко стучаясь о стены. Замигал и погас огонёк лампы... Пугачёв сумел-таки сбросить всю шайку, навалившуюся на его плечи, словно свора бродячих псов. Минуты две они стояли, тяжело дыша и бросая на своего предводителя злобные, ненавидящие взгляды...

Вдруг самозванец поднял обе руки, сложив их ладонями вместе, и протянул их в сторону своего любимца Творогова:

– На! Вяжи!..

Творогов схватил его за правую руку, а в левую – тут же вцепился Падуров, и оба они попытались загнуть своему главарю «салазки», то есть связать ему руки за спиной. Но Пугачёв, невероятным усилием, развёл крепкие локти и прохрипел укоризненно:

– Стойте, охальники! Рази я вам разбойник?!.. – и опять выставил кулаки перед собой.

Стараясь не встречаться с ним взглядами, бывшие сотоварищи скрутили своего поникшего жоака и посадили на лошадь. Емельяну сделалось пусто и безразлично. Круг замкнулся...

12

Войдя в избу, Суворов снял шляпу, привычно перекрестился и бодрым голосом приказал замершим по стойке «смирно» солдатам:

– Вольно, ребята! Злодея кормили?..

– Так точно, вашество! Кашей!.. – хором ответили солдаты.

Генерал подошёл к клетке и с нескрываемым интересом уставился на преступника. Тот неохотно поднял от пола спутанную хмурю голову.

– Ты чего? Нешто захворал?.. – серьёзно, даже участливо спросил

Александр Васильевич. Узник невесело усмехнулся:

– Пожалел волк кобылу... – и глухо брякнул оковами.

В голубых глазах Суворова мелькнули холодные огоньки:

– А это ты, любезный, зря! Насчёт волка-то... С больной головы да на здоровую! – генерал повернулся к солдатам, почти окоченевшим от дерзких слов узника. – Вынимайте злодея из клетки! Давайте, служивые!..

Подстёгнутые приказом генерала солдаты, с трудом сбросив оцепенение, бросились к тесному

деревянному сооружению, где со- держался самозванец. Но, наткнув- шись на недоумённый, вопрошаю- щий взгляд Пугачёва, смешались, неловко топчась у дверцы и толкая друг дружку. Маврин, как всегда стоявший за спиною генерала и наблюдавший всю эту суетную, бестолковую возню, кривился от неловкости.

– Стой! Не напирай! – властно скомандовал Суворов. – Делай один. Вот ты, чернявый! – показал он на горбоносого черноусого солдата.

Дело пошло на лад. Узника проворно вывели из клетки. Генера- л приказал подать тележку.

Пугачёв, всё ещё пребывая в подавленном, угнетённом состоя- нии, тем не менее с тревогой раз- мышлял – куда и зачем его ведут? Маврин тоже был невесел – гене- ральская затея с устройством пу- бличной встречи всех главных пре- ступников казалась ему горше по- лыни. А более всего его пугало то, что он нарушил приказ, данный ему графом Паниным, – держать само- званца только в клетке и ни под ка- ким видом не выпускать наружу.

Прикатила тележка. Пугачёв, гремя цепями, перешагнул порог. Солдаты, заполонившие двор, бро- сили все свои дела и, разинув рты, во все глаза смотрели на дерзкого бунтовщика, два года подряд по- трясавшего основы государства...

Следом за ним показался зна- менитый полководец, вся слава которого враз померкла в при- сутствии звенящего оковами пре- ступника! Потрясённые, немые, замороженные лица жадно глазели с таким неизбывным, всепоглоща- ющим вниманием, что казалось – случись в сей момент потоп или землетрясение – никто не двинется с места!..

И – странное дело – ни одна чёрточка облика самозванца, ни одно, самое ничтожное его движе- ние не ускользнули от зачарован- ных взглядов – но день, и два, и месяц спустя – всего лишь немно- гие помнили его внешность. Так подействовало на них это нежи- данное, ошеломляющее явление!..

Солдаты из охраны помогли преступнику взобраться на теле- жку. Он осторожно, бережно по- добрал цепи, как знатная дама под- бирает подол пышного платья...

– Трогай! – скомандовал Суво- ров, и повозка с закоренелым ли- ходеем тряско покатила со двора. Солдаты неотрывно смотрели ей вслед.

– Стройся в колонну и шагом марш! – без промедления отчека- нил генерал.

Кругом поднялась суматоха. Александр Васильевич кивнул го- ловою Маврину. Оба они двину- лись вслед за охраной, сопрово- ждавшей преступника.

А изо всех дворов уже спешили люди. Вездесущие казачата, оседлав хворостины и мелькая бо- сыми исцарапанными пятками, по- нукая сами себя, неслись впереди взрослых. Старики и старухи, по раскольничьему обычаю одетые в чёрное, брели, опираясь на батожки и поминутно крестясь, бормота- ли молитвы...

Пожилые казаки, в высоких бараньих шапках, шли по двое и по трое, степенно разговаривая между собой. Молодняк спешил гурьбою, беспечно лузгая семечки и весело смеясь. Но при виде повозки с арестантом все неволь- но замолкли и, подталкивая друг друга, как по команде замедляли шаг...

Маврин шёл рядом с генера- лом, чувствуя, что от напряжения

у него деревенеет шея и покрывается испариной лоб. По роду службы ему нередко приходилось присутствовать при экзекуциях, но сейчас он впервые почувствовал себя в положении человека, которого прогоняют сквозь строй.

– Табакерка у вас, батенька, далеко? – искоса взглянув на капитана, живо спросил Суворов. – Табакчком не угостите?..

Маврин от неожиданности вздрогнул и без слов полез в карман. Поспешно достал табакерку и на ходу протянул её генералу. Александр Васильевич круто остановился, не торопясь открыл черепашковую крышку, большим и указательным пальцем взял добрую щепоть мягкого, душистого содержимого и поднёс его к небольшому аккуратному носу. Маврин в удивлении не спускал с него глаз.

Вдруг генеральское лицо исказилось – брови поползли вверх, лоб покрылся морщинами, щеки вытянулись, приоткрылся тонкогубый рот...

– Ох, добрый та... – хотел воскликнуть знаменитый полководец и тут же звонко, заразительно чихнул, попытался привести рот в нормальное положение и опять чихнул подряд два раза, безнадежно махнув рукой. Капитан осторожно улыбнулся.

– Добрый табак! – удовлетворённо сказал генерал, вытираясь платком и возвращая Маврину табакерку. – Нежинский?..

– Нет. Rare, – кратко ответил капитан. Суворов в изумлении поднял брови и решительно зашагал вперед.

Его спутник, секунду поколебавшись, сунул табакерку в карман и тоже поспешил следом. Но теперь ему сделалось значительно легче. А возок с закованным

в цепи самозванцем, дребезжа и подпрыгивая, выкатился на майдан – главную городскую площадь. Комендант чётко выполнил приказ – площадь кишела народом. Ближайшие сподвижники Пугачёва, тоже в ручных и ножных кандалах, но пешие, стояли в кольце солдат и угрюмо молчали...

Казачки и казаки, которых пригнали сюда не только приказ начальства и собственное любопытство, а ещё и множество всяких других причин, в большинстве из которых было трудно разобраться. Но, увидев воочию всех главных зачинщиков бунта – оборванных, грязных, увешанных оковами, потерянных и угрюмых, – жители городка замерли в оцепенении...

Даже малые дети безо всяких окриков и шлепков дружно закрыли рты, испуганно озираясь по сторонам. Капитан Маврин, увидев эту картину всеобщего глубочайшего потрясения, вдруг почувствовал, что он перестаёт быть самим собой, превращаясь в какую-то малую, едва осязаемую частицу безмерного ужаса и оцепенения...

Большинство из собравшихся знали преступников не только по именам, но и пили с ними водку, гуляли с девками, ссорились и дрались, считались кумовством и состояли в довольно близком родстве или жили по соседству. А теперь их кумовья, сваты, девери, шурины, брательники и шабры стояли, позванивая цепями, ожидая лютой, устрашающей казни...

– Кто сей человек?.. – в гулкой, звенящей тишине резко прозвучал высокий, чуть напряжённый голос.

Маврин даже не сразу сообразил – из чьих уст он прозвучал? Но глаза его помимо воли остановились на Суворове. Александр Васильевич – маленький и худой,

в зелёном мундирчике нараспашку и сбитой на затылок шляпе, показывал тонким пальцем на сидящего в телеге самозванца, напоминая всей своей небольшой, сутуловатой фигурой туго взведённый курок. Казалось, ещё одно мгновение – и прозвучит выстрел...

– Емелька Пугачёв, беглый казак с Дону... – раздался сипловатый, невнятный бас из кучки оборванных кандалников, но тишина кругом стояла такая, что слышен был шелест ветра в соломенных крышах...

Самозванец вздрогнул и поднял спутанную голову. В толпе пронёсся тревожный шепоток, многие женщины в страхе осенили себя крестным знаменем. Необычные глаза преступника загорелись жгучими, мстительными огоньками:

– Она чего загутарили! – Емельян едко усмехнулся. – Беглый казак с Дону... Ай да ну!..

Его бывшие сподвижники не поднимали глаз. Пугачёв, гремя цепями, воздел руки к груди, ухватившись сильными пальцами за распахнутый ворот рубахи:

– А кто меня уламывал да улещал, неделю цельную?.. – он обвёл укоризненным взглядом своих заединщиков: высокого рябого Перфильева, коренастого Зарубина, рыжебородого Торнова...

– Ништо, Емеля, быть тебе царём! – его улыбка стала горькой и язвительной. – Соглашайся, мол, мы за тебя горой! Ни в жисть не выдадим!..

– Ах ты, Господи, царица небесная! – довольно внятно прошептала какая-то старуха, толком не понимавшая, что происходит, но тронутая до глубины души.

Пугачёв безвольно уронил руки, и цепи на нём траурно забренчали...

– А не хотел я, видит Бог, не хотел! – в голосе его послышались слёзы. – А всё вы – ироды окаянные! Аспиды ненасытные!.. Царём будешь на Москве! – он опустил голову на грудь...

Маврин вдруг почувствовал, что в груди у него защемило. Он мельком посмотрел на Суворова и заметил, что у Александра Васильевича дрожит веко. И каждое слово, даже вздох самозванца бередили сердца слушающих его...

Это были те редкие, исключительные минуты, когда все собравшиеся в едином месте без различия пола, звания и возраста всё одинаково видели и чувствовали. И у всех было единое ощущение, что на их глаза совершается нечто ужасное, трагическое и безысходное...

– Ах вы, иуды проклятые! – исподлобья взглянув на сообщников, процедил Пугачёв. – Сговорили, уломали, упоили – и опосля скрутили, как последнего голоштанника!.. Моей головой хотите животы свои выкупить? И всё на мою шею свалить?! – грудь самозванца высоко поднималась от горького, праведного гнева и едва сдерживаемых рыданий. – А кто меня подстрекал да подталкивал – жги, мол, стреляй да вешай?!..

Бывшие сотоварищи – бледные, растерянные, жалкие – старательно отводили взгляды. Каждый из них смертельно боялся, что Пугачёв назовет его имя и тем самым безмерно увеличит и без того тяжкую вину любого.

– А за моей спиной вы чего творили? Душегубы, кровопийцы ненасытные!.. А опосля всё на меня валили... – в груди его колокотали рыдания...

По щекам женщин катились щедрые слезы. Казаки, многие из

которых тоже участвовали в мятеже или явно благоволили бунтовщикам, понуро склонили шеи. Нет, они не сочувствовали самозванцу и не осуждали его, понимая, что тот говорит одну только чистую правду, и эта правда всё берedit у них внутри...

Маврин тоже почувствовал, как у него сделалось мокро внизу подбородка, и вскользь проведя

рукою по щеке, капитан намочил себе пальцы. Он быстро и неловко полез за платком, случайно покосившись на генерала. Суворов, ссутулив узкие плечи и чуть отставив увечную ногу, стоял, уцепившись обеими руками за рукоять шпаги. Седеющая буйная голова его тихо склонилась, а в уголках глаз искрились пронзительные, светлые точки...

13

Когда всех преступников развели по арестантским избам и городская площадь опустела, Маврин, пользуясь всеобщим расстройством и разбродом, незаметно ускользнул прочь от генерала. Ему почему-то захотелось побыть в одиночестве...

Яицкий городок с его неказистыми, незатейливыми домишками, крытыми прелой, слежавшейся соломой, со скудными огородами, в которых ещё кое-где сиротливо торчали согбенные остовы подсолнухов с темными, сбитыми набекрень шляпами, и узкими, грязными улочками – отнюдь не радовал глаз.

Казалось, что его обитатели поселились тут ненадолго, без особой радости и старания срубив эти неуютные избёнки только затем, чтобы кое-как укрыться от непогоды, погреться, если надо – перезимовать и вновь отправиться неведомо куда...

По глинистой, вязкой, непросыхающей земле бесстрашно носились босые ноги шустрой детворы, уже затеявшей вечную игру в «казаки-разбойники», обогащенную только что увиденными и пережитыми событиями. А люди постарше – мужчины и женщины – подавленно разбрелись по домам,

чтобы забраться в угол или влезть на печь и, закрыв глаза, думать бог весть о чем...

Капитан, стараясь не испачкать сапог, неспешно прошёлся по нечистым улочкам, ловя себя на мысли, что этот небольшой заштатный городишко совсем не походил на грозное гнездо зачинщиков беспримерного бунта. И одинокие фигуры, кой-где мелькавшие во дворах, совсем не казались соловьями-разбойниками...

Почти сразу за околицей начинался крутой, обрывистый берег Яика. Маврин подошёл к краю и посмотрел вниз. Быстрые мутные волны проворно лизали скользкий, глинистый склон. Множество лодок – темных, просмолённых – было вытащено наполовину из воды, и в некоторых копошились согбенные фигуры рыбаков.

Капитан знал, что ловля рыбы являлась едва ли не главным занятием местных жителей и все основные драматические события происходили во время осенних рыбалок. Здесь их называли «плавнями». Вот и Пугачёв впервые появился в обличье покойного царя Петра III в канун «плавни».

Тут мысли капитана-поручика невольно обратились к недавнему эпизоду с преступниками на го-

родской площади. И он не мог не признаться себе, что сумасбродная затея Суворова блестяще осуществилась! Теперь ни у кого наверняка не возникнет мысли и желания riskовать собственной жизнью ради освобождения жалкого, раздавленного судьбою самозванца. Он вспомнил его бледное, искажённое судорогой лицо, срывающийся, рыдающий голос, укоризненные, искренние, гневные слова, брошенные в лица сообщников...

Смачное чавканье босых подошв донеслось до его слуха. Маврин повернул голову. Снизу, от самой кромки воды, чуть наклонившись вперед, неспешно поднимался небольшой коренастый человек в старом распахнутом кафтане. На плече он нёс скрученный бредень, а в левой руке держал плетушку с рыбой. Босые, перепачканные глиной ноги уверенно и ловко одолевали косогор.

– Ну что, много рыбы наловил?.. – встретил его вопросом Маврин, когда голова рыбака оказалась из-за бугра.

Пожилой казак, почти старик, с седой разлохмаченной бородой, широкими скулами и серыми, чуть раскосыми глазами зорко взглянул на капитана, ответив уклончиво:

– Трошки есть... Окунишки да ершишки... На ушицу будеть... – он потрянул плетушкой, и там, в траве, звонко шлёпнулись друг о друга скользкие рыбы тела. Запахло сыростью и тиной...

– Тесно им там, наверно... – безотчетно спросил капитан.

Старик снисходительно усмехнулся:

– Да не вольготней, поди-ка, чем тутошним смутьянам!..

Маврин как-то сразу догадался, кого имеет в виду пожилой казак. Он с интересом всмотрелся в

него и ответил тоже иносказательно:

– Кто ж им виноват? Назвался груздем – полезай в кузов!..

Старик нетерпеливо переступил с ноги на ногу и поправил бредень на плече:

– И-и, барин!.. Рази энто грузди? Так – одне поганки! Грузди-то давно тю-тю!.. – он присвистнул щербатым ртом, и свист получился фальшивый, издевательский...

Капитан невольно отступил, переспросив изумлённо:

– Как это так?..

– А вот как хошь, так и понимай! – казак потрянул кустистой бородой. – Петра-то Фёдоровича опять верные люди скрыли, а энтого дурака да бражника Емельку Пугача выдали властям здешним... – он произнес это настолько убеждённо и доверительно, что у Маврина на секунду закралось подозрение.

– А разве не Пугачёв выдавал себя за покойного государя?.. – с сомнением воскликнул он.

Старик посмотрел на него, как на малого ребёнка:

– Побойся Бога, барин! Пётр-то Фёдорович живёхонек и здоровёхонек... – казак хотел перекреститься, да помешал бредень, зажатый в правой руке. – Укрылся опять у верных людей... Живёт себе не тужит! – старик всё-таки опустил бредень на землю и проворно осенил себя крестом. – Дай Бог ему здоровья!..

Маврин спросил как бы между прочим:

– А ты видел его?..

– Царя-то? – казак приосанился и стал повыше ростом, преисполнившись уважения к самому себе. – А как же! Даже на свадьбе у его гулял! Када он женился на Усте-то Кузнецовой...

Капитан с трудом удерживал улыбку, задав очередной каверзный вопрос:

– А как же он женился во второй раз при живой государыне? Ведь это грех!..

Пожилой казак заметно поскучнел, с минуту размышлял, сощурился и без того узкие глаза, потом ответил недобро:

– Не нашего это, барин, ума дело... Она вить тоже сжить его со свету хотела. Немка-то подлая... Чудом, бают, уберётся!.. Что же ему таперя всю жисть в схимниках ходить? Он, чать, не монах!..

Капитан не нашёлся с ответом, и хотя речи старого казака дышали явной крамолой, привлечь его к ответу вряд ли имело смысл. Маврин сделал отчаянную попытку:

– Выходит, по твоим словам, что государь Петр Фёдорович и беглый казак Емелька Пугачёв – не одно и то же лицо? Ведь так?..

– Вестимо, нет! – твёрдо кивнул старик.

Капитан изумлённо окинул его с головы до ног, подумал и вздохнул:

– Ну, предположим... У царя ты гулял на свадьбе, а пленного Пугачёва видел?..

– А как же! – казак встряхнулся. – Када его комендант с сотником по улицам водили – кажная собака его видала! Вот те крест!..

Маврин сразу подхватил:

– А сегодня, когда их всех на площадь вывели – ты там был?..

Старик пожал широкими плечами:

– Дак я рыбалил... Вона, сколько рыбы-то поймал! – он тряхнул полной плетушкой. – И на кой мне эти висельники? У нас их тут – пруд пруди! Кажный год воду мутят...

Маврин не сразу собрался с мыслями. Этот короткий разго-

вор с пожилым рыбаком, казалось, смешал все карты. И не успел он приготовить последний вопрос – казак уложил бредень на плечо, сплюнул себе под ноги и бросил хмуро:

– Одначе, барин, надо мне поспешать... Загутарились мы чегой-то с тобой, спаси тя Христос! – он резко отвернул в сторону.

Капитан обескураженно кивнул в ответ, невольно проводив взглядом невысокую, уверенно удалявшуюся фигуру немолодого казака.

В голове его царила полная сумятица. Чего-чего, а подобного, как было принято говорить – кунштюка, он никак не ожидал! При самом безудержном полёте фантазии можно, конечно, предположить всякое, но считать, что пойманный преступник Емельян Пугачёв вовсе не тот дерзкий самозванец – это не лезло ни в какие ворота!

– Эй, станичник! – не выдержав, прокричал Маврин вслед казаку. Тот вздрогнул и остановился, неловко повернув седую голову.

– Ты на свадьбе-то, – капитан чуть запнулся, – жениха хорошо разглядел?..

– Ещё ба! – старик высоко задрал косматую бороду. – Вот как тебя, барин... Куды уж лучше?!..

– Ладно. Ступай, – безнадёжно махнул рукою Маврин. Впрочем, иного ответа он и не ожидал.

Но самым загадочным казалось то, что пожилой казак, видимо, искренне верил или хотел верить в сказочное воскресение покойного императора, в невероятную, почти шутовскую свадьбу, на которой ему довелось быть гостем, и даже в таинственное исчезновение неуловимого царя. Капитан вытащил платок и вытер пот, обильно выпавший на лбу...

Снизу, от реки, поднималась ещё тройка рыбаков, негромко разговаривая между собой. Маврин круто развернулся, словно ис-

пугавшись, что может услышать ещё одну, совсем уж умопомрачительную историю – и быстро зашагал прочь...

14

В гарнизонной избе царили покой и умиротворение. Все бывшие там офицеры во главе с полковником Симоновым расточали похвалы знаменитому генералу, так неожиданно, умело и круто пресекавшему все возможные попытки очередной смуты. Александр Васильевич удовлетворенно улыбался, иногда грубовато отшучиваясь...

Когда Маврин осторожно открыл плотную дверь, стараясь не обращать на себя особого внимания, Суворов тут же задержал на нём свои ясные голубые глаза:

– Ну что, господин капитан, будем готовиться к отъезду?..

Маврин вытянул руки по швам:

– Как прикажете, ваше превосходительство!..

Генерал перевёл быстрый взгляд на коменданта крепости:

– Итак, господин полковник, мы выступаем завтра рано поутру. С восходом солнца, даст Бог... – Суворов привычно перекрестился. – Готовьте две пушки. Команду солдат. Провиант, разумеется...

На лицах Симонова и его офицеров появилось озабоченное, чересчур строгое выражение, которое тем не менее не сумело скрыть долгожданной радости и облегчения. Наконец-то из их городка, а точнее – с глаз долой – убирается этот жуткий бунтовщик-самозванец, столько времени отравлявший всем жизнь!

Внимательно, преданно глядя на генерала, отдававшего проду-

манные, чёткие распоряжения, все присутствующие не могли не подивиться тому, как глубоко и быстро проник он в суть дела.

– А я вам, ваше превосходительство, медку припас! – искренне улыбаясь, вернул майор-интендант. – И воблы вяленой... Хороша рыбка – прямо-таки янтарная!..

– А про злодея-то не забыли, помилуй Бог? – усмехнулся генерал. – Он ведь у нас привередлив...

И все собравшиеся снисходительно заулыбались, с нетерпением ожидая, что тяжкая ноша вот-вот свалится с их плеч. Только один капитан Маврин стоял с постным, траурным лицом и не принимал участия в общем оживлении. Суворов мельком взглянул на него, однако не стал задавать неожиданных вопросов.

– И остаётся, господа, уповать на промысел Божий... – генерал неспешно перекрестился, – и помолиться великомученицам Вере, Надежде, Любви и матери их Софье... Сегодня их святой день. Да помогут они всем страждущим и обременённым!..

Офицеры, в подражание генералу, охотно перекрестившись, с готовностью отправились выполнять его приказы. Суворов и Маврин остались наедине.

– Садитесь, голубчик! – благосклонно кивнул Александр Васильевич. – Нам тоже многое предстоит обсудить...

Капитан медленно опустил ся на лавку, подавляя невольный

вздых. Это не укрылось от быстрых глаз генерала:

– Что? Опять какая-нибудь канитель?..

Маврин пожал плечами:

– Да как вам сказать, ваше превосходительство...

– А как есть, так и доложите! – эта энергичная прямая фраза развязала капитану руки и язык:

– Полчаса назад, ваше превосходительство, я имел весьма странный разговор с одним пожилым казаком... – тут Маврин запнулся.

– Ну-ну! – подстегнул генерал.

– Как бы это поточнее выразиться, – капитан сделал героическое усилие над собой. – В общем, кое-кто в здешнем городке считает, что мы взяли в плен вовсе не самозванного государя...

– А кого? – недоумённо спросил Суворов.

– Вора и пьяницу Емельку Пугачёва...

В светлых глазах полковника мелькнуло нечто, позволившее Маврину подумать, что собеседник на секунду усомнился в благополучии его рассудка.

– То есть, я хочу сказать... – капитан замялся, подыскивая нужное объяснение. – Ну, словом, они считают, что главный бунтовщик был настоящим императором, который снова скрылся. А вместо него нам подсунули какого-то негодяя!.. – он криво усмехнулся, сокрушённо разведя руками.

Александр Васильевич, вмиг посерьёзнев, опустил голову. С минуту оба сосредоточенно молчали.

– Какой там по счёту государь наш кандалник? – бесстрастно осведомился Суворов.

– Пятым, кажется... – с готовностью бросил Маврин, вспомнив,

что уже однажды отвечал на такой же вопрос. И генерал это помнил, продолжая в ироническом раздумье:

– Так чего же вы хотите, батенька? Чтобы на пятом негодяе всё вдруг остановилось?.. – в его голосе появились озорные, издевательские нотки. – Нет уж, дудки! Теперь этих царей они станут печь, как блины. С пылу, с жару – по пятаку за пару!.. – и Суворов, лихо переворачивая ладони, стал звонко шлёпать одной о другую. А в голосе его прозвучало что-то ёрническое, скоморошьё...

Маврин, принужденно улыбувшись, робко возразил:

– Да неужто они это делают намеренно?..

С лица Александра Васильевича сошла шутовская, издевательская усмешка. Он с минуту подумал и сказал убежденно:

– Нет, голубчик! Помилуй Бог!.. К великому несчастью для нашего отечества всё это происходит по истинному убеждению... – генерал сокрушённо вздохнул. – Наш народ, по странной прихоти, не различает, где явь, а где – пустые, вздорные фантазии... Больше того – в фантазии он верит с невероятной охотой – дай только повод!

– Вот и казак так убеждал меня, что мне подумалось – не сплю ли я?.. – с готовностью поддержал генерала Маврин. Суворов покачал головой:

– Вот-вот! А посему и осуждать таких авантюристов, вроде нашего злодея, будто бы не за что! Не он, так другой на эту роль отыщется... Токмо было бы желание!..

Увлечённый ходом разговора и доверительным, искренним тоном генерала, Маврин задал слишком смелый, почти бестактный вопрос:

– Простите, ваше превосходительство, но мне показалось, что вы его пожалели?..

– Кого? Емелю?..

Капитан кивнул:

– Да. Там, на площади...

Суворов ответил, не колеблясь:

– Как христианин христианина. Даже убийцу и раскольника. Но всё в руке божьей...

– Мне тоже стало его жаль... – неожиданно для самого себя признался Маврин. – Но как вспомню все эти жуткие, кровавые злодеяства!.. Полковника Елагина...

Александр Васильевич вопросительно взглянул на собеседника. Капитан пояснил:

– С него эти мерзавцы живьём сняли кожу и мазали его салом сапоги...

Суворов брезгливо поморщился.

– А случай с астрономом Ловицем? – Маврин перевёл дыхание, нахмурился. – Его Пугачёв настиг в заволжской степи, скрутил и спрашивает – кто таков? Тот отвечает: – Изучаю ход небесных светил...

Генерал насторожился.

– И тогда злодей приказывает: – Повесьте его поближе к звёздам!.. И астронома вздёрнули...

– Однако! – недобро усмехнулся Александр Васильевич. – Он ещё и остроумец!..

– Как видите! – горячо подхватил капитан. – И поневоле думаешь – можно ли такому извергу сострадать?!..

Генерал искоса посмотрел на собеседника пронзительными ясными глазами. Потом опустил голову и безотчётно погладил худыми нервными руками свои острые колени.

– Так уж случилось, – произнёс он негромко, – что несколько

лет подряд я воюю с этими чёртовыми турками, а что творится дома, в России, знаю только понаслышке... – Александр Васильевич глубоко вздохнул. – И сказать по правде – не слишком хорошо во всём этом разбираюсь... – он сделал короткую паузу. – А посему, голубчик, не осудите меня за главный вопрос – чего они хотят?..

– Здешние бунтовщики?..

Генерал кивнул:

– Разумеется...

Маврин и сам множество раз задавал себе подобный вопрос и ответ на него находил крайне сложным, запутанным и неоднозначным. А встретив пытливый, бестрепетный взгляд знаменитого полководца, капитан смешался и опустил голову, чувствуя себя не радивым учеником, плохо подготовившим урок...

– Коли им не нравятся, – пришёл ему на выручку генерал, – все меры правительства по обустройству казачьего войска...

– Вот именно! – с готовностью поддакнул собеседник.

– Так надо полагать, что всё это было возможно уладить тут, на месте. Для чего же всю Россию бунтовать? Вмешивать сюда и башкирцев, и татар, и киргизов?.. – Суворов недоумённо развел руками.

Капитан, наконец, собрался с мыслями:

– В том-то и дело, ваше превосходительство, что здешние смутьяны только одним и озабочены – как бы раздуть пожар посильнее да пострашнее!..

Суворов укоризненно качнул сидящую голову.

– Наш главный злодей, – присовокупил Маврин, – не однажды горько сокрушался – улица-де моя тесна!..

– То есть – негде молодцу разгуляться?.. – неожиданно подхватил генерал. – Надо затеять свару и переполох на всю Ивановскую? Чтоб всем чертям тошно стало?!..

– Видимо...

Оба замолчали, мысленно представив последствия возможного исхода событий – случись нечто подобное...

– Ну, предположим! – махнул рукою Суворов, как бы восклицая – «Гори всё синим пламенем!» – и сразу спросил: – А что потом?..

Маврин пожал плечами. Но Александра Васильевича, как военного человека, не устраивал этот неопределённый жест. И он предпочел поразмыслить вслух:

– После любого столкновения, будь то мятеж, либо война – наступает мир и порядок, ведь так? Или я не прав?..

Капитан согласно кивнул. Тут знаменитый полководец, памятуя о том, что сейчас он подталкивает себя и собеседника на заведомо скользкий, крамольный путь, заговорил обиняками:

– Ежели попытаться представить себе невероятное – им удалось одержать верх – что же будет потом? Каков порядок они предложат? И что станется с побеждёнными?..

Маврин ответил, почти не раздумывая:

– Этот порядок у них уже был. С любым провинившимся они поступали на один манер – в куль да в воду!..

– То есть – попросту топили?..

Капитан невесело усмехнулся:

– Естественно. Безо всякого следствия и суда...

– М-да... Весьма приятная участь всех нас бы ожидала, помилуй Бог! – покрутил головою генерал. – Правду ведь говорят, простота – она хуже воровства!..

А куда как просто эти негодяи хотели всех к одному знаменателю привести! Поражаюсь!..

Собеседники на некоторое время замолчали. Каждый из них продолжал мысленный разговор с партнером, поскольку тема эта беспокоила обоих одинаково. Только смотрели на неё они по-разному. Маврина, как члена следственной комиссии, больше занимали истоки и последствия страшного мятежа, а также роль главных его зачинщиков. Александра же Васильевича волновал даже не житейский, а скорее философский подтекст всего случившегося.

– Помнится, в Древнем Риме, – первым нарушил паузу Суворов, – однажды восстали земледельцы и рабы... Усмирять их отправился не отряд легионеров, а один-единственный человек, сенатор Марк Катон... – Александр Васильевич пристально взглянул на капитана. – Вот приехал он к бунтовщикам, сошёл с повозки и поднял руку... – генерал вскинул худую узкую ладонь. – Крестьяне видят: человек пожилой, солидный... Далеко не трус – коль скоро один явился. Притихли... – генерал тоже замолчал, как бы собираясь с мыслями. Капитан не двигался, увлечённый рассказом.

– А Катон им и говорит: любое государство, и Рим в том числе, похоже на человеческое тело. Сенат – это его голова, армия – его руки, землепашцы – его ноги... Вы согласны?.. Те согласились... – тут Суворов хитро сощурился, собрав в складки острое, тонкокожее лицо. – А теперь представьте себе на минуту, что бы случилось, если бы наши ноги взбунтовались против головы?!..

Капитан Маврин весьма поверхностно знал древнюю историю, и потому рассказ генерала вызвал у него живейший интерес.

– И что же они ему ответили?..
– прервал он затянувшуюся паузу.

Суворов озорно заблестел глазами:

– Что сие попросту невозможно!
И тогда Катон стал их увещевать:
– Я говорю с вами от имени главы римского государства, успокойтесь и мирно разойдитесь по домам!..

– А они?..

– Разошлись, – по-военному кратко ответил полководец.

Маврин недоверчиво покосился на него и через минуту бросил с грустной улыбкой:

– Едва ли у нас возможно такое...

Александр Васильевич, подавляя невольный вздох, склонил седую, рано поредевшую голову...

15

Среди солдат, охранявших главного арестанта, была заметна явная перемена в настроении: они уже не смотрели на своего подопечного с робостью и опаской. В их голосах, движениях и взглядах не сквозила нервозность и безотчётный страх. Пугачёв, лёжа почти без движения на полу тесной клетки, не издавал ни звука. Вниз лицом, спиной к стражам, не желая никого видеть и слышать...

Недавняя сцена на площади до дна опустошила его душу. И в ней, кажется, не осталось ничего – ни жажды отмщения, ни боли, ни обиды, ни раскаяния, ни даже отчаяния. Там царила гулкая, беспредельная пустота...

– Караул-то менять скоро будут?.. – буднично спросил кто-то из солдат.

– Как енерал прикажет, – просто ответили ему.

– Который?..

– Да энтот. Суворов... – и в голосе говорившего прозвучала некая торжественность. В избе на минуту повисло значительное, сосредоточенное молчание.

– А правда, братцы, что он самого турецкого султана в плен взял?.. – любопытствовал молодой ломкий тенорок.

– Эко, куда хватил! – тут же урезонили его остальные. – Тоды война бы сразу кончилась! А до

конца-то ещё ого-го!..

И солдаты наперебой принялись рассуждать о перипетиях русско-турецкой войны, подробности о которой они краем уха слышали из уст своих офицеров, из рассказов увечных инвалидов, вернувшихся с поля сражения, дополняя их собственной безудержной фантазией, свойственной каждому русскому человеку...

– Слышал я, братцы, – с завлекательными, интригующими нотками начал пожилой солдат, – что у турков есть особые команды... Мужиков туды берут крепких, здоровых. И чтобы ночью всё видеть могли. Как кошки...

– Да ты што?! А на кой... – тревожно переспросил молодой охранник, но на него зашикали.

– Называются – анычары. И ползают они, что твоя ящерка... – тут рассказчик намеренно сделал паузу, чтобы слушатели могли представить себе этих диковинных турецких вояк.

– Берут они в зубы такие огромные кривые ножи... – для наглядности он широко развёл ладони, и опять молодой солдат не выдержал:

– Почто в зубы-то?.. – в голосе его прозвучал суеверный страх.

– А чтоб рук не занимать... – авторитетно пояснил рассказчик и продолжил с расстановкой: – И

вот, стало быть, наступает тёмная ночь. Ни месяца тебе, ни звёзд... А они, с этими самыми ножами, ползут к нашим постам. Тихо ползут. Веточка не хрустнет, камешек не ворохнётся... А наши, сидя подле огня, знай себе греются...

Каждый из слушающих представил себе знакомую картину солдатской жизни: яркое рыжее пламя бивачного костра, сноп искр, улетающих к чёрному, безлунному небу и согбенные фигуры солдат, протягивающих к огню тёмные, иззябшие руки...

– И чаво? – не выдержал новобранец.

Товарищи хотели на него цыкнуть, но рассказчик охотно подхватил:

– А турки на их кидаются, на солдатиков-то бедных, и ножами по горлу чик!.. – он шваркнул себя по шее ребром широкой ладони. Молодой солдат побледнел и перекрестился. Остальные сосредоточенно молчали...

Им, бывшим крепостным крестьянам, не слишком, конечно же, нравилось тянуть нелёгкую солдатскую ляжку. Военная служба угнетала их не своей излишней суровостью, тяготами и лишениями – всего этого хватало и в прошлой, крестьянской жизни. Пугали неизвестность и неожиданные перемены.

Дома, в деревне, всё было просто, ясно и знакомо от рождения. Семья, соседи, привычный вековой уклад отношений и всего, что окружало любого из них. Если ты чтить старших, упорно и терпеливо трудишься на земле, не перечить своему господину, то жизнь твоя не станет лёгкой, а будет ровной и предсказуемой...

Солдатчина же напрочь выбивала всякого из привычной колеи. И теперь, слушая рассказ своего то-

варища, каждый представлял себя на месте этих безжалостно зарезанных солдат и внутренне содрогался. Утешало одно, что происходило это где-то далеко, на чужой, неведомой земле и с кем-то другим...

– Може, их скоро победят? Турков этих... – как-то неуверенно, даже жалобно предположил молодой солдатик.

Один из товарищей поддержал его:

– Надо думать... – и прибавил, чуть понизив голос: – Коли сам Суворов сюды приехал – значит, туркам скоро могила. Значит, тута главней...

И все присутствующие сразу поняли, что имел, точнее – кого имел в виду говоривший. Взгляды всей четверки, как по команде, уткнулись в спину узника.

Они вдруг вспомнили то, что происходило внизу, на площади, и в избе воцарилась согласная, тревожная тишина. Гневные, злые, укоряющие слова преступника, его устрашающий облик, пронизывающий взгляд странных глаз и та громкая и грозная слава, которая шла и по пятам, и впереди него, делали своё дело. Они не то чтобы ему не верили, а старались не думать о том, кто их молчаливый узник...

Поскольку в России никогда не существовало тайн и секретов, то большинство знало о тёмной и запутанной истории восшествия на престол нынешней матушки-императрицы. И о скоропостижной, туманной кончине её супруга, многие тоже были достаточно осведомлены. Верили – и не верили в неё...

А если этот странный человек выдаёт себя за чудом спасшегося царя, то почему они должны это напрочь отрицать? Тем паче, что пленить его явился сам Суворов?

Со свойственной всем русским людям способностью мыслить кудревато и непоследовательно солдаты, охранявшие преступника, в любой момент были готовы породить ещё одну или даже несколько легенд о своём арестанте...

А Пугачёв лежал, не поднимая головы. Уже несколько минут он прислушивался к разговору своих стражей. Безо всякого живого, корыстного интереса, а просто так, помимо воли и желания...

Когда пожилой солдат рассказывал о турках-янычарах – у него мелькнула мысль, что и он мог бы участвовать в этой войне и даже наверняка бы участвовал, если бы не украл чужую лошадь и не скрылся во время станичных сборов. А этот самый Суворов теперь командовал бы им.

И турки, с их кривыми ножами, уж едва ли перерезали бы ему горло!.. Глядишь, и дослужился бы до чина урядника либо хорунжего. И не сидел бы сейчас в этой проклятой клетке!..

Он вспомнил бледные, бескровные лица Перфильева, Зарубина, Падурова, Шигаева, и опять гнев и злоба переполнили его опустошенную душу. Как они уламывали, искушали, улещали и страшили его! Как клялись в дружбе и преданности! Какие сладкие слова говорили! И как потом подло и вероломно предали!..

Узник старался не думать о том, что его ждёт впереди, прекрасно понимая, что пощады ему не будет. Сейчас его отправят в столицу, осудят и казнят. А казнь будет такой, какую потребует она, то есть царица. За время своего самозванства Емельян привык не только говорить, но при случае и думать о правящей государыне как о своей законной жене, называя

её она, немка, а в минуты пьяных застолий ругать царицу стервой, б....., потаскухой и прочими непотребными словами... К вящему удовольствию корыстных сообщников, старательно подыгрывавших ему.

Эта вынужденная бесконечная игра частенько заставляла и его, и окружающих совершать необъяснимые, ошеломляющие поступки, словно под влиянием чьей-то злой, неуступчивой воли. Ему вдруг пришли на ум сцены жестоких и бессмысленных казней, когда он, безо всякого суда, одним мановением руки приказывал вешать и расстреливать людей...

Почему-то вспомнился майор Харлов – в разодранной одежде, истекающий кровью – вместо левого глаза у него зияла чёрная, ужасающая дыра, а сам глаз висел на щеке... Он один тогда оборонялся против всего пугачёвского войска, штурмом бравшего крохотную крепость Нижне-Озёрную.

С запалённым фитилём майор бегал от пушки к пушке и стрелял по осаждавшим. А весь гарнизон предал своего коменданта. Нападавшие жестоко изранили единственного защитника, стреляя в него из ружей и бросая копьё. И одержав эту сомнительную, смехотворную победу, бунтовщики наскоро соорудили виселицу. Пугачёв приказал собраться всем, принимавшим участие в схватке...

Это была одна из первых его удач, и он очень гордился тем, что противники сдаются ему почти без сопротивления. Из дома коменданта самозванцу принесли высокий стул с резной спинкой. Он чинно уселся на него и приказал привести «пред свои светлые очи» отважного начальника крепости.

Израненный майор, с залитым кровью лицом и болтавшимся на щеке студенистым комком выбитого глаза, кусал от боли губы, чудом держась на ногах... Казаки из свиты самозванца цепко держали его за локти.

– Как смел ты поднять руку на своего государя? – громко, но не очень твёрдо воскликнул Пугачев, ещё не успев как следует войти в роль.

Харлов, огромным усилием остановил на нём единственный, обезумевший от боли глаз и разжал губы, на которых пузырилась кровавая пена:

– Ты вор и самозванец...

В толпе испуганно охнули и многие суеверно перекрестились...

– Будь проклят... – прохрипел майор, желая как можно скорее избавиться от страшных, нестерпимых мучений...

Самозванец ужаснулся – весь облик израненного коменданта был настолько чудовищен, грозен и пугающ, что казалось, будто это и не человек вовсе, а кошмарный выходец с того света, непонятно, каким образом воскресший...

– На виселицу его!.. – махнул он дрогнувшей рукой, хотя минуту назад колебался – не оставить ли калеку в живых? Впрочем, это только продлило бы его мучения...

А ведь показная жестокость тоже поначалу не входила в планы самозванца – окажись майор Харлов и другие офицеры уступчивей и послушней, многие бы избежали виселицы. Но мог ли он прощать строптивцев, которые в присутствии толп народа называли его «вором», «самозванцем», «негодяем», «преступником»? Что бы подумали о нём люди? Значит, он и вправду самозванец – раз терпит

такое!

А потом, празднуя свою лёгкую и убедительную победу, Емельян жестоко напился и в хмельном угаре твердил:

– Ну, почто он так-то? Я ж не хотел его казнить... Как Бог свят! – и он пытался перекреститься непослушной рукой.

– Не тужи, Емеля! – куражливо утешал предводителя Зарубин. – Дюже ловко ты этого знатного майора срезал. Как смел ты, мол, супротив государя пойтить! Молодец! Куды как грозен!..

И вся дружная шайка заговорщиков весело захохотала. Им доставляло особое удовольствие обходиться запанибрата со своим главарём. Наружно, при народе, они ломали перед ним шапки, а наедине не ставили его и в грош.

– У майора, поди-тка, поджилки затрусилась! Страх!.. – подмигнув собутыльникам, озорно осклабился Пьянов.

Пугачёву вдруг сделалось обидно:

– Вы над кем галитесь, босота?! Глядите! Я вас, как того майора!..

– Ты?! – вызывающе сощурил жёлтые глаза Мясников. – Закрой хайло, покуда мы те холку не намяли! Царь-гусударь нашёлся, едри твою в дышло!..

Самозванец запустил в него ковшом, и пошла потеха! Разбросав столы и табуреты, побив и переломав посуду, собутыльники скрутили своего предводителя, связав ему руки полотенцем, и положили на печь. А сами сели допивать остатки...

– Ишь, как Емелья-то расходился! – утирая разбитый нос, злобно ворчал Пьянов.

Зарубин усмехнулся в щетинистые усы:

– Ничё!.. Коли так – стреножим живо! Дюже быстро в цари попёр, побродяжка! Мы таких царей – за бороду да в омут!..

Сообщники согласно загудели. А наутро Пугачёв, с опухшим лицом и подбитым глазом, принимал депутацию от местных крестьян, пришедших к нему с челобитной.

Едва самозванец вышел на крыльцо – мужики упали ничком, пачкая в грязи лица и одежду.

– Вставайте, детушки! – приказал Пугачёв осипшим голосом и протянул правую руку.

Крестьяне поднялись и поодиночке стали подходить к крыльцу, чтобы поцеловать преступную руку самозванца. Они испуганно и униженно косились на плечистого, чёрнобородого мужчину в высокой шапке и казачьем кафтане, с помятым лицом и подбитым глазом, от которого за версту разило сивухой. Приложившись к жилистой немытой руке, мужики кланялись в пояс и бормотали:

– Защити нас, царь-батюшка...

Пугачёв, войдя во вкус, вещал напыщенно и снисходительно:

– Не кручиньтесь, ребятушки... В одночасье вас всех рассужу... Дошли до меня ваши печали да жалобы...

Мясников осторожно толкал в бок Зарубина – смотри, мол, каков гусь! Ну, чем тебе не царь-государь? Чика (Зарубина дразнили Чикой) только хмуро поводил бровями и тихо покашливал.

– Граф Чернышов! – вдруг повернулся к нему самозванец. – Забери-ка у мужиков просьбиш-

ки – я опосля почитаю! А таперя недосуг – дале воевать надобно... Пока всех супротивников, которые мне – государю Петру Фёдоровичу – присягать не хотят, не разобьём в прах! Спаси вас Господь, детушки! – и Пугачёв широким троекратным знаменем перекрестил толпу...

Граф Чернышов (Чика) нехотя собрал у мужиков челобитные и поплёлся в избу вслед за предводителем. После нескольких лёгких побед он уже раскаивался, что в своё время отказался стать царём. А теперь вот – хочешь не хочешь – приходится ломать шапку перед бывшим бродягой! «Опосля почитаю!» – зло повторил про себя Чика, прекрасно помня, что Пугачёв неграмотен...

Солдаты, сторожившие самозванца, проведя четверть часа в нерушимой гробовой тишине, заговорили негромкими, сдержанными голосами:

– А теперь куды?..

– Кто его знает...

– В Питембурх, конешно...

– А може, в Москву?

– Може, и в Москву...

Они опять помолчали, потом пожилой солдат добавил уверенно:

– Куды енерал прикажет...

Но с ним не согласились:

– Дак ему тоже приказали...

– Кто?

– Знамо дело – кто! Царица...

Тут Пугачёв, который уже несколько минут прислушивался к таинственному разговору своих охранников, догадался, что речь шла о нём. И о ней. Его якобы законной жене, вероломно устранившей когда-то своего единственного венценосного супруга. Самозванец вновь окунулся думами в прошлое...

До своего невероятного, стремительного возвышения Емельян никогда, даже мимоходом, не задавал себе вопроса – кто и почему правит этой огромной страной, в которой он живёт? В среде казачества, волей судьбы и обстоятельств селившегося по окраинам России, к верховной власти было особое, двойное отношение. Во-первых, они не считали себя вполне русскими людьми (и действительно не являлись таковыми, перемешавшись с местным, туземным населением), а верховная власть вынужденно заигрывала с ними, желая иметь надёжных стражей своих границ.

Когда Емельян появился на свет в своей родной станице Зимовейской, Россией правила императрица Анна Иоанновна, точнее, правил её бывший кучер и бесменный любовник – герцог Бирон. Маленький казачонок, естественно, всего не ведал. Это не интересовало его ни в малейшей степени.

А потом на престол взошла Елизавета – Петрова дочь. Емельяна сие тоже нимало не тронуло. Но тут ему пришёл срок явиться на станичный сбор и отправиться на войну с Пруссией.

Война растянулась на семь лет, и вот молодой казак, к удивлению, узнал, что он – подданный России, а кроме неё ещё существует некая Пруссия, которой правит король Фридрих. Россией же правит баба – царица Елизавета.

Емельяна это не разочаровало и не обрадовало. Он ходил в атаки, участвовал в вылазках и налётах на прусскую пехоту и конницу... Особо удачливым и смелым рубахой Пугачёв не слыл, но и труса

не праздновал тоже. Он был таким же, как и большинство казаков, призванных тогда на службу и посланных в чужие, неведомые земли.

Его поразила чистота и опрятность прусских городков и деревень и то, что обитатели говорят на совершенно не знакомом и не понятном ему языке, а петухи кукарекают по-русски. В боях он был несколько раз ранен, но не слишком тяжело, и выучил два десятка немецких слов, которыми щеголял по возвращении в родимую станицу...

В той войне Россия, как известно, победила, и русские войска даже взяли Берлин. Только победа оказалась какой-то суматошной, невнятной и, похоже, малоубедительной. Возможно, потому о ней быстро и прочно забыли. А в одночасье скончавшаяся матушка Елизавета и следом взошедший на престол голштинский принц Петер, ставший российским императором Петром III, окончательно смазали итог семилетней кампании...

Новоиспечённый русский государь – ярый поклонник прусского монарха – тут же униженно извинился за нанесённые тому поражения и незамедлительно вернул все занятые земли. Они были возвращены старому владельцу, а победители несолоно хлебавши вернулись в родимые пределы. В их числе и донской казак Емельян Пугачёв, ни сном, ни духом не ведавший, что десять лет спустя он будет именовать себя тем самым голштинским принцем, не давшим ему вкусить сладких плодов победы...

Однако казаки, впрочем, как и солдаты, не слишком горевали по

поводу неудачно завершившейся войны – она всем изрядно надоела. А вот офицерам и генералам, для которых это был «театр военных действий», где они играли эффектные и значительные роли и в качестве аплодисментов получали чины, награды и ордена, подобный финал казался гораздо унижительней оглушительного свиста и плевков. И новоявленный российский император, совершивший рыцарский, но рискованный и опрометчивый поступок, не успел даже прочно занять престол, как его смели оттуда мстительные, хваткие руки...

До станицы Зимовейской, куда вернулся наш герой, слухи об этом дошли с некоторым опозданием и как всегда в искажённом, малопонятном виде. Скоропостижно-де скончалась матушка Елизавета, и на престол взошел то ли сын её, то ли племянник – Петр Фёдорович – и его тут же свергли какие-то злоумышленники. Царь, вероятно, удушен либо застрелен. А может, и скрылся, от греха подальше...

Вместо него теперь царствует его жена – немка Екатерина. Вся эта тёмная, запутанная история странным образом будоражила людей, и казачество в том числе. Тем паче, что царица – немка. А то, что свергнутый монарх был тоже немец, никого не интересовало.

Но первые пять лет правления царицы-немки прошли в мире и покое. Она возводила города, устраивала великолепные приёмы, военные манёвры, парады, в которых участвовала сама, нарядившись в щеголеватый конногвардейский мундир. Черета пиров, балов, маскарадов, единожды начавшись, казалось, не закончится никогда...

В северной столице России – Петербурге и его окрестностях

– строились пышные дворцы со всевозможными затеями – множеством голых мраморных фигур, каскадом фонтанов, щедро извергавшихся под диковинную, невидимую музыку. Знать неустанно веселилась. Народ, вначале настороженно внимавший всей этой шумной вакханалии, понемногу успокоился. Он уже был рад тому, что его не слишком сильно тревожат...

Но вскоре разразилась война с Польшей, а потом и с Турцией. Впрочем, военные действия в Польше носили довольно узкий и кратковременный характер и не требовали большого количества солдат, а вот Турция...

Емельян, к тому времени уже успевший жениться на казачке Софье Недюжинной и нарожать пятерых детей, заметно отвык от военной службы. К слову сказать – и семейная жизнь на собственном хуторе была не слишком ему по нраву. К своим сорока годам он всё ещё никак не мог остепениться, представляя собой тот вечный тип непоседливого мужика – гуляки и буяна – норовящего сыграть роль выше той, которая ему в жизни предназначена.

Он бражничал, ругался, гонял жену и детей, продавал и относил в заклад вещи, подворовывал... Когда началась турецкая кампания, Емельян украл лошадь и явился с ней на станичный сбор. Хоть и не шибко ему хотелось подставлять свой лоб под турецкие пули – семейная жизнь казалась ещё невыносимей и горше.

Но казацкие старшины, знавшие своего земляка как облупленного и помнившие, что он давно пропил и строевого коня, и того, на котором пахал хуторскую землю, потянули его к ответу. Пугачёв

успел скрыться. Станичное начальство между тем дозналось, что конокрад подговаривал казаков, нарушив присягу, бежать на Кубань. Тогда на него был объявлен розыск...

Емельян скрывался неведомо где до начала зимы, а затем тайком вернулся на собственный хутор, пожил дома с неделю и был благополучно схвачен, но опять бежал. Намаявшись с непутёвым супругом, Софья дала себе слово сдать его властям при очередной явке.

Пугачёв появился перед самым Великим постом. Исхудавший, оборванный, грязный – казалось, будто он уже троекратно пережил этот пост. Жадно, наскоро поев, смутян без сил повалился на печь. Софья, накинув платок и полушубок, побежала к соседям. Емельяна сняли прямо с лежанки и отправили в город Черкасск, а по дороге он бежал уже в третий раз.

Только теперь, от греха подальше, аж на самую польскую границу и оттуда с подложным паспортом, питаясь подаянием, пробрался на Яик, к тамошним бунтовщикам. Те приняли беглеца весьма охотно...

Там, превратившись волей случая в чудом воскресшего императора Петра Фёдоровича, Емельян, к немалому удивлению своих подручных, довольно скоро вжился в роль царя. Стал капризен, деспотичен и властолюбив, почище любого наследного монарха...

Ежели в захваченных крепостях оставались нетронутыми храмы, то самочинный владыка приказывал обязательно править церковные службы и при этом непременно поминать государя Петра Фёдоровича и его супругу Екатерину Алексеевну. Царицу-немку,

которая при частом упоминании, кроме бранных кличек, стала невольно приобретать кое-какие осязаемые черты.

Жизнь царского двора и жизнь простого народа при бесконечной невероятной отдалённости друг от друга оставались тем не менее своеобразными общающимися сосудами. Только общались они какими-то немислимыми, трудноуловимыми путями. А скорее всего – напоминали два зеркала, поставленные одно перед другим и бесконечно повторявшие чужие отражения, с той лишь разницей, что поверхности у обоих были сильно искривлены...

Молва о неуёмном сластолюбии матушки Екатерины мгновенно проникла в буйные головы её подданных, порождая там небывалые, ошеломляющие фантазии. И потому Емельян на правах законного обесчещенного супруга имел все основания называть её «стервой», «потаскухой», «прорвой» и прочими неблагозвучными кличками...

После лёгкого и бескровного штурма крепости Нижне-Озерной, в которой самозванец повесил её единственного защитника – майора Харлова, пугачёвское войско направилось к крепости Татищевой. Здесь их встретило довольно сильное и организованное сопротивление, во главе которого стоял тесть храброго майора – полковник Елагин.

Полдня бунтовщики безуспешно обстреливали крепость, а им отвечали сильным прицельным огнем. Пугачев сам подъезжал к пушкам и направлял их на осаждённых, но те держались стойко. Бунтовщикам помог случай – загорелись скирды сена, находившиеся вблизи деревянных стен крепости.

Огонь перекинулся на стены, а затем и внутрь...

С противоположной стороны с воплями и проклятиями в город ворвались пугачёвцы, поскольку все защитники старательно тушили пожар. Победители, привыкшие к лёгким и молниеносным успехам, вконец остервенились и озверели. Офицеры, их жены и многие отважные защитники крепости были тут же задушены, зарезаны и обезглавлены...

С полковника Елагина, человека осанистого и полного, негодяи живьём сняли кожу... Самозванец посылно участвовал во всех этих мерзостях, но на правах царственной особы, то есть – только приказывая и распоряжаясь...

Когда безудержный гнев и жажда мести несколько поутихли, Пугачёв в сопровождении Зарубина прошёл к дому полковника, который ещё не успели разграбить осаждавшие. В просторной чистой гостиной, в простенке между двумя высокими окнами, висел портрет темноволосой женщины с тяжёлым венцом на голове и в пышной горностаевой мантии.

– Хорош патрет! – осклабился граф Чернышов (Чика). – Узнаёшь?..

Пугачёв, смутно догадывавшийся, чьё изображение он видит перед собой, нехотя кивнул голо-

вой. Дородная женщина на портрете явно потрясла его. Доморощенный живописец, старательно выписавший правящую императрицу, видимо, отлично знал вкусы людей низкого происхождения и потому особенно тщательно изобразил сверкающий алмазами венец и чёрные хвостики дорогой горностаевой мантии.

– Ишь, стерва! Красуется... – ухмылялся Чика, хотя лицо «законной» супруги самозванца было плоским и маловыразительным.

Скорее всего, художник скопировал его со столь же неудачного образца, дополнив собственным робким и скудным воображением. Однако Емельян не находил слов. С его точки зрения – это было невероятно пышно, внушительно и торжественно. Здесь он крепко усомнился в успехе принятой на себя роли. Где ему – простому, сиволапому мужику – тягаться с этой царственной женщиной! Одна алмазная корона на голове чего стоит!

– Погодь! Мы тебе покажем! Подпортим маленько личико-то... – мстительно пробурчал Зарубин, потянув из-за пояса кинжал...

– Не трожь! – властно крикнул самозванец, цепко ухватив его за руку. Ему неожиданно показалось, что сообщник вероломно покушается на его личную собственность. Чика не посмел перечить...

17

После шумного и кровопролитного штурма крепости Татищевой подобных сражений были десятки. В большинстве из них бунтовщики одерживали верх благодаря робости, неумелости высших офицеров и почти поголовной измене среди казаков.

Самозванец воевал, распутствовал и бражничал...

В Татищевой ему попала на глаза дочь истерзанного полковника Елагина, она же вдова погибшего в страшных муках майора Харлова. Самочинный государь, расчувствовавшись, помиловал

несчастную дочь и жену, но не потому, что сжалился над судьбою молодой женщины, – его поразила её красота.

Бедная вдова представляла собой тот тип русской женщины, перед которой, как правило, не мог устоять ни один мужчина. Статная, белотелая, с высокой лебяжьей грудью, крутыми, неохватными бедрами, толстой – в руку – косою и большими серыми глазами чуть нависат. Словом, увидел её самозванец – и моментально растаял...

Как всякий неумеренно пьющий человек, он становился совершенно безвольным в присутствии красивой женщины. Его сообщники, по достоинству оценившие выбор своего предводителя, поначалу снисходительно усмехались, судача между собой:

– Гладку бабу наш Емеля-то отхватил!

– Титьки, что у твоей козы!

– И задница справней, чем у кобылы...

– А гляделки – с мой кулак...

– Эхма! Сладка баба – малина прямо!..

Нельзя сказать, что самозванный государь совершенно не испытывал никаких угрызений совести при виде красавицы-вдовы. Временами, лёжа с ней в походной кибитке, Емельян осторожно мял своими грубыми, жёсткими руками её высокую пышную грудь и сокрушенно вздыхал...

– Ты чего? – блестя в полутьме большими прозрачными глазами, тихо шептала вдова.

С самых первых минут вынужденной близости с этим несчастным и страшным человеком она стала называть его на «ты». Емельян, признав не только красоту своей пленницы, но и благородное её происхождение, не стал попу-

сту чиниться и корчить из себя царственную особу, понимая, что в глазах обездоленной женщины это выглядит кошунственным и смешным.

– Мужики дюже злобятся, – отвечал он уклончиво. Пленница шевельнулась:

– На меня?..

– Ага. Говорят – присушила ты меня! – Пугачёв недобро усмехнулся.

Вдова, чуть отстранив от него горячий мягкий бок, сунула под голову белую гладкую руку и задумалась. Конечно, она не испытывала к своему мучителю никаких тёплых искренних чувств, кроме безмерного страха и полнейшего бессилия, думая близостью с ним хоть немного размягчить его болезненную, исковерканную душу. Однако плоды всего этого были чересчур малы и ничтожны: самозванец только лишь позволил похоронить тела её отца и матери, а также убитого по его приказу мужа. И спас от гибели её семилетнего братишку, за которого она смертельно боялась...

– Так присушила, аль нет?.. – с издёвкой спросил самозванец.

Вдова с испугом посмотрела на него – капризный, неустойчивый характер беглого казака бесконечно пугал молодую женщину. Она по опыту знала, как он жесток, мелочен и беспощаден в минуты обиды и гнева...

– Чем же я тебя присушила? – навалясь на него высокой, спелой грудью, натужно улыбнулась несчастная.

Емельян удовлетворенно засопел – робкие ласки вдовы напрочь его обезоруживали. А безутешная пленница, в душе презирая себя за малодушие и слабость, молча отдавалась жилистому, грубому,

деспотичному негодяю, с содроганием чувствуя, что в сердце её нет к нему отвращения и ненависти. Лишь только один кошмарный, безграничный страх...

Но как бы там ни было, а близость с обездоленной вдовой слегка облагородила самозванца. Он стал не только временами умыться и при случае ходить в баню, но иногда прощать своих вчерашних противников. При взятии крепости Пречистинской Пугачёв принял в свое войско всех солдат и помиловал всех офицеров.

Его ближайшие сподвижники – Зарубин, Овчинников, Шигаев, Лысов, Чумаков – с тревогой сообразили, что прирученный ими предводитель начинает выходить из повиновения.

– Дюже большую власть, Емеля, над тобой энта баба взяла!.. – во время очередной пирушки сказал Пугачёву напрямик Чумаков. Емельян не сразу нашёлся с ответом.

– Надо было её вместе с родителем кончать! – жёстко прибавил Лысов.

Чумаков мстительно усмехнулся:

– А всё он – царь-государь! Растуды его в печёнки... – он кивнул на самозванца. – Увидал бабу и раскис... Как мякиш хлебный в водке, тьфу!..

– Ты погоди слюни-то пускать! – собрался, наконец, с духом Пугачёв. – Ишь, раскипятился!..

Один из самых давних сотоварищей самозванца – Чика (граф Чернышев) – сказал с затаённой угрозой:

– Гляди, Емеля, кабы не стряслось чего!..

Тот быстро обернулся к нему:
– А чего? С ей али со мной?

Зарубин равнодушно пожал плечами:

– С обоимя. Все под Богом ходим...

За столом повисло тяжёлое, гнетущее молчание. У самозванца под небольшой клиновидной бородою затрясся острый чёрный кадык.

– Ваша взяла, душегубы... – дрогнувшим голосом произнёс он. – Лейте кровушку безвинную...

– Но-но! – погрозил ему Чумаков. – Ты не шибко-то! Неча тут ангела-хранителя из себя представлять! Ты убивец не хуже нас!..

На следующее утро вдову отважного майора и её малолетнего брата вывели на расстрел. Самозванец, мертвецки упившийся накануне, валялся на лавке, возле неприбранного стола и, услышав сквозь сон хлёсткие, беспорядочные выстрелы и душераздирающие вопли, попытался поднять тяжёлую голову...

– А-а-а? Кто тама? Измена?.. – забормотал он непослушным, иссушённым языком. – Тимоха, Ванька, де вы?..

– Спи, батюшка! Спи, милостивец! – ласково урезонила его пожилая баба-стряпуха, готовившая закуску самозванцу и его свите. – Это полковничью дочь с мальчонкой за измену казнят... Упокой их души, мать Пресвятая Богородица!.. – прибавила она едва слышно.

В странных, полуслепых глазах мужицкого царя мелькнул дикий испуг и будто бы осознание чего-то непереносимого и страшного. Он сделал попытку встать, но какая-то неодолимая, сверхъестественная сила точно размазала злодея по скамье. Ни рука, ни нога его даже не шевельнулись. А через секунду откинулась назад спутанная голова, из отверстого рта с хрипом вырвались и за клубились хмельные пары...

– Ох, свят-свят!.. – отгоняя от лица удушающие запахи, бормотала стряпуха. – Что царь, что мужик – всё зелье без памяти хлещут!..

Через полчаса в избу ввалились граф Чернышов (Чика), граф Орлов (Чумаков), граф Воронцов (Шигаев), граф Панин (Овчинников).

– Бабка! Вина! – закричал от порога граф Чернышов. Остальные графы молча уселись вокруг стола, не снимая шапок. Они почему-то избегали смотреть друг другу в глаза.

– Ишь, сопит! Ровно младенец!.. – подмигнув на самозванца, ухмыльнулся граф Панин.

– Ему-то чё? Его дело телячье! – пренебрежительно махнул рукою граф Орлов.

Стряпуха, кряхтя, поставила на стол бутыль самогона. Граф Воронцов поощрительно хлопнул её пониже спины и бросил игриво:

– Видать, ничё баба-то была? Ежели годков двадцать скинуть? Ага?..

Стряпуха, застеснявшись, неуклюже махнула рукой. Графы дружно засмеялись и неожиданно смолкли. Перед мысленным взором каждого ещё стояла картина недавнего расстрела и та молодая красивая женщина, в смерти которой были повинны они все...

– Наливай! – скомандовал граф Чернышов графу Орлову.

Тот накренил пузатую, внушительную четверть, а собутыльники сразу подсунулись с чарками – всякий торопился заглушить что-то беспокойное и тревожное внутри себя. Будто все они пришли сюда, обожжённые крепким, пронизывающим холодом, и теперь спешили согреться...

У графа Орлова дрожали руки, разливая самогон по стопкам, он щедро плескал его через край, но

никто из графов не проронил ни звука. Первую чарку выпили в напряжённом, траурном молчании, силясь не встречаться взглядами. Баба-стряпуха, подававшая на стол, сокрушённо вздыхала и тайком крестилась. Граф Чернышов, мельком окинув собутыльников, разлил по второй. Выпили так же угрюмо и молча...

– А грузди-то ничего, ажно на зубах хрустят... – негромко, как бы между прочим, сказал граф Панин. Остальные согласно кивнули.

– Ты, Ванька, свою пистолю выкинь! – покосившись на графа Чернышова, недовольно пробурчал граф Орлов. – Палишь в белый свет, как в копейку...

Граф Панин недобро усмехнулся и добавил:

– А може, он нароком?..

– Энто как? – не выдержал Чика.

Граф Панин пояснил, исподлобья глянув на него:

– Грех на душу не хотел брать... Али баба, часом, приворожила? Вон, как его... – он кивнул на спящего самозванца.

Чика не нашёлся с ответом, хотя понимал, что молчание едва ли пойдет ему на пользу. Но собутыльники были слишком возбуждены случившимся и не придали этому значения.

– Лей, чего застыл! – прикрикнул граф Воронцов, и граф Орлов в третий раз наполнил стопки. Разбойники согласно, без промедления выпили и чуть расслабились.

– Мальца-то того... – осторожно начал граф Панин, – може, не стоило?..

Сиятельные особы нехотя переглянулись.

– Чего после драки-то кулаками сучить? – резонно возразил граф Воронцов и мельком взглянул

на руки, будто опасался обнаружить на них пятна чьей-то крови. Его сосед Орлов-Чумаков, недобро усмехнувшись, бросил с издёвкой:

– Царя-батюшку свою благодаритя!.. Через его забавы катами-душегубцами сделались...

– Кто ж его знал!.. – желая оправдаться, осторожно возразил Чернышов-Зарубин. Панин и Воронцов промолчали, но Орлов не согласился:

– Рази энто гусударь?.. – пытался он вразумить остальных сообщников. – Ни форсу, ни вида стоящего... Бродяга – он бродяга и есть! Как его ни обряди – всё едино... А до баб падок – ровно муха до дерьма!.. Вот таперя и решайте...

– Чего? – не понял Зарубин.

Чумаков сказал наотрез:

– А того!.. Ради энтого побирušки я вдругорядь руки кровью марать не стану! Не дождётся...

– А кто тебя об энтом просил? Я, что ли?.. – прозвучал в тишине осипший, пропитый голос.

Графы вздрогнули. Самозванец, с трудом оторвав от лавки голову, вперился в них воспалёнными, больными, полубезумными глазами. Палачи тревожно шевельнулись. Баба-стряпуха, от греха подальше, мигом убралась в прихожую, словно испарилась.

– Порешили, значит, тварей безвинных... Распотешили души свои злобные! – в словах Пугачёва звучали яд и горечь.

Разбойники избегали встречаться с ним взглядами. Государь с трудом уселся на скамье.

– Всё. Край! – он поднял и бессильно уронил правую руку. – Достали вы меня, аж до самого нутра!.. Что хотите со мной, то и делайте... Хошь режьте, хошь

стреляйте, хошь топите, хошь вешайте!.. Нету сил моих...

Чумаков, только что презрительно ругавший самозванного царя, возразил осторожно:

– Ты погодь, Емеля... Охолони. Похмелись лучше...

Пугачёв откинулся к стене, вытянув руки и ноги, напоминая собой мумию, кое-как пристроенную на скамье. Панин-Овчинников проворно плеснул в чарку самогона и подскочил к самозванцу.

– Выпей, Емеля! Легче станет...

– Выпей-выпей! – дружно подхватили графы.

Пугачёв посидел с минуту без движения, никак не отзываясь на просьбы сообщников. Те заметно всполошились – неожиданное и окончательное самоотречение сотворённого ими самодержца вовсе не устраивало лиходеев. Каждый в страхе подумал, что будет, если в народе узнают о его исчезновении? Это станет началом их конца...

– Пей, ирод!.. – не выдержав, гаркнул Чика.

Веки у Пугачёва дрогнули, он медленно открыл свои странные глаза, словно вернулся с того света. Чика смягчился.

– Небось, полегчает... – добавил он искательно.

Самозванец нетвёрдой рукой принял чарку и, окропля самогоном бороду и грудь, сделал несколько судорожных глотков. Худая жилистая рука его тряслась, прыгал острый чёрный кадык... За эти несколько мгновений он будто бы усох и постарел. Сообщники не спускали с него глаз. Бледное, бескровное лицо Пугачёва вдруг болезненно искривилось, собравшись в сырой морщинистый комок. Он глухо, без слов, зарыдал...

– Поплачь, поплачь, Емеля... – невнятно забормотал Овчинников.
– Може, так оно лучше...

И Чика подхватил ему вослед:

– Ты шибко-то не горюй! Бабу мы тебе ищо краше найдем... Мало их, што ли?..

Но самозванец не слышал этих неуклюжих слов утешения. И напрасно душегубы старались убла-

жить его и отвлечь, полагая, что льёт он слёзы по злодейски убитой красавице-вдове...

Нет, ему было её искренне жаль, но больше всего жаль самого себя. А плакал и рыдал он от жуткой, невероятной безысходности всего случившегося, проклиная свою бесталанную, кошмарную, изувеченную судьбу...

18

Бодрый, уверенный Суворов решительно вошёл в арестантскую избу, махнув рукою на замерших солдат:

– Вольно, ребята! – и тут же бросил пристальный взгляд на преступника. Пугачев апатично лежал на полу клетки, почти не обращая внимания на окружающих, даже не реагируя на свирепые укусы блох, беспрепятственно скакавших по нему.

– Как он? – обернулся Суворов к капралу.

Тот вытянулся по стойке смирно:

– Не вставал, ваше превосходительство...

Генерал хотел задать ещё один вопрос, но мельком окинул избу и, заметив в ней относительный порядок, передумал.

– Можешь садиться, братец, – кивнул он капралу.

Узник резко пошевелился, гремя цепями. Все, находившиеся в избе, произвольно вздрогнули, не исключая знаменитого полководца, который через минуту снисходительно улыбнулся капитану Маврину:

– У страха-то и вправду глаза велики! Грешно и подумать-то...

Пугачёв, перевернувшись на спину, искоса посмотрел на генерала, чуть подрагивая припухлыми веками. Александр Васильевич

почувствовал этот взгляд, в свою очередь тоже вопросительно уставившись на него. Все находившиеся вокруг разом затаили дыхание, понимая, что это не просто бессловесная дуэль.

Ясные, неустрашимые глаза полководца напрямик встретились с затаённым, уклончивым взором самозванца. Тот словно бы старался уловить и понять нечто такое, что сделало этого маленького, худого, невзрачного человека таким великим и непобедимым. Искал и не находил...

Капитан Маврин, стоявший за спиною генерала, случайно перехватил и разгадал этот напряжённый, взыскующий взгляд и в смущении отвернулся... Александра же Васильевича это, вероятно, нимало не тронуло, поскольку он тут же воскликнул твёрдо:

– После ужина всем непременно отдыхать! Но спать вполглаза, ясно?..

– Точно так, вашество! – рявкнул капрал.

Суворов повернулся к Маврину:

– А нам, господин капитан, следовало бы проверить посты...

– Я готов, – тот опустил руки по швам, но генерал ласково тронул его за плечо:

– Пойдемте, батенька, вместе...

Они оба вышли на крыльцо. Двор наполовину опустел, только у небольшого костерка суежилась группа солдат, вероятно, готовя себе ужин. Над тихим захолустным городишком стоял погожий сентябрьский вечер, какие случаются в короткий период равенства, когда ночь и день полюбобно делят между собою сутки. И когда в природе устанавливается мгновенное зыбкое, но заметно осязаемое спокойствие. Мимолетная, складная, согласная гармония, которую улавливает каждое живое существо...

Мягко, неброско розовел дальний небосклон, сизые струйки дыма торчком поднимались от соломенных крыш, будто мирно застывая в густеющем воздухе. Лениво мычали коровы. Гулко щёлкал бич пастуха...

– Будь моя воля, – негромко, словно боясь нарушить этот мир и покой, произнёс Суворов, – я бы его простил...

Маврин удивлённо сверкнул глазами, но промолчал.

– И государыня, сдаётся мне, тоже могла бы простить... (Александр Васильевич оказался весьма близок к истине. Екатерина некоторое время колебалась, желая помиловать злодея. Однако её ближайшее окружение – графы Чернышов, Панин, Воронцов – этому активно воспротивились. И вновь Пугачёва сгубили его именитые враги).

Капитан опять не нашёлся с

ответом. А прославленный военачальник продолжал с лёгкой усмешкой:

– Вы знаете, голубчик, когда воюешь где-то за тридевять земель, то чувствуешь себя и смельчаком, и патриотом, и русским, вот как Бог свят! – он вздохнул и перекрестился.

Маврин не отводил от него взгляда – в густеющих сумерках худое лицо генерала теряло свой привычный обострённый контур, становилось мягче и круглее...

– А вернёшься в родимые пределы и ничегошеньки не понимаешь! Вот такая чертовщина, не к ночи будь помянута...

Собеседники согласно помолчали. Александр Васильевич передёрнул узкими прямыми плечами, словно в ознобе:

– Пожалуй, одного только хочется непременно – скорее бы улеглась эта смута!.. Можно воевать с турками, можно с немцами, но не со своим братом-россиянином, помилуй Бог! Страшнее беды не бывает...

Теперь капитан различал только светлые, ярко блестящие глаза генерала и едва пересилил себя, чтобы не спуститься хотя бы на ступеньку ниже. Ему было неловко смотреть на него свысока.

А крохотный, присмиривший городишко уже готовился ко сну, и в далёком, бескрайнем небе над ним робко проклюнулись первые, едва мерцающие звёзды...

Борис ЛУКИН

МЫ СТАНЕМ СТАРШЕ НА ВОЙНУ

* * *

Сын встречает рассвет –
как причудлива жизнь в девятнадцать!
В ней всех смыслов секрет
под названьем: мечты и исканья.
Всё равно лучше нет
истязанья ночного, – признаться,
и с годами видней,
что в те дни и открылася тайна.
Чьи-то жизни хранят соловьи –
их рулады бессмертны:
всё у них о рожденье любви
и о том, что мы бренны.

Распахни, сын, пошире окно!
Возлюби всё, что Богом дано...

2017

Борис Иванович ЛУКИН, поэт, критик, переводчик, издатель. Родился в 1964 г. в городе Горьком (Нижний Новгород). Закончил Литературный институт им. А.М. Горького (семинар Е.М. Винокурова). Работал редактором в «Российском писателе» и «Литературной газете», завлитом МХАТ им. Горького. Член СП России. На многие языки переведены стихи из книг «Понятие о прямом пути» (1995), «Междуречье» (2007), «Долгота времени» (2008), «Поединок» (2010), «Сад земной» (2019), «Чернец» (2019). «Летосовершенство» (2021), «Отец солдата» (2022). Главный редактор и составитель антологий: Современной литературы России «Наше время» и «Война и Мир: Великая Отечественная война в русской поэзии XX-XXI вв.» (издано 12 томов). Лауреат Большой литературной премии России.

Живет в Подмосковьи.

* * *

Умер друг у меня...

К. Симонов

Сын погиб у меня – вот такая беда...
оправданием может быть, что на войне
его ангел крылом не сокрыл без следа;
снайпер цель разглядел – его сердце в огне.
Говорят мне, что сына я не уберёг...
Будто кто-то заранее знает судьбу.
Словно это легко на развилке дорог
разглядеть, не жалея, что выбрал свою.
Сын погиб у меня... Разве я одиночек?
Вместе с ним оборону держал целый взвод.
Каждый смотрит в прицел, каждый жмёт на курок,
и зовёт, и считает, кто рядом живёт;
с кем ещё покурить можно будет чуток;
с кем ещё вспоминать – тех, что рядом лежат.
Как же тих для «двухсотых» ребят закуток.
Как «трёхсотых» разжаты молитвой уста.
Снова раненый рядом... и надо спасти...
А ты с ним до угла, до двери доползи,
обернувшись на окрик: браток, не бросай,
а потом пошути, не сдержавши слезы.
Жив. Пока. И пора на рубеж, Небеса...
Сын погиб у меня... Ангел, где же ты был?
Прежде ты и советы шептать успевал.
Обстановки военной не зная азы,
ты не ведал мирского могущества зла.
Ты о душах радел... И сберёг их полста.
Сын погиб у меня... Небеса! Небеса!

18 ДЕКАБРЯ 2022 ГОДА

Абсурд, конечно: я смотрю футбол.
Донецк бомбят. Ребята погибают,
закрыв кого-то в этот миг собой.
И то, что Месси – чемпион, они не знают.
Что в нашем мире тех мгновений стоит,
единственных меж смертию и жизнью?
Рождение дитя? Рождение героя?
Величье подвига? История России?
Я увлечён, я плачу, сострадаю,
но смысл жизни разве понимаю?
Я видел смерть и роль познал судьбы,
Узнав однажды разве позабыть...

* * *

«Страстная пролети без остановки...»

Андрей Расторгуев

Страстная... Остановкам нет числа.
На каждый день своё придется чтение.
Я с сыном их на марше пролистал
в году прошедшем. Марш не на ученья.
На Мариуполь шли с молитвою бойцы.
У каждого своя. Им вторили отцы,
и матери, и жёны, и невесты...
Земля очнулась. Грохот разбудил.
Вперёд идут защитники Твердынь.
Всё ожидает чуда с Благовестом.
И в каждом вздохе чаем на Страстной:
Воскреснет павший следом за Христом...

* * *

Мы станем старше на войну,
как прежде – на любовь.
Мы не закрасим седину,
сотрём лишь только кровь.

Не раны нам потом считать –
парней: их не вернуть.
Мы вспомним всех друзей-солдат,
ушедших на войну.

Их возраст нам приплюсовать
хотя бы день за год.
И нас вам будет не узнать –
мальчишек-стариков.

Познание жизни – тяжкий труд.
Научены сполна.
И то, что вновь живу с утра, –
То не моя вина.

Узнали мы, что жизнь – в земле,
когда копаешь вглубь,
что смерть совсем ещё не смерть,
а лишь преграда злу.

Убит товарищ, что со мной
ровесник был вчера.
Я старше стал теперь на бой.
Точнее – навсегда.

И вот отец его и мать
в глаза мои глядят;
и вспоминаю всех солдат
опять, опять, опять.

Они во снах меня зовут.
Нельзя забыть их слов.
Мы стали старше на войну.
На смерть... На жизнь... всего.

* * *

Когда ты всех друзей похоронил
и научился, взгляд не отводя,
смотреть в глаза заплаканной родни,
став всем родня;
когда жена не знает, что сказать,
и смысла нет, известен выбор твой,
не повернёшь ты батальон назад,
а поведёшь морпехов за собой.

Их имя с каждым шагом повтори,
до новой кто атаки не дожил:
Анвар, Сергей, Артём, Иван, Кирилл,
Евгений, Александр... Не спеши,
почувствуй, что едины вы в строю.
Плечом к плечу – земной, небесный строй.
Россия смотрит в сторону твою.
Победой пусть закончится твой бой.

БАЛЛАДА О ВОИНАХ СВЕТА

Российским героям СВО

Что может быть парадоксальней,
когда ты жив, а сын погиб.
Но жизнь и смерть его сакральны:
апостольский последний пир.
Как в притче, всех позвав на праздник,
но не дождавшись никого,
сбирали с мира всяких-разных:
тот слеп, тот глух, а тот кривой.
Смеются в голос за вратами.
Зол хор избранников былых.
Что ждать от порождений ада?
Сарказм, плевков, трусливый рык.
А за столом куда как тесно,
и тема общая у всех:
зачем собрали, интересно...
Все здесь калеки, как на грех.
Увечным ли бояться боли?
И смертным ли про смерть молчать?
Но вот явился всё же стольник.
За ним приносят сотни чаш...
Без пьяного мирского шума –
Ядущий Плоть, пьющий Жизнь –
не вспомнил даже, не подумал

взмолиться: мимо пронеси!
Но каждый, скинув, как вериги,
болезни плоти, немощь душ,
в жизнь вечную восстав смиренно,
на бой поднялся Воин, Муж.
В ушах звучало: в день последний
я воскрешу вас... Смертный бой
пусть не страшит, иди – Наследник,
Ты – Ангел мира,
Бог с тобой.

23 ФЕВРАЛЯ 2022 г.

Пьёт виски. Снаряжает патронташ.
Он ныне – автор этого абсурда.
Палатка. Ливень. Тьма. Ажиотаж
весенних запахов, военных шумов.
Грязь непролазна. Вот бы босиком...
Но холодно, и после не согреться.
Такое, понимаешь, скерцо...

Остались две недели до того,
как пуля вырвет сердце.

Штурмовикам
на небушке
легко –
бессмертно.

* * *

Сразу за Мариуполем
поля полны минной убыли.
Других здесь в помине нет.
Чтоб убыли жизни не было,
бредут по земле и до неба
минёры.
Жизнь. Жизнь. Жизнь...
...смерть.

* * *

Моя судьба с судьбой страны совпала.
Но становясь историей страны,
пойми, попробуй, много или мало
досталось мне от щедрости войны.
Вчерашние друзья врагов не стоят.
«Друзья» трусливы. Труса кто же бьёт?
С «друзьями» причащался у престола.
С чужими прежде – мир и общий стол.

Но день настал, когда война судьбою
страны вдруг стала, значит, и моей.
Я ничего не знал тогда о боли.
Узнал, когда вломилась в дом мой смерть.
Она топталась у ворот несмело.
Ей дерзости и неоткель занять.
Она веками знала своё дело –
И не мечтай вернуть события вспять.
О чём уж там она про нас шепталась –
не ведаю, но мне сказала в лоб,
что не воскреснет, скоро хоть светает,
что так единожды случилось всего.
А я-то знал, соврать ей не проблема,
И потому молитву не прервал.
Моя судьба – страны живая тема,
всё потому, что память в нас жива.
И память, и надежда, с ними – вера...
Как вороги над нами ни глумись,
мы – добровольцы; это значит – первым
из строя шаг нам делать: Здравствуй, Жизньь.
Да здоровствует судьбы Господня воля!
Прочувствовав, перечить смысла нет.
Пожив, познал, что мы и есть История –
часть Вечности; над ней не властна смерть.

* * *

Сколько солнца за окном,
а по стенам паутина...
Расстаётся с зимним сном
мир привычный, мир рутинный.
А ручьи, как родники
с ключевой водой, живою.
Отражаются деньки –
облаком летят до моря.
Пробуй душу превозмочь,
отогнать тоску земную,
ту, что называем злом,
ту, что по весне минует.
Вот скворец построил дом.
Утка пару разыскала.
Бабочке тепло-светло.
Счастья этого мне мало.

Андрей АНТИПИН

О ШУКШИНЕ

*Текст выступления на Дне памяти В.М. Шукшина
2 октября 2023 года в селе Сротки Алтайского края*

Я не люблю речей, торжеств, вообще всяческой парадности, которую воспринимаю как праздность. Поэтому скажу о Шукшине по возможности просто, без высоких слов. Да они, по-моему, и не нужны, если речь зашла о творце, который этих самых высоких слов избегал как огня и всё своё писательство, весь свой кинематограф содержал, как в ежовых рукавицах, в такой строжайшей и в то же время естественной простоте, что после Шукшина как-то стыдно быть громким и речистым. Точнее, стыдно быть изобретательным на разные писательские приёмы, не достигая и в малой доле той художественной убедительности, что давалась Шукшину заведомо ограниченным набором средств.

...Моё знакомство с Шукшиным началось с горячей, искренней, уже сложившейся к моим тогдашним семнадцати годам и поэтому вполне обоснованной неприязни к этому писателю и его книгам.

Матушка моя по роду службы библиотекарь, сорок пять лет, как одну вахту, бесценно отслужила в нашей сельской библиотеке и вышла на пенсию с единственной записью в трудовой книжке. Вернее, с двумя – о приёме на работу в далёком 1974-ом и о выходе на пенсию в июле 2019-го. Так вот, мать воспитала во мне любовь к книгам, так что к восьмому или девятому классу меня не нужно было понуждать – я ходил в нашу библиотеку сам, может быть, не так часто, как хотелось бы моей матери, но зато почти всегда уносил с собой лишь те книги, которые по праву составили гордость и славу русской литературы. И однажды снял с полки чёрный тяжёлый том с оттиснутой на лицевой стороне переплёта золотой церквушкой. Автора я уже знал, но по фильмам, да и то больше по тем, в которых он участвовал как артист...

Это был Василий Шукшин, очень сдержанное в исполнении и, по-моему, очень шукшинское издание начала 1990-х. Страна ещё слыла читающей, сборник шукшинской прозы был захватан, страницы истрепались на углах, набухли и отчего-то пахли дымом, как будто их листали перед открытой печной топкой.

Книга, судя по всему, прижилась в народе, да и мне простые сельские жители, все эти старики, старухи, председатели колхозов, кузнецы, шорники и прочие дяди Ермолаи, которых так любовно выписывал Шукшин, пришлись по душе.

А вот так называемых «чудиков» (не всех, пожалуй, но многих) я невзлюбил сразу и, думалось, бесповоротно, а с ними заодно невзлюбил и самого автора, и эта непримиримость к одному типу персонажей перевесила любовь к остальным героям этой книги и вообще ко всему тому родному и милому, что образует своеобычие и неповторимую чудесность шукшинской прозы.

В самом деле, казалось мне, за что их любить, этих деревенских недотёп, гораздых паясничать и ломать комедию? У них, видите ли, душа есть и она болит! Ну как будто ни у кого больше нет души, кроме как у них, как будто никто другой не ведаёт, что такое душевное беспокойство, как будто их затурканные повседневной суетой жёны (кстати говоря, поданные Шукшиным весьма несправедливо и однообразно) не хотели бы найти в этой жизни хоть маленькую отдушину...

Говоря коротко, я был на стороне женщин, по-сыновьи сочувствуя им и не понаслышке зная, каково всем этим несчастным матерям и бедным жёнам терпеть в доме такое вот чудо-юдо – какого-нибудь Спирьку Расторгуева или Броньку Пупкова. А Шукшин, кажется, ничуть не жалел женщин, во всяком случае, я не замечал тогда никакой авторской симпатии к ним. Негодование моё по временам было столь велико, что я натурально швырял книгу и позволял себе грубо спорить с писателем, часто ругая его и обращаясь панибратски, как будто он мне кум или сват.

Сейчас, по прошествии лет, я понимаю причины столь беспощадного и по-юношески яростного сопротивления.

Моё деревенское происхождение, моя жизнь в деревне, вообще весь мой крестьянский род, вышедший из деревни, но ни по каким городам не разбредшийся, а осевший тут же, в сельской местности, – всё это, вся эта правда деревенского быта, подлинная и незаёмная, впитанная с молоком матери и наследованная по всем законам родства, вздымали душу дыбом, едва я брался за очередную шукшинскую историю, в которой снова кто-то тужил уже с утра и шатался из конца в конец деревни, мечтая развеять неясную тревогу.

В кинематографе, на страницах книги это, может быть, выглядело уместно и проникновенно. Но только не для меня.

В деревне, вообще, что называется, «в жизни» я к той поре уже вдоволь насмотрелся на таких «чудиков», ведь они никуда не делись, так же маялись на белом свете, вот только приткнуться им было некуда: умер их певец, а больше, как выяснилось, не было у них родной души. И это непосредственное знание жизни и повадок таких вот «чудиков» вступало в своеобразный конфликт с тем книжным миром, который создал Шукшин.

Попросту говоря, меня отвращало несоответствие, с одной стороны, изображённых писателем героев и, с другой, того, что они подчас представляли в действительности.

А в жизни они не только тосковали и пили водку, а выпив, не только откалывали номера, так что со смеху покатывались простодушные читатели и зрители Шукшина. В жизни, изрядно приняв на грудь и вдоволь нарассуждавшись о своей больной душе, они возвращались домой, били жён, гоняли детей, палили из ружей, вешались, проваливались с тракторами под лёд, замерзали пьяными в первых весенних лужах...

Разве, думалось мне тогда, достойны они были моей любви?

Я их не любил за весь этот бытовой смрад – в жизни, а обнаружив всё те же лица на страницах шукшинской книги, стал не любить уже и в качестве литературных образов, хотя и всемирно прославленных.

Тут надо непременно добавить, что шукшинских «чудиков» в жизни крепко подправило, а точнее, поуродовало перестроечное безвременье, когда навалились беды, о которых ни Шукшин, ни его герои даже не подозревали. Уже никому не нужны были никакие коленчатые валы, разве

что на пропой или для сдачи в пункт приёма вторичных металлов с последующей переправкой в Китай. Уже не крепкий мужик сдуру рушил деревянную церковку, уже рушилась сама страна, погребая под своими руинами миллионы судеб. «Чудики» на моей памяти впали в такую чёрную безнадёгу, что все те пагубные пристрастия и грехи, которым были подвержены шукшинские персонажи, меркли в сравнении и уже не казались столь тяжкими...

Иными словами, знание моё о людях, условно именуемых «чудиками», было поздним, уже не шукшинским, без учёта исторических обстоятельств. И в этом тоже было своё несоответствие, которого я тогда не принимал во внимание, ошибочно сгребая и реальных, и книжных «чудиков» под одну гребёнку.

...Потребовалось время, чтобы я понял и пожалел всех этих незадачливых мужичков, вечных заботников о своих душах, в которых странно и между тем согласно все века уживались и до сих пор уживаются такие, на первый взгляд, несовместные крайности, что каждая из этих крайностей сама по себе вполне могла бы стать основополагающим признаком какого-нибудь своего собственного народа. И вряд ли бы между этими народами когда-либо наступал мир...

Но так уж угораздило русского человека, что именно он стал центром совмещения этих взаимно противоборствующих начал, иные из которых Шукшин раскрыл с удивительной силой и правдой и с той степенью вдохновенного мастерства, что всё это вкупе определило если не главенство этого художника в современной ему культуре, то уж единственность и незабвенность этой личности по крайней мере. Между тем, наиболее неприглядные черты нашего национального характера Шукшин милосердно утаил, но не затем, чтобы обелить, а дабы утвердить главное, то, без чего мы, надо полагать, не рассуждали бы о том или ином шукшинском типаже как о явлении исконно русском.

И вот когда пришло это понимание, когда всё это наконец притерпелось в моей душе, проза Шукшина вернулась ко мне, и герои шукшинских новелл, сложные и разные, стали близки и дороги, как люди по ту сторону семейного стола.

И уж я не делил для себя шукшинских персонажей на «чудиков» и прочих, ибо всё это стал для меня один народ, один род, один, говоря старинным языком, корень.

Шукшин, можно сказать, научил любить и ценить народ, научил чувствовать, научил смотреть на него глазами любви, и сострадания, и восхищения.

От этого не стало проще, от этого, может быть, отношение моё к русскому человеку стало ещё сложнее, а всякое проявление этой сложности отныне воспринималось ещё болезненней и сердечней. Но в то же время оно, это отношение, стало полноценнее, весомее, как если бы до сего момента оно лишь витало в воздухе, а вот теперь его словно бы вылепили руками. А самое главное, возникло ощущение кровного и духовного срастания со своим народом, с его судьбой, с его прошлым и настоящим и вообще со всем тем, что определено нам, русским, на этой земле.

*Андрей Александрович АНТИПИН, писатель
23, 29 сентября, посёлок Казарки Иркутской области /
2 октября 2023 года, город Бийск*

Василий КИСЕЛЕВ

ВАСИЛИЙ ШУКШИН. НАЧАЛО

Листья калины красной осень швырнёт в Катунь.
Вьюги устроят праздник, мечут и рвут бересту.

Щиплет морозец уши. Снегом засыпан вокзал.
Смотрят с укором в душу Машеньки юной глаза.

– Надо мне ехать!.. Учиться!.. – молвит Василий, – в Москву.
Вой заунывный волчицы в сердце нагонит тоску.

– Неучем быть – зазорно!.. – сквозь папиросный дым.
/Мама продала Зорьку – чтобы учился ты./

– Глянь: как закаты багровы!.. Что ж ты печален, мой друг?..
В белых наплывах Покрова чудится Стеньки струг.

– Машенька!.. Милая!.. Верь мне: позже тебя заберу!.. –
Ветер захлопает дверью... холод крепчает к утру...

Слухами полнятся Сростки: «Что?.. Кто уехал?.. Когда?..»
Сизый дымок папироски... в стылых бурунах вода...

– Машенька!.. Нет тебя краше! синие очи! Коса!..
Туч бесконечных барашки... в золоте листьев леса...

В это осеннее утро – не отыскать тебе брода.
/Бесится Стенькина удаль в бешеных мутных водах/.

Листья калины красной в Бию несёт Катунь.
Кончился жизни праздник... Маша сожжет фату...

Фото её в жёлтой рамочке – солнце армейских дней!..
Такие вот – «печки-лавочки»... Беседы при ясной луне...

Вьюги закружат прялки... – Холодно, Вась, в кирзачах?..
Горечь калины-ягоды... Плоские шутки сельчан...

Русскую зиму – любил ты!.. Вьюг бесконечный клубок.
В синих сугробах Сибири тонет твоя любовь.

– Кто – тот, во флотском, сельчане?.. – Это наш брат и сын, –
Вася Шукшин! – отвечают... Вторит им скрип кирзы.

Вася шагает решительно – ветру наперекор.
Милые сельские жители!.. крутит сигарку Егор.

– Кто та, в фуфаечке, – машет?.. /С неба летит крупа./
Плачет красавица Маша... Горькая бабья судьба...

1974

ПАМЯТИ ШУКШИНА ВАСИЛИЯ МАКАРОВИЧА

1

Деревенька под звёздной лужею
Твоим именем обожжена...
Я старуху Куделиху слушаю:
Как ты жил?.. Кто мать?.. Кто жена?..

...Безотцовщина. Холод и голод.
Шлялось горе да забрело
В предвоенное детство... И в поле
Радость чёрной пургой замело.

Горький привкус калины красной
Ты пронёс через годы в душе.

– Вырос ты у меня непраздный,
Уезжаешь далёко уже...
Вспоминай же, сыночек, мамку!.. –
Буду ждать здесь, у наших дверей...

Деньги на вот: продала Зорьку...
«Не пуцу-у-у-у!».. – половицей скрипя,
Он ушёл... Зарыдала мать горько:
«Больше я не увижу тебя!..»

Деревенских усмешки колючи:
«Эту цацу больнее ужаль!..»
...Если б знали вы, «странные» люди, –
Ведь для вас он ТУДА уезжал!..

И – шагнув от шуточек с «перцем»
В суматоху московского дня, –
Он взвалил на крестьянское сердце
Бесконечную боль бытия.

2

– ... А в Алтае, братцы, – просторы-ы-ы!..
Бывало, летишь на кобыле!..
...Ромм спросит тебя: «Читали Толстого?..»
– Нет. Училка сбежала... Да и некогда было!..

В общаге – рекой льётся зелье.
Тарковский танцует с Чащиной.
...Покинул ты берег сельский,
А к стольному – не причалил...

Гремит музыкальный ящик.
– Ребята, вы не одни!..
Тарковский твистует с Чащиной.
(Ты с грустью смотришь на них).

Любочки... машеньки... клавочки...
Пьяный Алёша-гримёр.
Всё – не к душе!.. Печки-лавочки.
Дым сумасбродных времён...

3

– ... Эх, загублена жизнь молодая!.. –
Заблажит, наливая, Бурков.
– Жора!.. Нас заждались на Алтае!
– Литр «Столичной»!.. Сырок и «Бурбон»!..

У меня, брат, – не забалу-у-ешь!..
«Пузырь» пуст?.. – так мы Лиду зашлём!..
Дай-ка я тебя расцелую,
Дорогой ты мой Губошлёп*!..

4

...Растревожив уютность студий,
Недоверие сея к себе,
Поднимался Егор Прокудин –
К новой жизни и новой судьбе.

За спиной шипели: «Умолкни!..
Ну, зачем тебе этот Егор?..»
...Только била в глаза – как молния –
Немолчавшая Правда его!..

...Вечерами, склоняясь над «Разиным»**, –
Проступала сквозь строчки свирель:
«Вырос ты у меня непраздный
Буду ждать здесь, у наших дверей...»

Как ты, мама, в родимых Сростках?..
Ждешь... И слёзы застынут в глазах...
...Он в тоске по родным берёзкам
Уходил на Казанский вокзал,

И глядел, как с перрона срываясь,
Увеличенные от слёз, убегают,
В Сибирь зазывая, поезда
Перестуком колёс...

И в душе, порывавшейся следом,
Он шептал и молил небеса:
«Скоро, скоро я в Сростки уеду –
Буду сено косить... И – писать!..

Буду слушать июльские ливни,
Сквозь берёзок–невестушек шёлк,
И не будет меня счастливей!..»
...Не дошёл... Не дошёл... Не дошёл...

5

...На размытость кладбищенской глины, –
В Новодевичьем – тишь да покой –
Осень бросит рубины калины, –
Всенародную память и боль.

1975

* – персонаж киноповести и фильма «Калина красная» (1973).

** – «Я пришел дать вам волю» (1969) – роман В.М. Шукшина.

*Василий Иванович КИСЕЛЁВ, поэт.
Кемеровская область*

Александр БАЛТИН

ВАСИЛИЙ ШУКШИН

...Под калиной красной развернувшаяся трагедия, – где вор, решивший завязать после отсидки, столь народен, столь густ душою, тянущийся куда-то ввысь, не поймёшь куда, что любим народом – по-хорошему, с состраданием и пониманием любим...

Подлинно – дух народа отливается в перлы Шукшина, причём невозможно сказать, в какой из творческих ипостасей он выше – режиссёр? актёр? писатель?

Образ-остров Стенька Разин предельно соприроден Шукшину: образ мощи и остров силы, с перегибами и неистовством, с жаждой одолеть любую несправедливость и сам вершащий оную; на жуткие пытки реагирующий смехом – столь силён в нём, яростен дух.

Шукшин выстраивал язык, как кладут печь или ладят избы: идеально входящие друг в друга фразы, суммарно раскрывающиеся поэтическими перлами...

Так и в рассказах, согретых таким переливающимся живою плазмой юмором: вот «Срезал», где местный, глубинный якобы мудрец, а на деле глупенький простак, и впрямь считает, что интеллектуально одолел столичных зазнаек.

Вот попяра, у которого кулак с пивную кружку, какого, коли ножиком ткнуть, ничего не будет – поболит и пройдёт.

Сколько их – типажей Шукшина: узнаваемых, простых и сложных одновременно, запутанных в жизни, в бессчётных узлах её ситуаций...

Вкусно ладится прозаический строй, и дед, стонущий на печи с перепоя, отвечающий внуку на логичное – Вот и не пили бы! – Мал ты ещё! ДолжОн я раз в месяц отметить! – словно знает чёрный корень правды: как же русскому человеку без крепкого яда, дарящего счастье...

...Лопухин проходит дорогами войны, тая за пазухой души сложную мудрость: так просто излагаемую.

Любавины возникают семейно: в полный деревенский рост: кряжи людской породы, не согласные с меняющимся миром, не могущие противостоять изменениям.

Крепость и красота даже негативных образов, сплетённых из тугих вервий языка, психологии, шаровых мотивов земной сути.

Всё ладилось у Шукшина.

Комедия ли «Печки-лавочки»?

Крепкая супружеская пара, едущая на юг, впервые покидает гнездо алтайской деревни, впервые оказываются муж и жена в купе...

Сцены деревенского прощания: онтология быта, застолье, льющиеся ленты песен – подано всё практически в документальной манере: с той обстоятельностью и силой, что сумма кадров сразу уходит в историю страны; сам путь насыщен массой анекдотических подробностей, мило сверкающих на солнце жизни; и фильм, хоть и окрашенный в комедийные тона, так мощно переливается плазмой бытия, что не определишь его жанр...

Бытийное повествование...

Фрагмент народного эпоса, который складывал Шукшин всей своей жизнью: даже образом своим...

Из глубины глубин вырвавшийся в Москву, поступивший в легендарный ВГИК (что доказывает, между прочим, сколь сильны были в СССР социальные лифты).

Ныне – тройной памятник у ВГИКА – Тарковский, Шпаликов, и – Шукшин в телогрейке, с пачкою беломора, сидит, глядит на проходящих...

В его фильмах – особая композиция кадра: полновесная, никогда не перегруженная избыточностью деталей, всегда живописная...

В последовательности его кадров – особая поэзия, что началось с кинодебюта Шукшина: фильма «Живёт такой парень».

Ну да, живёт себе, шоферит, словно заезжая в будущие рассказы, не претендуя на что-то глобальное и вместе – тая в душе нечто, что может раскрыться мощным подвигом или сокровенною правдой...

Подвигом и раскроется действие фильма.

...неуспокоенность русской души!

Вот Андрей Ерин – маленькой мастерской столяр, сообщает жене, однажды вернувшись домой, что потерял 120 рублей.

Ругань и горе уймутся, и через неделю муж принесёт домой микроскоп, выдумав, что вручили ему... вместо премии.

Его жизнь изменится: он, столяр, будет погружаться в миры, скрытые от физического зрения; и душа ликует – возможным расширением сущего...

Кончится бытово.

Кончится трагически: ибо субстанции сплетаются волокнами: жена отнесёт ненавистный микроскоп – по имени которого и назван рассказ – в комиссионку.

Но то, что простец, представитель плазмы народной, тянется лучшим краешком души к высшему, зафиксировано так мощно и славно, что дух захватывает...

Чудики и пьяницы – ревнители и искатели правды: сложно сплетается орнамент русских душ.

Внешне простой лад прозы Шукшина – глобален: он, живописуя и показывая бессчётных своих персонажей, погружается к самым истокам людского бытования на русской земле.

Народ любил Шукшина – без рекламы и пиара, они не нужны были ему – размашистому и прекрасному выходцу из народа, отмеченному такую силою дара, что плоды его продолжают работать, только набирая с годами значения и света.

*Александр Львович БАЛТИН, писатель.
Москва*

Валерий НЕУДАХИН

**ВЕЛИКА РОССИЯ И ТАЛАНТОВ
В НЕЙ НЕ СЧЕСТЬ ЧИСЛА!**

Да только не было у нас таких художников, что смогли бы показать красоту и силу души, сердце открытое и бесхитростное простого мужика из глубинки.

Повезло Сросткам, где родился такой талант необычайный. Из глубины сердца, от широты души слова его доставали самое нутро любого здравомыслящего человека. И заходила в восторге внутренность, и отзывалось сильным сердцебиением сочувствие к делам и помыслам простого человека.

Каждое слово задуматься заставляло, почувствовать боль родной Земли и ответственность за происходящее на родных просторах.

Идут годы, подрастают «невестушки» в рощах березовых, всякий раз тянет пожалеть их, прижаться к белым стволам щекой. Погладить гладкую кожу и задохнуться от соприкосновения с сокровенным! С Родиной! Такой невесомой и чистой и делами, и помыслами.

Всякий раз при встрече думается: сколько же нужно хрустальной воды выпить из Катуня, как надышаться пылью трав заповедных? Сколько отар небесных ночами по небосклону поводить и сколько косягов избродить по росе? Чтобы пришло такое откровение, и нашлись простые слова, дошедшие до самого сердца. Удивительная жизненность исходит от героев Шукшина. Они так не похожи, но есть в них общее – открытость и бесхитростность. Обладают они тайной любви к родным местам, а с ними и к Родине.

Как Василий Макарович находил струны души, пробуждающие лучшие человеческие качества, заставляющие людей сблизиться от услышанной правды? Талант настолько высок – взлетает выше орла в небеса Алтая. Могуч и крепок характером, подобно горам и каменным утесам, чист и светел, как родники и реки. Лишь на Пикете понимаешь: только такая земля могла породить этакий талантище.

Приходят на Пикет люди не по обязанности, а от чистоты душевной. Прикоснуться еще раз к великой тайне русского человека. Писателя, артиста, режиссера. Быть соучастным с ним в заботе о родной земле, о проживающих на ней людях.

Жаль, не успел сделать всего задуманного! Сколько интересного открыл бы для нас, раскрасил наш мир. Мы так и не осознали сполна – какое явление посетило наш мир. Мне кажется, осознание ещё впереди. Оттого и приходим на Пикет к Шукшину, поглядеть на просторы не только Алтая. Всей России! Заглянуть в себя и примериться к правде, сказанной этим удивительным человеком. Примериться и соответствовать.

Наверное, в этом и есть смысл жизни.

Валерий Фёдорович НЕУДАХИН, писатель. г. Бийск

Виктор БУЛАНИЧЕВ

Главный редактор журнала «Бийский Вестник»

МЕДАЛЬ «ВАСИЛИЙ ШУКШИН»

В год 85-летия В.М. Шукшина Союз писателей России и редакция журнала родины В.М. Шукшина «Бийский Вестник» с целью увековечивания памяти, популяризации творческого наследия В.М. Шукшина, а также поощрения личного творчества деятелей литературы, культуры и искусства учредили награду – медаль «Василий Шукшин».

Осенью 2014 года в Союзе писателей России на проспекте Комсомольском, 13 состоялось чествование известных писателей, актеров, режиссёров кино и театра с вручением медали «Василий Шукшин».

В основном мы пригласили людей из ближнего круга Шукшина, тех, кто работал с ним в кино, кто снимал фильмы по его литературным произведениям, учился и работал с ним долгие годы.

Я не предполагал, что прибудет столько много народу. Всё-таки Москва, осень, очень занятые всегда москвичи, особенно творческих профессий. Но пришли все приглашенные и неприглашенные тоже.

Василий Макарович собрал близких ему по духу людей, и мы были рады всем.

После небольшой торжественной части медали «Василий Шукшин» вручили актерам и режиссерам: Р. и Ю. Григорьевым, Н. Губенко, Л. Куравлеву, Л. Зайцевой, Т. Семёной, С. Любшину, С. Никоненко; кинооператору А. Заболотскому, писателям: В. Личутину, В. Карпову, В. Ганичеву, В. Дворцову, В. Бондаренко, Л. Анненскому и многим другим нашим замечательным творцам.

Медали «Василий Шукшин» №1 удостоился выдающийся русский прозаик и общественный деятель Валентин Григорьевич Распутин.

Десятый год мы вручаем шукшинские награды. Интерес к ней не иссякает, а возрастает. Получившие награду с глубоким уважением говорят о Шукшине и о его творчестве, что для них получение шукшинской медали – это признание их заслуг в приумножении российской литературы, культуры, искусства.

Николай ИВАНОВ

Председатель правления Союза писателей России

МЕДАЛЬ ШУКШИНА СТАНОВИТСЯ ФРОНТОВОЙ

Среди наград Союза писателей России одной из самых значимых считается медаль «Василий Шукшин». Учреждённая Союзом писателей России и редакцией журнала родины В.М. Шукшина «Бийский Вестник» (главный редактор – Виктор Буланичев), она вручается как писателям за высокие личные творческие успехи, создание высоко нравственных произведений, так и организаторам литературного процесса, сотрудникам библиотек и редакций, деятелям культуры, способствующим единению литературного слова, и других творческих профессий – артистам театра и кино, художникам и музыкантам, скульпторам.

С началом специальной военной операции учредители по праву стали обращать внимание на тех, кто работает в зоне СВО и способствует нашей победе.

Последние награждения только подтверждают это. Первым Золотой медали «Василий Шукшин» был удостоен ректор Луганского государственного университета имени Владимира Даля, профессор Виктор Дронович Рябичев. Во время очередной командировки в ДНР делегации СП России награждение прошло в центральной библиотеке Донецка – ею был отмечен писатель Олег Рой, около 20 раз приезжающий на Донбасс на встречи с читателями и неизменно привозящий в подарок комплекты книг, в первую очередь детских.

Ещё одна награда была передана председателю Донецкой республиканской писательской организации Фёдору Березину с тем, чтобы донецкие писатели сами решили на общем собрании, кто из дончан достоин медали Шукшина.

Фёдор БЕРЕЗИН

Прозаик, член Союза писателей России (ДНР)

30 августа 2023 года в городе Докучаевске (ДНР) активом Союза писателей Донецкой Народной Республики было проведено торжественное награждение члена Союза писателей ДНР, члена СП России Хобы Юрия Ивановича.

От имени Союза писателей России и по поручению Председателя правления Союза писателей России Н.Ф. Иванова Хобе Ю.И. была вручена медаль «Василий Шукшин».

Мероприятие проходило в малом зале Дома культуры города Докучаевска. Оно расположено на улице им. Захарченко (да-да, первого Главы ДНР).

Выступали члены актива Союза писателей ДНР, земляки писателя и сам награжденный.

Писатель прошел долгий жизненный путь. Начинал штурманом дальнего плавания. Тринадцать лет ходил по морям. Потом, помимо мореходки, закончил Институт Лесного хозяйства и долго работал в селе. Параллельно освоил профессию журналиста. Ну и писал помаленьку.

Несмотря на приличный возраст, тов. Хоба активно работает и публикуется. Только за последний год его рассказы напечатаны в семи российских журналах, в том числе и в «Нашем современнике».

Награжден он прямо в точку. Я бы отнес его творчество именно к «шукшинскому» направлению. Не просто к соцреализму, а именно к «деревенщикам», «почвенникам». Есть такое направление в литературе, и оно, к счастью, до сей поры существует.

Поздравляем Юрия Ивановича с получением высокой награды, а читателям журнал родины В.М. Шукшина «Бийский Вестник» предлагаем для прочтения его рассказ.

Юрий ХОБА

КАПИТАН МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ

Рассказ

Никогда прежде Фотинье не доводилось держать в руке собственную смерть. И хотя эта ее погибель вполне могла сойти за елочную игрушку, она знала о притаившейся под железной кожурой слепой ярости. И не только знала, но могла добавить в учебник по военно-полевой хирургии абзац о том, как под хлопки рвущихся за окнами малокалиберных снарядов удалить вбитый осколком гранаты в грудную клетку пятиконечный орден.

Раненого на испятнанном соляром и кровью байковом одеяле принесли четверо ополченцев. Трое в танкистских шлемах, на голове четвертого – чалма из грязных бинтов. Опустив на влажный после утренней приборки линолеум коридора ношу, они взглянули на Фотинью так, словно та была, по меньшей мере, ближайшей помощницей Матери Божьей.

– Извините, товарищ докторша, – молвил забинтованный, – какая-то тётка внизу, похоже – техничка, сказала, что наш командир не жилец на этом свете. Однако мы всё-таки решили вас побеспокоить. На вас вся надежда теперь, Златовласка вы несказанная...

– Ну, если тётки со швабрами будут ставить диагноз, – рассердилась Фотинья, – то пора закрывать хирургическое отделение... Кладите вашего командира на каталку и можете быть свободны. И не забудьте заглушить тарахтелку. Иначе потравите больных угарным газом.

– У нас не тарахтелка, а самоходное орудие, – заметно обиделся назвавший Фотинью Златовлаской служивый. – А глушить двигатель никак нельзя. Иначе придется заводить с буксира.

– В таком случае отгоните подальше.

– Куда именно?

– Да хоть в парк за моргом. Судмедэксперт глуховат, а его пациентам ничего не повредит, – вмешалась операционная медсестра Ульяна Михайловна, о которой похожий на ежа главврач говорил, что она видела живого Ленина. Проведённая за операционным столом ночь давала о себе знать. Тупо ныли, словно их залило болотной водой, икроножные мышцы, а уложенная в шесть колец коса цвета омытого горным ручьем золотого самородка отягощала затылок.

– Лично я бы поостерегся лечь к тебе на стол, – подшучивал главный. – Ты, конечно, хирург от Бога, однако здесь мной движет инстинкт

самосохранения. Если коса сорвётся со стопоров, перелом ключицы или пары-тройки ребер обеспечен.

Впрочем, воспоминание о сомнительного качества шутке оказалось короче просверка бракованной спички, а болотная вода в ногах испарилась, словно влага с линолеума, на который пали проникшие через оконные стекла лучи февральского солнца.

Наверное, нечто подобное испытывает комбат, который поднял своих людей в атаку. Сейчас для него главное – сбить врага с безымянной высоты. О задетом пулей предплечье и утративших чувствительность после контузии барабанных перепонках он вспомнит потом, после атаки.

Так и Фотинья. Она даже не вздрогнула, когда в ответ на секущие кроны тополей за окнами операционной осколки малокалиберных снарядов от морга начала бить самоходка.

– Похоже, наши новые знакомые боятся, что командира могут ранить ещё раз, – вполголоса сказала Ульяна Михайловна.

Приняла из рук Фотиньи то, что сейчас лишь отдаленно напоминало боевой орден. Однако бросила его не в ведро с отходами, куда минутой раньше отправила рубчатый осколок, а положила на край умывальника:

– Позже отмою...

Награду Фотинья вернула полтора месяца спустя, когда командир самоходчиков зашел попроситься со своей спасительницей. Вслед за ним в ординаторскую ввалились четверо его однополчан. По случаю мартовского тепла расхристанные, без шлемов, у говорливого бинты уже сняты, в одной руке полиэтиленовый пакет, из которого выглядывает зеленый чубчик ананаса, другой смущенно потирает огрызок левого уха.

– Не обессудьте, Златовласка вы наша, – повинился одноухий. – Поляны с подснежниками все заминированы, а единственный в вашем городке цветочный магазин закрыт по причине болезни продавщицы. Поэтому вместо букета примите нижайший поклон.

– И вам спасибо, парни... Как за что? Доброе слово не только кошке приятно.

– Позвольте сказанное считать тостом? – вскричал одноухий.

– С тостами повременим до лучших времен, – возразила Фотинья. – Да и ухом бы стоило заняться. Чтобы не травмировать психику будущей невесты. Кстати, где это вас угораздило?

– Командир оторвал, – рассмеялся одноухий. – Чтобы злее бил нациков.

– А мне он злым не показался. Молчун великий – это да, но не злой, – хотела присовокупить, что у командира самоходчиков очень тёплые глаза и что впервые за всю её жизнь глянулся не рослый красавец-брюнет, а мужчина скромной комплекции, однако промолчала.

Лишь обойдя стол, на который одноухий водрузил пакет с выглядывающим чубчиком ананаса, коснулась пальцами левой руки изувеченного ордена на груди командира самоходчиков и добавила:

– Пусть, парни, ангел-хранитель оберегает вас от пуль, осколков и всего прочего, что способно причинить боль.

Гости ушли, унося запах солярки и воскресшей земли, однако Фотинья продолжала думать о командире самоходчиков. Удивлялась: как

могло случиться, что прежде незыблемые вкусы и симпатии на поверку оказались сродни одуванчику?

Вообще-то разочарование в избранниках испытывала и прежде. Ещё много лет назад в заводской столовке, куда бегали после лекций соблазненные вкусными обедами студенты мединститута, Фотинья однажды увидела на раздаче такого красавца, что уронила ложку.

Модный, без единой помарки комбинезон, выдававший принадлежность молодца к рабочей аристократии, был так же элегантен, как смокинг завсегдатая аристократических салонов.

С той поры Фотинья перестала ощущать вкус шницелей заводской столовки. Всё её внимание было приковано к объекту воздыхания.

А однажды ей сказочно повезло. Заняла очередь за молодцем в комбинезоне. Но лучше бы она продолжала восхищаться им издали. И тогда бы зарождающее чувство миновала участь убитого морозом картофельного ростка.

– Ты чего такая? – удивилась подружка, расставляя на пластиковой столешнице тарелки. – Никак, муху в рассольнике узрела?

– Хуже, – потрясенно прошептала Фотинья. – Он сказал: «А мне – каклету».

– Ну и дура. Если будешь оценивать мужиков по уровню их интеллектуального развития, судьба старой девы тебе обеспечена.

Предсказание сбылось лишь наполовину. Но и после замужества продолжала помнить сказанное подружкой. Как ни коробила привычка супруга громко чавкать, сумела убедить себя, что это не самое худшее из зол. Тем более недостаток с лихвой компенсировали сто восемьдесят девять сантиметров роста, горделивая осанка и должность главного механика пригородной агрофирмы.

Правда, жить пришлось на два дома. Но оно, может быть, и к лучшему. Выходные слишком короткий срок, чтобы чавканье за столом начинало казаться чересчур оглушительным.

Однако вскоре свиданья и вовсе стали редкими. Между городом и агрофирмой пролегла граница, которая отрезала мятежную республику от продолжавших скакать на майдане киевлян.

И хотя городскую квартиру от сельского дома отделяли все те же семь километров, дорога только в один конец растягивалась на весь день. Да и не имелось никакой гарантии, что после тяготящего ожидания удастся получить разрешение на пересечение линии боевого соприкосновения, а не осколок мины восемьдесят второго калибра, которыми щедро обменивались враждующие стороны.

Первым не выдержал муж. Укатил на приобретенном за общие деньги грузовичке в Болгарию, где у него жили родственники по материнской линии.

– Как только обустроюсь на новом месте, – сказал по мобильнику, – сообщу свой новый адрес... Хотя сомневаюсь, что ты сразу бросишь больных. Они ведь у тебя на главном месте. Поэтому твои вещи и телевизор оставил. Появится возможность – заberi.

Фотинья от упреков воздержалась. Это всё равно, что швырять камни вслед уходящему за горизонт поезду. Остановить не остановишь, а вот сердчишко надорвешь.

Даже не всплакнула, как это полагается при расставании. Не осталось у неё слез. За день до бегства супруга изрыдалась по скоропостижно скончавшемуся заведующему хирургическим отделением, который был для неё учителем и ангелом-хранителем в одной ипостаси.

Даже поминальную свечу в церкви не смогла зажечь с первых попыток. Из-за беспрестанно набегавших слез отсырела не только антиковидная маска, но и спички, а утыканный свечами столик казался размытым густым туманом костерком.

Хорошо, сыскалась добрая душа. Нашла управу на закапризничавшие спички и под локоток провела за церковную калитку.

– Примите мои самые искренние соболезнования, – рокотал над ухом приглушенный баритон. – Да и все мы скорбим по поводу тяжелой утраты.

По голосу, а еще больше – по запаху дорогого одеколona, Фотинья узнала главу городской администрации, который прошлой зимой оказался на операционном столе с острым приступом аппендицита и о котором ехидный главврач говорил, что мэр посещает туалет лишь после того, как нацепит галстук.

При других обстоятельствах Фотинья, наверное, обрадовалась бы встрече. Всё-таки приятно, когда тебя под локоток провожает элегантный мужчина в голубом, под цвет глаз, галстук. И, возможно, заметила бы завистливые взгляды, которыми гвоздили её встречные дамы.

Но сейчас хотелось одного – уйти туда, где никто не догадается о кровоточащей душе и где можно сбросить антиковидную маску, на которой смытая слезами тушь оставила траурные дорожки.

– Спасибо, – молвила Фотинья, высвобождая локоть из чужих пальцев, – дальше я сама...

– Это я должен сказать спасибо. И знаете кому? Паршивому аппендициту. Ведь это благодаря ему я узнал о существовании женщины с руками ювелира от хирургии и косой цвета драгоценного металла. Вот моя визитка, звоните в любое время. Всегда буду рад слышать, лицеизреть и помочь в меру слабых сил. Если понадобится спонсор или транспорт...

– Вы очень добры, однако ни в том, ни в другом я не нуждаюсь. И прошу великодушно извинить. Больные ждут.

Распровавшись с главой администрации, свернула на пешеходную дорожку, которую с одной стороны теснили исцарапанные гусеничной техникой серые поребрики, а с другой – плотный ряд гледичьи.

Эти деревья напомнили Фотинье её теперешнюю жизнь. Куда ни поткнись, везде шестидюймовые шипы. Даже не верилось, что на гледичью однажды вскарабкался убежавший от выгуливаемого без намордника бойцовского пса пономарь местной церкви. Клыков-то он благополучно избежал, а вот хлопот занятым людям доставил изрядно. Вначале – снимавшим с макушки дерева-недотроги спасателям, а затем – травматологам.

А ещё Фотинья казалась себе человеком, который балансирует на стуле без трех ножек. Первую вышибла война, вторую – кончина заведующего отделением, третью – бегство мужа.

Слава Господу, цела четвертая. Наверное, самая важная. И пусть похожий на ежика главврач называет её служебными обязанностями и

гужповинностью, Фотинья благодарна за ниспосланный дар, который помогает художнику создавать бессмертные полотна, а доктору возвращать к жизни таких, как командир самоходчиков.

Правда, в отличие от живописца, хирург прифронтовой зоны – существо измордованное. Он, скорее, прикованный к галерному веслу раб, чем окрыленный вдохновением творец прекрасного.

Болотная вода уже просто застаивалась после бесконечной, с малы-ми перерывами, череды операций. Она всё выше поднималась по телу, грозя захлестнуть сердце, а угнетавшая затылок тяжесть, наоборот, переместилась вниз, сковав мышцы плеч.

И развязка вскоре наступила. Поздней ночью привезли пожилого ополченца, в спине и ягодицах которого глубоко увязли десятки мелких осколков. Выуживали чуть ли не под микроскопом, тратя на каждый от десяти до двадцати минут.

И когда наконец появилась возможность разогнуть спину, Фотинья обнаружила, что солнце успело свить гнездо в кроне искалеченного тополя. Но еще больше поразил больничный коридор с влажным после утренней приборки линолеумом. Оказывается он способен принимать вертикальное положение и заодно отвешивать оплеухи.

В третий раз удивилась тому, что лежит на диванчике в ординаторской и что над ней склонился главный врач больницы. Как всегда, чем-то напоминающий ежика и, по обыкновению, очень ехидный.

– Ты спрашиваешь, почему смердит нашатырем? Это Ульяна Михайловна приводила тебя в сознание. Она же доложила, что питаешься исключительно черным кофеком, а в нём калорий явно маловато для того, чтобы таскать на голове целый золотой прииск. И я ей верю, ведь она живого Ленина видела. Ну а если серьезно, сейчас мы тебя нашпигуем всем, что способствует поднятию тонуса, и в сопровождении сестры-хозяйки автомобилем доставим по месту прописки. Она заодно поможет тебе запастись харчишками на десять дней.

– Зерно надо купить.

– Какое ещё зерно? – изумился главврач.

– Для голубей. Двое их у меня на лоджии. Калечки. Возле церкви подобрала.

– Ну вот, ради больных ты готова уморить голодом не только себя, но и горемык-пернатых! – с наигранным возмущением воскликнул главный. – Но знай, увильнуть от гужповинности я тебе не позволю. Республике нужны врачи, которые до кровавого пота тянут лямку, но не ложатся в борозде... Короче, я позвонил куда следует, сегодня пришлют из столицы парочку опытных хирургов. Поэтому отдыхай, наедай брюшко. Но учти, если Ульяна Михайловна доложит, что жировая прослойка возле пупка так и не появилась, отправлю в палату для дистрофиков.

– Нет такой у нас.

– Будет. Специально по такому случаю откроем.

Фотинья малость солгала. Но её вины в том не имелось. Бывая дома набегами, успевала лишь отмыться, устроить постирушку, постелить на полу лоджии газеты взамен испачканных птичьими какашками и сменить

воду в поилке. Зерна же насыпала в суповую миску столько, что должно хватить на целую неделю отлучки.

Появление хозяйки калечки, по обыкновению, встречали ворчаньем. Словно укоряли за долгое отсутствие, а затем, помогая себе нелетучими крыльями, карабкались ей на плечи. Но сегодня Фотинья почувствовала присутствие ещё одной живой души. И эта душа глядела на неё из выделенного пернатым под ночлежку картонного ящика.

– Выходит, – молвила Фотинья, – пока я пропадала на работе, вы решили доказать, что имеете право на продолжение рода...

Двое суток Фотинья вялыми шажками передвигалась по треугольнику: диван – ванная комната – кухня – диван. При этом старалась не глядеть под ноги, опасалась, что полы родимой квартиры, по примеру больничного коридора, могут встать на дыбы.

И только утром третьего дня, впусив через форточку ручеек солнечного половодья, ощутила себя почти здоровой. Расплетенная коса кошкой ластилась к голым лодыжкам, прохладный линолеум под ногами обрел незыблемость, а черемухи у подъезда соседней пятиэтажки казались облитыми глазурью пасхальными куличами.

Но главное – за двое суток война переместилась к западу, далеко за мужнин дом, и поэтому хрустальные фужеры в серванте перестали брюзжать в ответ на порождаемое канонадой землетрясение.

Обиходив косу и накормив пернатых, Фотинья затеяла генеральную приборку. Двигалась по квартире, словно пчелка, которая в кронах цветущих черемух исполняет танец весны. Потом соорудила огромный бутерброд и налила вина, такого же легкого, как и теребящий портьеры ручеек солнечного половодья.

Однако блаженствовала с бокалом в руке самую малость. Порожденное прибранной, будто к Светлому Воскресенью, квартирой и вином ощущение праздника властно звало её на свидание с весной.

Фотинья даже знала, что она наденет. Платье из тяжелого шелка, в котором легко затеряться среди цветущих черемух.

Только прятаться она не станет. Если у женщины в душе праздник, она обязана поделиться им с окружающими и всем белым светом.

К сожалению, платье из тяжелого шелка на месте не оказалось. Уже заканчивая ревизию гардероба, Фотинья вспомнила, что оставила его в сельском доме. Планировала обновить в день рождения мужа, однако подвели синоптики. Вместо обещанных плюс восемнадцать по Цельсию пригнали перегруженную ледяной крупой тучу. Поэтому к праздничному ужину пришлось облачиться в свитер, брюки и вязанные носки.

Фотинья, конечно, огорчилась. Однако не до такой степени, чтобы исчезло желание выйти на люди. Тем более имелось в резерве ещё одно любимое платье. Длинное, до пят, цвета неба, каким оно бывает лишь в конце апреля, и с пелеринкой.

Ещё меньше сказался на настроении звонок по мобильному телефону:

– Здравствуйте, многоуважаемая Фотинья, – выплеснулся из трубки баритон уверенного в себе мужчины. – Мэр говорит. Так и не дождавшись от вас звонка, принял решение взять инициативу в свои руки... Позвонил главврачу, а тот сказал, что после обморока отправил вас под до-

машинный арест сроком на десять дней... Однако поверьте человеку, который без выходных тащит воз служебных обязанностей, – подорванные силы следует восстанавливать не пилюлями, а вылазкой на природу, куском горячего мяса и хорошим глотком натурального вина... Короче, я велел замариновать шашлыки, осталось лишь погрузить кастрюлю в багажник. Скажите, когда и куда мне подъехать? Почему вы молчите?..

– Думаю.

– Как помягче послать меня на деревню к бабушке?

– Коль на то пошло, не послать, а попросить. И не на деревню, а в пригородную агрофирму. Там, в мужнином доме, пылится моё лучшее платье и куча другой одежды.

– С вами согласен отправиться хоть на край света...

В начале пути глава городской администрации сыпал комплиментами, однако по мере приближения к бывшей границе между Украиной и мятежной республикой сделался молчаливым. Не до разговоров, когда приходится петлять между разбросанными кубиками блокпостов, обрывками ржавого железа и язвами, которые проделали в дорожном полотне снаряды.

А Фотинья, хоть и насмотрелась за последние годы всякого, но вид разорванных сдетонировавшими боекомплектами танков и на нее подействовал угнетающе. Она даже засомневалась: а действительно ли эти грозные машины сделаны из металла особой прочности?

И уж совсем расстроилась, когда приехали на место. Двухэтажная контора агрофирмы, клуб и близлежащие дома выглядели так, будто на их крышах отплясывали пьяненькие черти, а сбитый набекрень купол церкви скорее напоминал колпак подвыпившего шута.

Лицо главы администрации и вовсе сделалось растерянным, когда пришлось огибать низверженный наземь снарядом и теперь валяющийся посреди дороги церковный колокол.

«Наверное, сейчас раскаивается, что связался со мной, – подумала Фотинья. – Впрочем, сам напросился... Пригласил бы вместо меня кого-нибудь другого и сейчас бы разводил костерок подальше от линии фронта». Однако озвучить догадку посовестилась. Как ни крути, а её вина тоже присутствует. Лишь попросила остановиться у третьего за перекрестком дома и заодно проверила кармашек небесного платья – на месте ли ключи от калитки и входной двери?

Впрочем, ни то ни другое не понадобилось. Сваренная из ажурных прутьев калитка отсутствовала, исчезла и аккуратно срезанная с петель входная дверь, а на месте росшего посреди двора ореха валялась пересыпанная грудка обрубленных веток.

Так же основательно, без спешки, неизвестные похозяйничали и внутри дома, оставив из мебели подставку для рабочей обуви мужа, а из одежды – поясok платья, в котором можно затеряться среди цветущих черемух. Наверное, сочли, что он будет коротковат для талии будущей хозяйки.

Подняв поясok с полу, Фотинья вернулась во двор и здесь обнаружила в проеме отсутствовавшей калитки рыжего с белым кота. Он смотрел на неё, как и все бездомные животные, которые гадают, что следует ожидать им от человека – милостыню или пинок?

Фотинья знала, что её за глаза называют собачницей. Однако она просто чувствовала себя неуютно, когда видела рядом оголодавшего, и по пути в больницу делилась с бездомными животинами бутербродами. А в итоге приходилось глушить чувство голода крепчайшим кофе.

– Тебя тоже покинули те, кого считал главной опорой? – спросила Фотинья. – И при этом забыли освободить от ошейника сиреневого цвета. Но в таком случае скажи, как тебя зовут? Барсик, Мурзик, Рыжик?..

Кот отреагировал на Лиса. Причем так стремительно, что Фотинья растерялась уже после того, как абориген оказался у неё на руках.

– Наверное, ты принял единственно верное решение, – молвила Фотинья. – Что ж, в жизни бывают ситуации, когда чужая тётка может показаться роднее собственной матери... Однако ты должен дать слово, что подружишься с обитателями лоджии. А чтобы не сбежал по дороге, привяжу к ошейнику поясок от платья.

Появление Фотиньи С ЛИСОМ глава администрации встретил корявым намёком, из которого нетрудно было понять, что он хотел бы сейчас оказаться на месте кота. А до этого ни разу не вышел из внедорожника. Курил, пуская колечки дыма через опущенное стекло. Со стороны поглядеть – водитель такси, который скучает в ожидании отлучившегося по делам клиента. И лишь когда вновь пришлось огибать валяющийся посреди дороги церковный колокол, соизволил поинтересоваться:

– А где ваши вещи и особенно – любимое платье?

– Наверное, воришки посчитали, что им нужнее. Оставили только вот этот поясок... Так что потревожила я вас совершенно напрасно. А учитывая, что приношу сплошные хлопоты, для вас же будет лучше, если распрощаемся у моего подъезда.

– Хлопоты с лихвой компенсировало тепло, которое исходит от вашей золотистой косы. Но если вы решили отнять у меня возможность продлить приятные минуты, то поступайте как знаете.

– Хорошо, – после секундного замешательства ответила Фотинья. – Только поднимусь в свою квартиру, накормлю зверя и сооружу ему что-нибудь вроде лотка.

– Вот и славненько... А это ещё что за явление народу? Танки прут! Почти по осевой линии прут. Конечно, правила дорожного движения воякам не писаны, – ругнувшись, съехал на левую обочину, почти вплотную к полезающей полосе, где снизошедшими с небес облачками клубились островки цветущих черемух.

Однако такие меры предосторожности кот посчитал недостаточными. Воспользовавшись тем, что приобретенная хозяйка отвлеклась, перепрыгнул на колени мера, а оттуда вместе с поводком сиганул в открытое окно.

– Вы куда собрались? – взревел глава городской администрации, увидев, что спутница взялась за ручку двери. – В посадке все заминировано! Мне об этом комендант говорил!

– Господь милостив. Поможет вернуть беглеца. Иначе зацепится пояском за какой-нибудь сучок и погибнет голодной смертью. А виновата в том буду только я.

Фотинья как в воду глядела. Лис действительно зацепился поводком за кончик острой проволоки, которой был обмотан приземистый колышек.

– Испугался, дурашка ты эдакий? – облегченно выдохнула Фотинья. – И меня чуть до инфаркта не довел. А теперь успокойся – танки уехали... Сейчас я тебя быстренько освобожу, и мы отправимся домой. Обещаю после пережитого двойную порцию колбаски. Ты любишь колбаску, Лис?

Разговаривала так, словно это был не запутавшийся поводком кот, а боец, из предплечья которого через минуту начнут извлекать застрявшую пулю.

Опасаясь испачкать о молодую травку платье цвета апрельского неба, приподняла подол и опустила на правое колено.

– Прекрати дергать поясок, – приказала коту. – Ты мешаешь его отцеплять...

Однако операции по вызволению препятствовало не только это. Оказывается, поясок от платья держало нечто, напоминающее устройство, при помощи которого достают оброненное в колодец ведро. Только уменьшенное.

В десяти сантиметрах от колышка с проволоки свисала точно такая же штучка, чуть поодаль – ещё одна, и ещё...

«Да это же трехлапые рыболовные крючки, – догадалась Фотинья. – Но зачем они здесь, на сухопутье? Неужто караси из пруда решили переселиться под кустики?»

Повела взглядом вдоль проволоки и увидела, что противоположный её конец пропущен через кольцо примотанной скотчем к такому же приземистому колышку гранаты, которую снизу подпирал заневоленный кустик лесных фиалок. Разумеется, капитан медицинской службы Фотинья смогла объяснить происхождение расхожего выражения: «От страха волосы на голове дыбом встали». Однако сейчас ей было не до этого.

Плоские мышцы сжали черепную коробку с такой силой, что произошло то, о чем предупреждал главный врач. Собираясь в путь-дорогу, вместо положенных восемнадцати, ограничилась шестью, по числу колец, заколками и теперь будет наказана за собственную поспешность.

В учебнике по военно-полевой хирургии ничего не сказано о том, как следует вести себя на заминированном крючке. Однако с пострадавшими от мин и растяжек приходилось иметь дело, да и звание капитана медицинской службы обязывало быть сообразительной.

Не дожидаясь, когда коса золотой анакондой обрушится на проволоку, Фотинья пальцами правой руки обхватила спусковой рычаг гранаты. И только сейчас, уткнувшись лицом в прорастающую сквозь опавшие листья траву, ощутила запах лесных фиалок, перед которым меркнут самые изысканные духи.

– Где вы застряли? – послышался раздраженный баритон.

– Здесь я, в обнимку с гранатой.

– Шутить изволите?.. Матерь Божья, что же теперь делать?..

– Хватит причитать, – рассердилась Фотинья. – Лучше помогите отцепить Лису, а потом снять с крючка мою косу. Или она вас уже больше не привлекает?

– А если граната...

– Да не рванет она. Я крепко зажала пальцами вот эту штучку... Кажется, она называется спусковым устройством, или – рычагом. И кольцо с чекой выдвинулись самую малость.

– Ну, знаете, здесь нужны специалисты. Сейчас позвоню коменданту, пусть пришлет сапёра. Должен же быть такой у него под рукой... А вы пока не двигайтесь. И кота, будь он неладен, покрепче держите. А то опять в какую-нибудь неприятность втянет.

«Странно, – подумала Фотинья, услышав шум отъезжающей иномарки, – разве мэр не мог позвонить с места? Телефон разрядился? Взял бы мой, он на сиденье валяется... Или решил перегнать машину туда, где её в случае чего не достанут осколки?.. Мужик называется. Бабу под кустики сманивать горазд, а как только жареный петух в попу клюнул... Поэтому надо самой выпутываться. А как?.. Руки заняты, коса на крючке, головы не повернуть, даже платье одернуть не в состоянии... Разлеглась вроде последней шалавы... Хорошо, хоть на боку, не на спине. Земля сверху вроде прогрелась, а из глубины могильная сырость подбирается».

– Лис, – попросила заискивающим голосом, – сядь рядышком. Чтобы не отпуская поводка, смогла отцепить косу... Ты просто молодец, Лис. Вот если бы ещё помог с этой чертовой косой. Никак, зараза, не отцепляется... Всё, как только доберусь до первой парикмахерской, попрошу отрезать по самую репицу. Хотя репица – это уже что-то другое... Лис, тебе не кажется, что мэр возвращается? Нет, на легковушку мало похоже. Мотор урчит, как у грузовичка моего мужа. А он сейчас там, где, наверное, не принято ловить разинь, вроде нас с тобой, на заминированные крючья. Тихо, Лис, кто-то приближается. Неужели глава городской администрации всё-таки вызвал сапёра?

Фотинья не ошиблась. Мэр вышагивает, словно поднимается по ведущей на Олимп беломраморной лестнице, а у этого шаги легкие. Так передвигаются по минному полю и вблизи вражеских окопов.

Правда, голос чужака показался знакомым. Не имея возможности повернуть прикованную косой к растяжке голову, попыталась напрячь извилины, однако так и не вспомнила лицо того, кому он принадлежит. Впрочем, если станешь учитывать голос каждого, кто хоть однажды переступил порог хирургического отделения, голова распухнет до размеров астраханского арбуза.

Да и чужак Фотинью признал не сразу:

– Ну и кто здесь вместе с котом разлегся под кустиками?.. Господи, да это же наша докторша, Златовласка несказанная! Так что с вами приключилось?

– Решили с Лисом переквалифицироваться в рыбок, – Фотинье сделалось неловко от того, что тогда, в ординаторской, она не соизволила поинтересоваться именем одноухого ополченца. – А вас каким ветром сюда занесло?

– На выезде из города тормознул мужик в голубом галстуке. Говорит, женщина на растяжку напоролась. Ожидал увидеть самое жуткое, а здесь, оказывается, не всё безнадежно... Я только за кусачками к машине слетаю.

Одноухий вернулся быстро. Держал себя так, словно с утра до вечера только тем и занимался, что выпутывал крючки из дамских причесок.

– Теперь можете подняться на колени, – разрешил одноухий. – Иначе воспаление легких схватите. А когда перекушу вот здесь проволоку,

верну на место чеку, можете разжать пальцы. Да не бойтесь, железный зверь с этой минуты опять в наморднике. Теперь нам осталось лишь срезать скотч и вывернуть запал... Итак, все могут быть свободными. В том числе – фиалки. Ишь как благоухают...

– Подержите, пожалуйста, поводок, – попросила Фотинья. – Иначе кот опять удерёт. Я хоть самую малость приведу себя в порядок,,

– У меня не удерёт, – усмехнулся одноухий ополченец. – Ну что, потопали к моей колымаге?

Название машинешке дано точное – колымага. Formой напоминает хлебный кирпичик. Только сильно попорченный грызунами. Недаром глава городской администрации побрезговал припарковать рядом внедорожник. Остановился за полторы сотни метров, курит, пуская в окошко кольца дыма.

– Кто вам этот гражданин в голубом галстуке и душой трусливого зайца?

– Никто. Теперь уже никто.

– То есть, если я предложу вас доставить к подъезду больницы, возражать не будете?

– Лучше уж домой. Кстати, почему вы один? Где боевые друзья, где самоходка, которая стреляет так оглушительно, что пациенты судмедэксперта чуть не разбежались? У меня сегодня уйма свободного времени, а мы с Лисом ещё должны сказать спасибо своему спасителю... Поэтому звоните друзьям, скажите, что хочу видеть всех у себя в гостях. Вот и Лис такого же мнения.

– Звонить бесполезно.

– Что, вне зоны мобильного покрытия?

– Значительно дальше, Златовласка вы наша. Там, откуда никто ещё не вернулся... Я думал, вы знаете... Противотанковый фугас... Один я уцелел. Да и то признан ограниченно годным к несению службы.

На какое-то мгновенье Фотинья почувствовала, как исцарапанный танками асфальт качнулся под ногами. Однако не позволила ему, по примеру больничного коридора, занять вертикальное положение. Лишь потемнела лицом. Но может, это просто набежавшая тучка уронила скорбную тень на островки цветущей черемухи, спасенные одноухим ополченцем фиалки и рыжего с белым кота, который игрался кончиком косы цвета омытого в горном ручье золотого самородка.

Юрий Иванович ХОБА, писатель.

г. Докучаевск. ДНР

Евгения ЛИФАНТЬЕВА

ПРО ТЕХ, КТО БЫЛ ТАКИМ ЖЕ, КАК ВСЕ

Наблюдение последних лет: все необычные городские проекты появляются с подачи не властей, а гражданских активистов или меценатов. Вот и «Аллея олимпийских чемпионов» в Омске возникла, в первую очередь, благодаря усилиям предпринимателя и мецената Сергея Козубенко.

И дело даже не только в том, что именно Сергей Козубенко взял на себя расходы по её созданию. Ему принадлежит сама идея – необычная, во многом ломающая существующие шаблоны «мемориальных комплексов». Идея, которая до сих пор воспринимается «в штыхы» значительной частью «культурной общественности» Омска.

Что, собственно, представляет из себя Аллея олимпийских чемпионов? Участок высокого берега Оми между Комсомольским и Юбилейным мостами, рядом с Ленинской горкой – одна из самых центральных и значимых локаций в городе. На небольшом удалении от берега установлены 22 колонны в греческом стиле. На каждой – бюст, скульптурный портрет одного из олимпийских и паралимпийских чемпионов, чья жизнь связана с Омском. Причём и чемпионов прошлых лет, и ныне действующих спортсменов. На бронзовых головах – лавровые венки, что со времён Древней Греции считается символом победы.

Скульптор Сергей Полегаев выбрал для своих работ стиль грубоватый, отсылающий к традициям ранней, «доафинской» школы ваяния. То есть, вся композиция прямым текстом говорит о возвращении к истокам олимпийского движения, к той мифической эпохе, когда спорт мог прекращать войны, а скульптуры олимпиоников устанавливались в храмах наравне с изваяниями богов.

Именно эта простота, однозначность послыла заставила говорить об Аллее олимпийских чемпионов задолго до её открытия. На мой взгляд, это яркое проявление набирающего сейчас силу направления метамодернизма. Вроде бы всё, что было раньше, опошлено и осмеяно постмодернизмом, деконструкция растёрла любые высокие символы в бессмысленную труху, создание нового объявляется невозможным... но вот это новое появляется и начинает существовать вне зависимости от мнений и оценок, заставляет говорить о себе, становится фактом реальности.

Так и Аллея олимпийских чемпионов в Омске. Несколько месяцев подряд, с начала реконструкции набережной Оми, на омских сайтах не утихали споры по поводу самой необходимости этой аллеи, её художественной ценности, неизбежного ущерба для деревьев на берегу...

(Впрочем, с зеленью оказалось всё хорошо. Ландшафтные дизайнеры из фирмы «Братья Грин» не только правильно организовали газоны, но и высадили между колоннами и берегом молодые деревья декоративных пород. Если договор с озеленителями имеет «гарантийный период» или сотрудники муниципальных служб будут нормально ухаживать за растениями, то аллея станет действительно аллеей – пространством между деревьями).

И всё же самое главное не это, а идея массового скульптурного увековечивания спортсменов высших достижений в ситуации, когда монументальное искусство находится в некотором «загоне». Если проанализировать, что появлялось в последние 30 лет на улицах и в парках Омска, то обнаруживается, что идея Героя как Личности почти забыта.

Было установлено несколько интересных монументов в парке им. 30-летия Победы. Не отдельным личностям, а группам наших земляков – военным медикам, участникам локальных конфликтов и ликвидаторам последствий аварии на Чернобыльской АЭС. В парке им. 30-летия ВЛКСМ были реализованы крупные проекты, отсылающие к идее «Омск – город трудовой славы». Фигуры на них безымянны – не личности, а символы социальных групп. Установлен памятник бывшему первому секретарю Омского обкома КПСС Сергею Манякину, появились городские скульптуры, изображающие Ермака, Петра Первого (тоже авторства Сергея Полегаева и благодаря усилиям Сергея Козубенко). Совсем недавно «стрелку» Оми и Иртыша украсил конный памятник легендарному основателю города Ивану Бухгольцу. Но чтобы вот так – конкретным людям, многие из которых живы и даже молоды, не героям давнего прошлого, а звёздам сегодняшнего дня... видимо, этот самый сегодняшний день слишком противоречив, чтобы кто-то из ныне живущих был всеми и безоговорочно признан достойным.

Вот тут и проявляются возможности «меценатского» подхода. Аллея олимпийских чемпионов создавалась не за бюджетные средства, поэтому её авторы имели определенную свободу от «общественного мнения». В её идее отразились вкус и предпочтения мецената, которые счастливо совпали со вкусами руководителей города. Решение было принято – а городу остаётся принимать или не принимать реализованную идею.

Впрочем, в пользу того, что Аллея олимпийских чемпионов будет оценена позитивно, говорит то, что Омск – город спортивный. Пообщавшись с гостями города – оказывается, что Омск знают в первую очередь по хоккейной команде «Авангард», Международному Сибирскому марафону и школе единоборств «Шторм». Земляками-спортсменами высших достижений гордятся, чемпионов прошлых лет помнят. Что примечательно: на открытие Аллеи, состоявшееся в День физкультурника, пришло много омичей старших возрастов, для которых это мероприятие было возможностью пообщаться с кумирами их молодости.

Очень демократично было организовано и само открытие. Торжественной церемонии передачи Аллеи в собственность города предшествовал «парад олимпийцев» – прохождение колонны прославленных спортсменов по улице Ленина, колонны, в которую все желающие могли влиться, чтобы пообщаться со своими кумирами. В шествии приняли

участие трёхкратный олимпийский чемпион по греко-римской борьбе и сенатор Александр Карелин, легендарный советский хоккеист и депутат Госдумы Владислав Третьяк, знаменитая советская баскетболистка Ирина Минх, омские олимпийские чемпионы Алексей Тищенко, Ксения Дудкина, Виталина Бацаршкіна и другие спортсмены, чьи бюсты были установлены на Аллее чемпионов.

И ещё один немаловажный момент, который имеет и определенный социальный контекст. Благодаря усилиям депутата Госдумы Олега Смолина, много внимания уделяющего проблемам людей с ограниченными возможностями, в Омске развиты паралимпийские виды спорта. Из 22 чемпионов, чей облик увековечен на Аллее, шестеро – паралимпийцы, люди, для которых спорт – это преодоление себя, преодоление обстоятельств и ограничений.

Так что открытие Аллеи олимпийских чемпионов было для Омска событием более чем значимым. Подчеркивалось это и тем, что возглавляли шествие и участвовали в самом открытии основные руководители города и области – ВРИО губернатора Виталий Хоценко, мэр Омска Сергей Шелест, депутат и вице-спикер Госдумы Александр Жуков. Именно Хоценко и дал старт торжественной церемонии открытия.

Выступил перед собравшимися на берегу Оми и сам инициатор проекта, меценат Сергей Козубенко. Он сказал:

– Дорогие омичи и гости нашего города! Почётные гости, чемпионы мира, тренеры! Хочется сегодня, в этот прекрасный день, открывая аллею бюстов олимпийских чемпионов, пожелать истории продолжать её спортивные традиции, воспитывать крепкую духовную молодежь, которая могла бы продолжать наше дело. Я с глубокой любовью отношусь к моему любимому городу Омску, очень ценю то, что происходит в нём, всегда отслеживаю разные события. Но сегодняшнее событие у нас немножко другого масштаба и более, наверное, продвинутого вперёд, с каким-то пониманием завтрашнего дня. Пусть Аллея будет любимым местом отдыха омичей! Я благодарен тренерам, воспитавшим победителей, я благодарю всех, кто участвовал в реализации проекта. С праздником, дорогие любимые омичи!

После того как бюсты были освобождены от покрывал, участвовавшие в мероприятии олимпийские чемпионы встали каждый рядом со своим скульптурным изображением. Естественно, было много неформального общения, совместных с омичами фото. Для большинства жителей города спортсмены высших достижений – кумиры, пример для подражания. Были и многочисленные интервью для омских и не только СМИ. Сказать несколько слов для «Бийского Вестника» согласился заслуженный мастер спорта Александр Кузюков – двукратный паралимпийский чемпион по фехтованию, трёхкратный чемпион мира, трёхкратный чемпион Европы, 23-кратный чемпион России.

Для Омска Александр Кузюков во многом, несмотря на довольно молодой возраст, ему всего 35 лет, – человек-легенда. Родился в рабочем поселке Марьяновка. В школе занимался боксом. Поступил в СибАДИ, подрабатывал на стройке. Получил производственную травму – перелом позвоночника. Три года реабилитации, приговор врачей: на всю жизнь – в инвалидной коляске. Не смирился. О паралимпийском спорте

слышал, тема в Омске известная. Стал искать контакты. Познакомился с руководством Омского областного центра паралимпийской подготовки, обратился в спортивный клуб инвалидов «Омич». Начал заниматься фехтованием, которое показалось похожим на бокс, – и стал лучшим. Поэтому его слова об идее Аллеи чемпионов имеют особый вес:

– Мне кажется, что вся прелесть этой идеи заключается в том, что ребяташки, которые живут в нашем городе, те ребята, которые занимаются спортом, и даже те, кто нет, они будут видеть, что в нашем городе живет большое количество спортсменов, олимпийских чемпионов, когда-то – таких же, как они, и они будут знать, что они могут добиться всего, любых целей. Что всё у них получится. Это самое главное.

Кстати, колонны на Аллее размещены так, что остается ещё достаточно места для новых скульптурных изображений завтрашних олимпийцев.

В этот же день в Омске был реализован ещё один проект, ставший реальностью благодаря участию мецената Сергей Козубенко, – новая выставка Никаса Сафронова «Первые лица» в музее «Искусство Омска». 60 графических портретов олимпийских чемпионов и чемпионов мира, выполненных этим известным художником. Кстати, не первая в городе, в конце января 2023 года там же проходила персональная выставка Никаса Сафронова «Ожившие полотна». Впрочем, это уже совершенно другая история, во многом связанная со спорами искусствоведов о сегодняшних тенденциях, опять же – о постепенном движении к простоте, реализму, отказу от деформации реальности в её художественном изображении, о цитатности и переключке прошлого с будущим. Тема для большого разговора.

*Евгения Ивановна ЛИФАНТЬЕВА,
журналист, публицист. г. Омск*

Евгений ХАРИТОНОВ

НАШИ ДНИ

На скамеечке в центре города,
Где стрелой фонтаны бьют.
Малолеточки с чувством голода
Пиво горькое жадно пьют.

Не стесняются взгляда встречного,
Сигаретный пуская дым.
Выражаются беззастенчиво
Словом матерным, расписным.

А напротив них, на скамеечке,
Не скрывая душевных ран,
Вековой старик в телогреечке,
В орденах вся грудь – ветеран.

Посмотрел в глаза поколению,
За которое кровь пролил,
Потекла слеза сожаления,
Вспоминая число могил,

Где друзья-бойцы отсыпаются,
Жизнь отдав за свою страну...
А юнцы сидят, ухмыляются,
Наплевав на Победу ту.

Приподнял свой взгляд в небо синее
И побрел домой не спеша.
А внутри, крича от бессилия,
Задыхалась его душа.

Евгений Николаевич ХАРИТОНОВ родился в Белгороде. Окончил Белгородский Юридический институт МВД России. Лауреат многих литературных конкурсов. Победитель V Межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалея, поэт» в номинации «Поэзия», 2021 г. Калининград. Публикации в литературных журналах: «Звезда Востока», «Александръ», «Бийский Вестник», «Наша Молодежь», «Белая скала», «Сибирский Парнас», «Причал», «Ротонда».

Живёт в Белгороде.

ДЕТИ ДОНБАССА

Война. Хроническая фаза.
Снаряды сыплются дождём.
В бомбоубежищах Донбасса
Взрослеют дети день за днём.

Заняв себя листом бумаги,
Держа в руках карандаши –
У них цветут в подвалах маки,
И колосится поле ржи.

Ласкает солнышко макушки
Кудрявых, стройненьких берёз.
А толстобрюхие лягушки
Считают, квакая, стрекоз...

Дома над ними покорялись
Артиллеристскому огню.
И с каждым взрывом повторялось
На ушко мамино «люблю».

Они замерзли и устали,
Подземной сыростью дыша.
В своей стране чужими стали...
Да только детская душа

Собой чиста, собой невинна.
И ей, пожалуй, не понять,
Как можно так вот, беспричинно,
Бомбить, сжигать и убивать.

Снаружи горький вкус обмана,
Стрельба, подобная хлысту.
А рядом братья, сёстры, мамы
И зов спасенья ко Христу.

ВЕСНА НА «АЗОВСТАЛИ»

Притих скворец, опять пугаясь взрыва.
Хоть май расцвёл, его не ловит взгляд.
Глодает смерть людей без перерыва
И день и ночь, нещадно, всех подряд.

Косым дождём снаряды захлестали,
Вскрывая норы подлого врага.
Который день мы бьём по «Азовстали»,
Да так, что гарь впитали облака.

Да так, что глотку режет привкус серы,
А звон в ушах вовеки не унять.
«В атаку, братья!» – крикнут офицеры, –
«И чтоб не смели нынче умирать!»

И мы идём, за метр цепляясь каждый,
В расход пуская весь боеприпас,
С одной простой мечтою, чтоб однажды
Вздохнул свободно наш родной Донбасс!

РАЗГОВОР С РОССИЕЙ

Я не вправе Россию за что-то винить,
Для неё что ни день – испытания.
У какого креста мне колени склонить,
Чтоб твои прекратились страдания?

Что у Господа мне для тебя попросить
В час, когда моя жизнь обесточит?
Прошептала она: «Пусть он сможет простить
Тех, кто смерть мне веками пророчит».

АЛАЯ ЗАРЯ

Спиной упёршись в дверь сарая,
Смотрю на алую зарю.
Быть может, это свет из рая,
В который я не воспарю.

А может, адский жар поленьев
Увидеть я сейчас посмел?
Упал от страха на колени,
Молюсь, хоть раньше не умел.

МЕЧТА

А мне бы солнца в день ненастный
И ветра северного в тишь.
Закатом алым любоваться
В калейдоскопе звёздных крыш.

И жить с надеждой на хорошее,
И слепо верить день за днём,
Что, несмотря на наше прошлое,
Мы век спокойно доживём.

ПРЕДАТЕЛИ

Один сказал: «Да что мне эта Рашка?» –
Собрал узлы и двинул за кордон.
Таким, как он, хрустящая бумажка –
Давно уже и Родина, и дом.

Другой подлец, войны боясь до дрожи,
Сыскал в себе покорного слугу.
Предав свой род, он лезет вон из кожи,
Чтоб быть полезным чем-нибудь врагу.

А сколько их ещё средь нас томится,
Пригретых на груди святой Руси?
И нам осталось только лишь молиться,
Чтоб Бог помог страну от них спасти.

Яков ШАФРАН

ЛИРИКА ЭТОЙ ПОРЫ

* * *

Жёлтые листья, трава пожелтела,
Поле, заросшее диким кустом.
Тихо, безлюдно в селе, и несмело
Солнце нас дарит последним теплом.

Где же, земля, твои дети, родная?
Где же твой трактор, комбайн, самосвал?
Песня, работа от края до края,
Что тут кипела, когда я бывал?

Кто-то почил иль уехал далече,
Кто-то «бомжует» иль пьёт наркоту,
Или себя у барыги калечит,
Дочки твои продают красоту.

Песни не слышно, ни смеха, ни шутки,
Вымерло раньше живое село –
В сон провалился я горький и жуткий,
Где воцарились погибель и зло.

Солнца закат... Но вот солнце восходит.
Ночь ежедневно сменяет рассвет.
И повелось изначально в природе –
За увяданьем приходит расцвет.

Ты возродишься, деревня, я верю,
Верю, земля понесёт и родит!
Кто только горе, деревня, измерит?
Кто только подвиг оденет в грани.

Яков Наумович Шафран – автор семи книг прозы и поэзии. Автор песен. Имеет высшее техническое и высшее психологическое образование. Зам. главного редактора журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег». Член Академии российской литературы и Союза писателей России. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н.С. Лескова; всероссийской литературной премии «Белуха» им. Г.Д. Гребенщикова. Награжден медалью «Василий Шукшин». Публикуется во многих российских литературных журналах и альманахах.

Живёт в Туле.

* * *

Проснусь на рассвете – и сердцу тревожно.
Ложусь за полночи – и сон невозможный.
Ведь души людей погибают в огне,
Ведь «цифра» лавиной идёт по стране.

Вот шприц в новостях стал центральным героем,
И нас поведут к нему чуть ли не строем.
Вот диво-наука явила нам «чип» –
У всех навсегда изменить генотип.

И вижу, как женщина плачет в окошке,
Ведь сын, как на крест, идёт в школу дорожкой,
Не знает сердечко, что случится с ним,
Что станет со всеми детьми, не с одним.

Гляжу и объят я душевною болью,
Избыть наважденье – взываю с мольбою,
Чтоб сердце, не «цифрой», царило в стране,
Чтоб души людей не сгорали в огне!

Сентябрь – 22 ноября 2021 г.

* * *

Что, берёзонька моя,
Что затосковала?
Вокруг снега кисея,
Тяжко покрывало?

Не твоя ведь то вина.
Месяц снежный труден.
Но не вечная зима –
Поголяла, будет.

Долго ль плакать под метель,
Ветру подпевая.
Скоро белую постель
Сменит здесь цветная.

Не играет вот заря
В тихий зимний вечер.
По приметам января
То – теплу предтеча.

Значит, скоро быть весне
И зелёным ситцам.
Ты тогда при ясном дне
Расцветёшь девицей.

23 – 29 января 2022 г.

* * *

Минует время лжи, обмана и порока.
Рассеется туман, исчезнет тяжкий сон.
И сбудутся слова всех солнечных пророков
О том, что выше зла Космический закон.

Не длится долго тьма, конец приходит ночи.
За тьмой приходит Свет и утренний рассвет.
Но слышится душе: «Терпеть уж нету мочи,
Молитвам нашим, о, Господь, пришли ответ!»

Настанет час, и возрождённою мечтою
Напишется письмо кометой золотою,
В ответ на зов людской настанет Новый Век.

В сиянье красоты тот Век велик и славен –
Земля воскреснет, прочь отбросив тёмный саван,
Для Вечности родится новый человек!

14 – 22 января 2022 г.

* * *

Кончались ли войны когда-то,
И долог ли прежде был мир?
Кончалась ли служба солдата,
И был отменён ли мундир?

Но ныне особые войны –
Ведь часто без танков и бомб
Нет места, где люди спокойны, –
Угроза в явленье любом.

Однако, как прежде, победа
Нужна, чтоб исчезла от Света
Вся тьма. И герои – на бой!

Чтоб не было больше страданья.
Ведь бóльшего нет оправданья,
Чем править своею судьбой!

08 – 16 декабря 2021 г.

* * *

Обращение к олигарху имярек

Желанья правят человеком,
Он, как ребёнок, просит: «Дай!»
Народ скребёт уж по сусекам,
А всё равно знай подавай.

Но где предел его желаньям?
И есть ли он, такой предел?
Разве Господь творил созданья
Для честолюбия и тел?

И вот болезнь, несчастье, гибель,
И не нужна уже и прибыль,
Стоит пред Богом человек.

Так не пора ли при здоровье
К народу отнестись с любовью
И посвятить Любви свой век!

16 – 24 декабря 2021 г.

* * *

Как в роще хорошо рассвет увидеть снова
И вечером пройтись закатною порой.
Душа расцеловать весь мир тогда готова,
Готова подарить свой солнечный настрой.

Но день тревожит ум, и сердце неспокойно –
Что станет с людьми, что станет со страной?
Куда нас заведут таинственные войны,
Когда накрыло нас вдруг ковидной волной?

Когда внушённый страх похуже, чем заразой,
Нас заразил внутри душевною проказой,
Пытаясь превратить в овечек из людей.

Но лагерь цифровой не выстроить приказом,
Ответит род людской на то отказом,
Не даст свершить то Бог заботою Своей!

02 – 20 января 2022 г.

* * *

А снег всё кружит над Россией –
У неба нет больше затей.
Хоть нет белой сказки красивей,
Сугробы уж выше людей.

Покрыл всё, что видимо, полог.
Машина под ним – великан.
Вот женщина, как археолог,
Копает там белый курган.

И дворник зарплатой доволен.
Но, если у нас снегопад,
Желает быть тут же уволен –
Работе такой он не рад.

Зима – хорошо, нет вопросов.
Зима – вдохновенье стихам.
Но тяжко ногами заносы
Месить ребягне, старикам.

А снег всё кружит над Россией...
Ты, небо, укрыло весь край.
Хоть снежной зимы нет красивой,
Но больше ты нас не карай!

22 – 24 января 2022 г.

* * *

Мы молимся – «Господь, благослови!»
Мы молимся – «Господь, прости и дай!»
Но есть ли выражение любви
В желании умножить каравай?

Не проще ль самому молитвой стать,
Не проще ль отдавать, а не просить?
Тогда сама собою благодать
Придёт благословеньем в твою жизнь.

Ведь можно подарить поток любви,
Ведь можно сотворить миры добра!
Но легче людям зло своё явить,
Стараясь так с утра и до утра...

Не гаснет огонёк ночной свечи,
И светится лампада у икон.
В молитве – от грядущего ключи!
Но... лёгок и приятен сладкий сон.

Мы молимся... Мы молимся порой –
И рвём в душе связующую нить.
Мы за религию стоим горой,
По Божьи как-то забывая жить...

26 января – 06 февраля 2022 г.

* * *

Любой живущий устремлён к блаженству.
На молодёжном сленге это – кайф.
Стремится кто при этом к совершенству? –
Я сомневаюсь, тут, скорее, драйв.

И в чём блаженство – в деньгах, славе, счастье?
Иль в чём ещё, что принято ценить?
Но вряд ли кто ответит, что в бесстрастье,
И вряд ли кто отметит словом «жить».

Душа же, все ответы точно зная, –
И то, что в этот мир пришла нагая,
Благодаря и Высшее любя,

Уму подскажет – это преходяще,
И что тот в Сердце Истину обрящет,
Забудет кто для ближнего себя!

07 – 08 февраля 2022 г.

Елизавета БАРАНОВА

* * *

Ты моё золотое несчастье,
мне хвалить бы тебя и хвалить.
Всё в заботах, покуда не спрячется
солнце солнечное за холмы, —

солнце красное,
яркое,
сочное,
как диковинный дьявольский плод.
И сороки хвалиться сорочками —
белоснежными — выйдут в народ.

Всё дела и дела.
Нескончаемо.
Мне беречь бы тебя и беречь.
И тумана фата не венчальная,
а печальная спала до плеч.

Всё потом и потом.
Может, выдастся
беззаботный счастливый денёк.
И коленку твою злая иглица
никогда больше не обдерёт.

Ты не верь в родовое проклятие,
на тебе начинается род.
Чтобы хвастать нарядными платьями,
маргаритки пестрят у ворот.

Елизавета Михайловна БАРАНОВА (Весина) родилась в Туле. Кандидат технических наук, доцент. Работает в Тульском государственном университете на кафедре Информационная безопасность. Стихи пишет с детства. Написано более пятисот стихотворений пейзажной, любовной, философской, гражданской и духовной тематики. Автор шести поэтических сборников. Публикуется в российских журналах и альманахах. Победитель и дипломант различных поэтических конкурсов. Член Союза писателей России. Секретарь ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори».

Живёт в Туле.

Мне жалеть бы тебя...
Но не сложится
для себя самой добрая речь...
Этим ласточкам – этим их ножницам –
только воздух бы резать и сечь.

А какое же небо огромное!
Все глаза бы в него проглядеть!
И, гуляя, шумят гром и молния,
непонятно, невидимо где...

* * *

Старые иконы,
тёсаная дверь.
На земле никто мы,
с кем ты нас ни сверь.

Сверишь с вольной птицей –
нет, никто мы.
С ней
тот не смог сравниться,
кто летит быстрее.

С чистотой ромашки
сверить, нет, нельзя:
добрые мордашки –
грустные – зазря.

Сверишь нас друг с другом –
будем все равны.
Донниковым лугом
сделались холмы.

Можно сверить с ветром,
с вьющейся рекой,
но на всё ответом
будет – мы – никто.

...Кто мы,
кто мы,
кто мы,
если мы – никто?..
Здесь свою корону
замени платком,

с благостью истомы
долгим взглядом смерть
старые иконы,
тёсаную дверь...

* * *

Я люблю, когда упрямая
с неба спустится заря
и пойдёт холмами-ямами,
и о ней заговорят

все дожди, какие кончились
и ещё не начались.
У берёзы – местной склочницы –
чёрно-белый фартук чист.

Что, берёзоньки, судачите? –
Вам ли с места не сойти.
Тот считается удачливым,
кто всю жизнь свою в пути,

кто прошёл низами-кручами,
сил на это не имев.
Веток ивовых излучены
впали в речку Суходрев.

Рыжей кошкой солнце ластится
всё к берёзовой ноге.
Будто сливочное маслице,
этот вечер разогрет.

А над миром пыль табачная, –
горек и душист табак.
...Я, наверное, удачлива,
раз всё делаю не так,

как хотелось бы завистницам –
пусть стоят и смотрят вслед.
Будет так, как мной замыслится,
через пару-тройку лет.

Так идёт заря-упрямица
в даль такую, что за ней
и душа всё время тянется
острым клином журавлей.

* * *

Слышала я песни,
видела и непоющих,
но с пути не сбилась.

Слова из моего сна

Я теряюсь во времени,
как в высокой траве.
Василисой жить в тереме
иль слугой при Дворе?

Быть ли гибкой и гнущейся,
как березовый прут,
или уличной скупщицей,
от которой бегут?

Обратиться ли к прошлому
или к будущему?
Под перину горошину,
крупную, как луну...

...Ремез – птичка и певчая,
да всего с кулачок.
Только б верить – но не в чего.
Только б петь – но о чём?

Мерить травы коленями
и плечами звалась.
Потерялась во времени
и из виду у вас.

Гордость – дело терпимое,
если гордости – горсть.
Если встречусь – прости меня,
но не встречусь,
авось.

В чём вина моя?
Только ли
в том, что вижу сквозь сны?
Как мелькну, веткой тополя
вдоль по небу скользни.

То ли тень,
то ли облако,
то ли что-то ещё...
Чуть знакомое в облике,
будто, освящено...

* * *

Иван-да-Марья встретила в лесу,
как хлебом-солью – дорого и пышно.
А я всего-то навсего несу
земную боль и ненависть – так вышло.

Но этим – всем – наполнившись сполна,
но этим даром даром угостившись,
меняю боль – на соль,
на имена –
Иван да Марья –
надо же ведь,
ишь как.

За миг до встречи – шагу не шагни –
я проходила эту жизнь заочно.
Но встреча – и... защёлкали щеглы
ключами песен в скважинах замочных.

И двери в мир открылись,
где царят
покой и свет,
и нервы – за щитами,
и листья с жёлтым брюшком, как цыплят,
ветра потом – по осени – считают.

Вдруг стать такой же:
целую версту
плечо к плечу пройдем мы – теперь трое.
Иван да Марья встретили в лесу –
она и он, –
бывает же такое!

Не улыбнуться – как прикажешь – им,
руки не дать,
и добрых слов не молвить?..

...И выбивать
молниеносный клин
опять грозе
клинками острых молний...

* * *

Дождь грибной, как предсказание,
как гадание на жизнь:
по задумке,
по незнанию,
и по правде,
и по лжи.

Встрепенётся где-то горлинка,
и омоет летний зной
всю её светёлку,
горенку,
хатку,
мазанку
слезой.

А потом – сенокосение –
прапрадедовский наказ.
Дождь грибной, как посвящение
в тайну мира ещё раз,

как слепое наваждение,
наводнение,
набат.

Дождь грибной – перерождение
сколько хочешь лет – подряд.

...Может, даже что-то сбудется,
напредсказанное.

И!.....

Жизнь – не ссуда, только ссудица,
в небе взятая людьми.

Теми правдами нехитрыми
постоянно и живём...
Сосны сыплют малахитами –
малахитовым дождём!

Не собрать их, –
пусть укатятся
и залягут в землю пусть.
Дождь святой – в душе сумятицу
окропить потороплюсь.

Юрий ПАХОМОВ

ТРИ ЕГОРА

Рассказ

1

Было тепло, сумрачно, на востоке прорезалась розовая полоса, с деревьев капало – прошел дождь. Лодка Егора Васильевича Бурмистрова стояла у входа в лодочную станцию, он кивнул дежурному по станции, свалил в кокпит рыбачию справу, отцепил швартов. Мотор завелся сразу – японская штучка, подарок племянника, нос лодки задрался, она скользнула вперед, оставляя за собой пенный бурн.

Бурмистров выцелил бухточку на северо-востоке Иваньковского моря – туда никто не совался, знали – старика Егора Васильевича местечко, с хорошим прикормом, лещ и окунь брал сразу, как оглашенный – через час и уха, считай, обед на два дня. К вечеру в магазине у Дашки можно будет маленькую взять, помянуть усопших. Через час в кокпите билась рыба, даже щуренок попался. И тут со стороны Твери, из серой дымки возник белый трехпалубный те-

плоход, выкатилось солнце, дымка разом опала, и красавец увиделся весь, целиком, как на открытке. На крыло мостика вышел капитан в белом кителе и помахал Бурмистрову, словно поприветствовал речной отмашкой. Егор Васильевич ответил, и сразу заныло сердце. Теплоход истаял в тумане – был и нет. Бурмистров тяжело осел на банку, подметил: так и в жизни – мелькнет, высветится красотой и погаснет. И стал собирать рыбу, набралось с ведрышко.

В незапамятные времена на берегу Химкинского залива, неподалеку от Северного порта стояла усадьба: два деревянных дома, вокруг сад, огороды, на взгорке баня. Деревянная лестница вела к небольшой пристани. Принадлежала усадьба купцу Козодаеву. В начале тридцатых годов купчишку раскулачили, в усадьбу поселили семьи двух старых капитанов буксирных пароходов Василия Бурмистрова и Мирона Малого. Оба

Юрий Николаевич ПАХОМОВ (Носов) российский писатель родился в 1936 году. Окончил Военно-медицинскую академию, после чего служил на подводных лодках и надводных кораблях Черноморского и Северного флотов. Участвовал во множестве морских походов, бывал в «горячих точках». Полковник мед. службы в отставке. Прозаик, лауреат международных и Всероссийских литературных премий. Секретарь правления Союза писателей России.

Живет в Москве.

капитана люди рукастые, все умеют. Ремонтить дома помогли матросы с пароходов, работу полегче взяли на себя дети – Егор Бурмистров младший, его сестра Агния и сын Малого – Егорка, веселый, смешливый парень, друг и одноклассник Егора Бурмистрова. После седьмого класса оба двинули в речной техникум. Бурмистров – обучаться судовождению, Малой – любитель техники – в механики.

Бурмистров-старший много лет как овдовел, осиротевшей семьей командовала Агния.

Девка быстро выросла, окончила медицинское училище и работала медсестрой в больнице водников. Крепкая деваха, рослая, в отца, голубоглазая, русоволосая. Егор Малой притих, вечерами пел под гитару грустные песни. Два Егора окончили речной техникум с отличием, друзей направили работать на старенький буксирный пароход «Руднев», стоящий в доке Сормовского завода в Горьком. За два месяца молодые волгари облазили пароход от килля до клотика. Егор Малой поражал инженеров знанием машины и надоел рационализаторскими предложениями. Пароход вышел из дока выкрашенный, сверкая надраенной рындой.

Егор второй, как называли его речники, добился, чтобы деревянную палубу стальными листами накрыли.

– Это зачем? – ярился сдаточный механик завода.

– А война? Империалисты вон что вытворяют. Поставят пушку, раскаленные гильзы, попадание снарядов противника – пожар. Это понимать нужно.

– Какая война? Товарищ Сталин сказал – войны не будет. Значит, не будет.

Егор Бурмистров получил должность вахтенного офицера,

штурмана. Капитан пригляделся к нему, допустил к несению самостоятельных вахт. Удивлялся:

– Откуда лоцию так хорошо знаешь, шкет?

– Я с батей не одну навигацию отпахал.

– Так ты сын знаменитого капитана Бурмистрова?

– Так точно.

– Тогда понятно.

В дни школьных каникул отец стал брать огольца палубным матросом. А это все хозяйство, от чистки картошки на камбузе, до команды «Палубу скатить и пролопатить». Одна швартовка что стоит. За лето вымахал с отца, накачал плечи. В техникум шел вполне подготовленным матросом-речником.

А тут Бурмистров старший стал прихварывать, осунулся, похудел. Агния едва не силком затащила отца в больницу водников. Через неделю пришла домой зареванная: у папки плохое подозревают, оставили в больнице, профессору будут показывать. Только при нем ни слова.

Как-то вернулся с рейса Егор, застал такую картину: Бурмистров и Малой сидели на кухне и хлестали водку.

– Садись, сынок, через неделю операция. Помни, Бурмистров – фамилия известная, тебе капитанские традиции блюсти надо. Мирша, друг ситный, плесни сыну водки. А я отплавался, видать.

Операция прошла благополучно, «плохое» не подтвердилось, зато язва большая, треть желудка отхватили хирурги, но вот незадача – вместе с язвой у лихого капитана вроде как душу вынули. Вышел на пенсию, занялся лечебными травами, даже летом по-стариковски ходил по дому в обрезанных валенках,

полюбилося ему сидеть на скамейке под разросшейся черемухой и все молчком. А тут Егор второй, сын Мирона Ивановича, попростому – Егорка, как шука из-под коряги, выскочил. Постригся, побрился и к старику: «Дядя Вась, мы к тебе за благословением. Решили с Агнией пожениться». Бурмистров аж подпрыгнул: «Ишь, скородуй, – они решили. А сватовство нынче, что, отменили?»

Егорка опустил голову:

– Партком не одобряет старые обычаи, дядь Вась. Нахлобучку дадут.

Бурмистров старший партийный устав соблюдал и товарищей из парткома побаивался.

– Да, дела-а. Ладно, считай, что сватовство состоялось. Отец-то не против, чтоб Агнюшу в дом вести.

– Все сговорено.

– Тайком, как немецкие шпионы. Мать вашу за ногу...

Свадьбу справили крепкую. Председатель портового парткома плясала барыню, вскрикивая: «Эх, ма!» Присутствовали старые капитаны, молодежи было мало – шла борьба с пережитками прошлого, вступили в брак по-комсомольски, расписались в бумажке, и будет, но старые капитаны встали на дыбы: не венчание же, а праздничное застолье. Верно сказал товарищ Сталин: «Жить стало хорошо, жить стало весело».

Молодая вскоре показала норов – отказалась рожать в бане, как в народе принято, только в роддоме, асептика, антисептика, пошла молоть, зато мальчика принесла крепенького. Одно смутило Бурмистрова старшего: оголец смуглый, и разрез глаз восточный, но вовремя вспомнил, что прадед у него татарин, и заткнулся. Вышла

заминка с именем. Дед Мирон недоуменно разводил руками:

– Что деется, граждане? Отец Егор, и внука, значит, Егором называть. Чудно.

Дед Василий взъярился:

– В роду Бурмистровых все мужики будут Егорами называться, и баста, а коли девку принесет, тут ваша правда, только русским именем называйте, а то на моем судне повариха родила и дочку назвала Энергетика. Тьфу!

Финская война не коснулась семей Бурмистровых и Малых. Молодые волгари буксировали не баржи с песком, а с грузами военного назначения. Незаметно и тихо сошел в могилу Бурмистров старший. Положили на Химкинском кладбище, рядом с супругой, вместо креста камень поставили, а рядом с ним якорь. А тут грянула Великая Отечественная, грянула внезапно, хотя ее и ждали, верили словам вождя. Егорку первого и Егорку второго призвали на речной флот и отправили в город Горький, где на Сормовском заводе оснащали оружием волжские колесные пароходы, обшивали броней быстроходные катера, плавучие батареи. На этот раз друзей развела судьба: Егора первого назначили помощником капитана буксирного парохода «Чапаев», а Егора второго – на «Киров», превращенный в канонерку. Все для фронта, все для победы.

Старшая операционная сестра Агния ходила теперь в гимнастерке и синей юбке, в петлицах – кубари. Дома бывала раз в неделю, воспитанием внука Егора третьего занимался дед Мирон. Дед чудил, выкопал у бани окоп, вечером уходил дежурить, вооружившись охотничьим ружьем, патроны снарядил жаканом и волчьей дробью.

Кормились с огорода и реки, да еще мать паек приносила.

Химкинский залив пуст, изредка пройдет караван грузовых судов с баржами. Рыбе раздолье. Плотва идет, случается, лещ заглянет, дед радуется как ребенок. Картофель выбран, спрятан в подполье. Потом Егор третий отправляется за почтой, почтовый ящик у дороги, чтобы почтальону осенью грязь не месить. Вдруг треугольник с фронта? Отец и дядька пишут редко.

А ночью вокруг темень. Немец под Москвой. При свете коптилки дед Мирон латает валенки внука. В небе гудят самолеты, твякают зенитки. Зенитчики разбросаны вдоль залива. Одна батарея стоит в полукилометре от дома.

День стоял хмурый, по брезентовым накидкам шуршал дождь, третий час дед с внуком сидели у причала в старой лодке с удочками. Поклевка не шла. Сзади дыбился холм, на верхушке баня. Вода в реке парила. Как вдруг слышался тяжелый зудящий звук. Из облаков вынырнул бомбардировщик, за ним тянулся шлейф черного дыма.

– Юнкерс 88, – доложил Егор третий.

– Видать, подбили зенитчики лапотника, – прищурился дед.

Самолет терял высоту. Желтое грохочущее брюхо проплыло совсем рядом. Через секунду рвануло, да так, что дед уронил в воду шапку.

– Мать твою... Вроде грохнулось.

Черная вода высветилась отблеском пожарища. Внук отбросил удочку и кинулся наверх по деревянной лестнице. Дед заковылял за ним. В отдалении слышался взрыв, потом еще один. Егорка стоял с открытым ртом, не в силах понять, что произошло. Вместо

дома зияла черная воронка, тянуло кислой вонью тола, другой дом разнесло, вывернутая стена горела, бросая в разные стороны искры. А только баня уцелела, разве что окно вышибло.

– Пятитонку не пожалел, – сказал дед.

– Какую пятитонку?

– Бомбу. Освобождался от боезапаса – вот и скинул бомбу. – Дед вдруг заплакал. Хлюпая носом, приговаривая по-стариковски: святой создатель, жили люди и вот...

– Дед, ты что? – испугался Егорка.

– Ох, лихо навалилось. Лихо-лишенько. Жить-то где будем, исть что?

– Жить в бане, рыбы всяко наловим.

– Мать-то когда прийти пообещала? – спросил дед Мирон и перекрестился – пронеси, Господи.

– Как начальство отпустит. Если много раненых, куда же?

Егорка приспособился звонить от дежурного по порту прямо в сестринскую комнату госпиталя. Сердечко и екнуло.

– Дед, я к дежурному звонить. А вдруг маму отпустили, – я быстро.

– Давай. А я посижу на скамейке, сердце что-то прихватило.

Дежурил старик Михеич. Вредный старик, но узнав, что в дом угодила бомба, смягчился.

– Звони, парень, ох горе-то. Я на новоселье у твоего деда гулял. Вот те фрукт...

Трубку взяла сестра Надя. Она и жила при госпитале.

– Егор, да ты что. Мамка чуть свет собралась – и домой. Нам поек давали. Она должна быть дома или на подходе. В городе строго, на каждой улице патрули. Жди, скоро явится домой.

– Дома нет. Бомбой снесло, – Егорка не выдержал, заплакал.

– Погоди реветь. Пойду дежурному доложу.

К вечеру приехал санитарный автомобиль. Пожилой майор сказал солдатам из охраны:

– Ребенка к воронке не подпускать, да и старика тоже. Двое с носилками со мной. Макаров, а ты дуй к зенитчикам, выпроси ящик из-под снарядов.

Дальше Егорка помнил плохо. К воронке его не подпустили, слышал голос майора:

... – Фрагменты тела укладывают в ящик, переложите простыней. Сумка с продуктами сохранилась, отдайте старику. Собираемся и на кладбище. Тут недалеко. Химкинское. Дед помнит, где семейное захоронение.

– Пацана возьмем?

– А как же. Пусть с мамкой простится.

Слушал Егорка и не мог понять: мамка... фрагменты тела, кладбище. У деда Мирона тряслись руки, и он непрерывно зевал.

2

В октябре 1941 года была сформирована Волжская военная флотилия. Состояла флотилия из четырех бригад: канонерские лодки, бронекатера, плавучие батареи, речные госпитали. Егора Васильевича назначили помощником командира канонерской лодки «Чапаев», Егора Малого оставили на «Кирове».

В 1942 году вторую бригаду, куда входили канонерские лодки «Чапаев», «Щорс», «Громов», дивизион бронекатеров и других судов, переподчинили Сталинградскому фронту с задачей поддержки сухопутных войск на оборонительных рубежах, не допустить переправ противника через Волгу, обеспечить работу портов в Саратове, Камышине, наладить противоминную и противовоздушную оборону Нижней Волги.

На совещании руководящего состава бригады комбриг коротко поставил задачу: в ходе Сталинградской битвы оказывать артиллерийскую поддержку сухопутным войскам, обеспечить снабжение и переправы войск через Волгу в полосе обороны шестьдесят чет-

вертой и пятьдесят седьмой армий, осуществлять противоминную и противовоздушную оборону перевозок с Нижней Волги.

...Дымное небо, свист бомб, водяные столбы по обоим бортам. Спал Егор Васильевич урывками, прикорнул в рубке на диванчике в затишье и опять на ногах. В особо острых ситуациях сам становился к штурвалу. Единственная канонерская лодка в бригаде без особых повреждений. Места-то знакомые. В тяжкие бои в августе сорок второго года очередь из пулемета «мессершмидта» срезала обслугу у носовой пушки, так царапинами отделались, перевязали ребят, дали по стакану спирта и к орудию.

Командир «Чапаева» как-то спросил Егора Васильевича:

– Скажи, ты в Бога веруешь?

– Я партиец. А что?

– Тогда уж точно с чертом дружбу водишь. По всей логике судовождения, ты сейчас должен отвернуть влево, а ты поворачиваешься вправо, и «Юнкерс» промахивается. Почему, ядрена вошь?

– Не знаю, интуиция, должно.

– Должно.

– Я же волгарь, потомственный речник.

– Ну и что? Без чертовщины тут не обошлось, точно. Нужно тебя на партячейку вызвать, да поспросить.

Но были в жизни моменты, которые Егор Васильевич вспоминал с холодком в спине. Волга встает на зиму, по хрупкому льду несет поземку. В заливе, где расположились две канонерские лодки «Чапаев» и «Усыскин», все вокруг кипит от вражеских мин, канонерские лодки ведут успешную контрбатареиную борьбу – немецкое подразделение, численностью до батальона, окружено в лесу на мысочке. С канонерок бьют прицельно, по заявкам, артиллерийская разведка хорошо налажена. Корректировщики тоже лапти не жуют. И вдруг мина рядом с бортом ухнула, следующая уж точно в рубку угодит, за кормой льдина, заперла ледяную купель. Все, конец. Как бы со стороны слышит Егор Васильевич свой голос: «мало назад». Механик дает «малый», и убийственный снаряд в сантиметре минует рубку.

– На лед вылезешь задницей, мать твою...! – орет командир.

Рулевой смущенно ощупывает штаны, бормочет: верняк, обмочился с испугу. Мина стекло рубки лизнула и ушла. Впервой со мной такое.

В рубке стоит безудержный хохот.

Командир наливает из фляги в ржавую кружку спирт, протягивает Егору Васильевичу и говорит срывающимся голосом:

– Хлебни, колдун. Точно нечистая сила.

И так неделю в ледяной ловушке. Последний выстрел был дан по противнику 30 января с канонерской лодки «Усыскин». Вражеская группировка была уничтожена.

Командир Сталинградской бригады кораблей контр-адмирал Семен Воробьев вызвал к себе Егора Васильевича и спросил:

– Бурмистров, говорят, ты с нечистой силой знаешься, с чертом корешишь?

– Никак нет, товарищ контр-адмирал. Врут!

– Мне такой черт позарез нужен. Немца мы прижали, сейчас главное – траление, провод конвоев, противовоздушная оборона. Особенно на Нижней Волге. А ты волгарь, места родные. Короче, назначаю тебя командиром «Иркутска» и старшим соединения кораблей. В подчинение – дивизион тральщиков.

Открытый бой – все ясно, а идти по минному полю совсем другое дело, особенно, когда знаешь: сзади на буксирном тросе баржа с авиационным бензином и соляровкой для танков. Один промах, и весь караван полыхнет. Вроде тральщики прошли по фарватору, а тревожно, мины у немцев акустические, да и «мессера» за караванами охотятся. И ведь не маневрируешь, идешь, как по струне, отвернул чуток – и налетел на сюрприз.

Как ранили, командир «Иркутска» не помнил. В глазах темно. Очнулся на плавучем госпитале, потом долгая дорога в санитарном поезде на Урал.

3

Весной 1943 года на Казанском вокзале с поезда сошел высокий капитан-лейтенант,

на кителе орден Боевого Красного Знамени, два ордена Красной Звезды, медали, вещей немного –

рюкзак, чемодан, в руке трость с медным набалдашником. Моряк взял носильщика, сдал чемодан в камеру хранения и отправился искать попутку. Повезло сразу. «Студебекер» с грузом отправлялся в Северный порт.

– Куда ехать, командир? – спросил водитель, пожилой мужик.

– Речной вокзал, Северный порт.

– Далече.

– Ничего, не обижу.

– Проездом?

– Москвич, из госпиталя добираюсь.

Моряк был хмур, с трудом забрался на переднее сиденье, командовал:

– Малый вперед.

Прошел дождь, в лужах плескались голуби, по проспекту шла рота пехотинцев, лица серые, усталые.

– Где пришлось воевать? – спросил водитель, косо взглянув на капитан-лейтенанта. – Балтика, Северный флот?

– Сталинград, – коротко ответил моряк и посуровел. За окном побежали знакомые предместья, сверкнула на солнце темная вода залива. Около здания вокзала моряк сказал:

– Дальше пехом, нужно с мыслями собраться. Сколько с меня?

Водитель улыбнулся:

– Со сталинградцев не беру. Крепко вы там фрицам вломили. Удачи тебе, командир. Чтобы дома все было хорошо.

– Нет у меня дома, друг. Прощай.

Шел Егор Васильевич по разбитой грунтовке, культя ныла, постеснялся в поезде снять протез, шел, не глядя по сторонам, оставляя позади санитарные поезда, госпиталя, оперировали дважды –

пробитое легкое трудно зарастало. Болела отнятая стопа, а стопы-то и не было. Без малого год провалялся в госпиталях. По весне стало легче. О горестных событиях в семье знал из писем, написанных детским почерком. Как дальше жить, не знал Егор, ехал, как на погост. В задумчивости свернул на знакомую тропинку и оказался на краю воронки, заросшей чертополохом. На глубине воронки черная вода, рядом обгоревший остов дома Малого. Глянул дальше – на яру торчала баня, рядом с дверью на скамейке сидел дед Мирон, опираясь подбородком о палку, дремал. Егор Васильевич скрипнул зубами, пытаясь унять душевную боль, и пошел к баньке, не разбирая дороги, свернул на деревянный тротуар, крепко вбитый в глинистую почву. Старик ожил, проснулся. Взмахнул руками и, опираясь на костыль, пошел навстречу, и издали было видно, как кривятся, дрожат его губы, как немощно несет он отощавшее легкое тело.

– Сынок, сынок, живой! Слава тебе Господи!

Дед Мирон шарил Егора Васильевича по лицу, колот бородой, а глаза за толстыми стеклами очков казались огромными, взгляд дикий.

– А я слепнуть стал. Пойдем в дом. Банька ох как нас выручила. Я еще в силе был, утеплил баньку остатками своего дома, полки достроил, выбитое окно в предбаннике забил, мужики помогли буржуйку поставить. Хорошо, на зиму в баню теплые вещи снесли – выручили нас с Егоркой.

Егор Васильевич распахнул тяжелую дверь, в лицо пыхнуло березовым теплом.

– Угостить тебя есть чем. С хлебом плохо, Егорка со школы пойдет, принесет горбушку. Хлеб-то по карточкам.

– Все есть, старик, я поек получил. Да по дороге на станциях отоварился. Дай присяду, культа ноет. Я же безногий теперь. Ничего, расхожусь.

– А Егорка мой пропал без вести. Написал письмо в часть, где он служил. Ответили: получил тяжелое ранение, прооперирован, на самолете эвакуировали в Москву, а там пропал без вести. Может такое быть?

– Может, Мирон Иванович. Там такое творилось. Похоронку получил?

– Нет

– Значит, живой. Во время эвакуации много путаницы было, сам знаю.

– Внук Егор во второй класс пошел. Сноровистый парень. Учится на одни пятерки. Без него я бы пропал.

– Когда придет?

– Бог знает. В магазин забежать нужно, отовариться, на почту заглянуть – месяц писем от тебя нет.

Дед Мирон накрыл простыней стол.

– Мы с Егоркой все, что осталось от пепелища, собрали – и в баньку. Когда стену взрывной волной вышибло, стол этот вылетел в огород. Стоит целехонький. Кое-что из посуды сохранилось. Мы с твоим батькой до войны погреб за домом выкопали. Настоящий блиндаж, деревом обшили, место для картошки выделили, полки для солений, бочки с рыбой. Даже самогон был. Зенитчики за бутылку самогона вскопали огород – тоже подмога. Люди хорошие. Хороших людей больше, сынок.

Егор Васильевич достал из рюкзака круг домашней колбасы, шмат сала, разные консервы, лаваш, бутылку водки, не сучок –

магазинная. Дед Мирон с замиранием смотрел на продукты, потом сказал:

– Я и запах такое еды забыл, ей Богу. Давай Егорку-то подождем. Погоди, вот вроде его шаги. У меня от жизни в сутеми слух обострился.

Распахнулась дверь, на пороге возник и замер Егорка в ладной курточке, перешитых дедовых брюках, немецких ботинках на шипах. Стоял с приоткрытым ртом, начал деревянным голосом:

– Товарищ командир...

Потом не сдержался, с плачем кинулся к Егору Васильевичу:

– Дядя Егор, жив...

– Ну, а реветь нельзя. Какой же ты будешь речной капитан?

– Да-а, а мамка?

Дед Мирон, вытирая тряпицей глаза, строго сказал:

– Ну, будет, будет. Еще намикуетесь. Давайте к столу. Дядька вон какие деликатесы привез. Первым делом помянем усопших. Как в жизни они вместе жили, так и на Химкинском вместе лежат. Разливай Егор Васильевич. Рюмки я в развалинах дома откопал – устояло от немецкой бомбы московское стекло.

Выпили (кроме Егорки, ему томатного сока налили), помолчали. Егор Васильевич нахмурился:

– Что же вы писем-то не писали. Напишу письмо – ответа нет. Извелся весь.

Хрумкая подогретым на буржуйке хлебом, Егорка сказал:

– Почта виновата, по поселку пошел слух, что наша семья от немецкой бомбы погибла. Меня мало кто знает, зенитчики разве. Банька на отшибе, дымок из трубы только к ночи видать, труба выведена в общий дымоход. На почте бабка Матрена командует, ей в помощницы

семиклассницу Надьку дали – все же на фронте или в эвакуации. Я решил сегодня на почту сходить. Надька, как увидела меня, – в рев. Бабка тоже перепугалась – приняли за привидение. Да жив я, говорю, и дед Мирон жив. Письма где?

Надька лепечет: я письма, что из-за отсутствия адресата не дошли, в отдельный мешок складывала. Вдруг кто откликнется? Матрена принесла мешок, стали искать и сразу нашли: три письма от дяди, два от отца, отправлено почему-то из Конаково. Я сразу по письму в ответ отправил. Сейчас шел мимо ящика – письмо от отца.

– Что же ты, поганец, мне не сказал? – возмутился дед Мирон.

– У тебя сердце слабое.

– Егор Васильевич, ты письмо отбери, Христа ради, да прочти вслух поскорей.

Бурмистров вскрыл конверт. Подошел к окну и стал читать: «Родные мои, знал и верил, что вы живы, тетка Мария напутала – послала подругу в Москву узнать, живы ли родичи. Та увидела воронку вместо дома, так сразу общила – все погибли, а нет старой в баньку-то заглянуть. А со мной вот что. Когда заливал горючку на базе, немец-то и жажнул. Я вырубился, ни слова сказать не могу. Меня самолетом в Москву – случилась оказии. Спрашивают, кто я. А я рот открываю, как рыба, а сказать ничего не могу. Такая сильная контузия. Документы – в архив. Я месяц не знал, что ноги мне оттяпали. Понемногу стал говорить и писать. Написал тебе, Егор, ответ был: направлен к новому месту службы. Был адрес тетки Марии из Конаково, написал ей, та о гибели семьи общила и стала звать к себе. А у меня мысль одна чернее другой.

Кому нужен калека безногий, не лучше ли пулю в лоб, и привет, я и брякнул на комиссии: родных нет, все погибли. Намекнули на интернат для участников войны. Одни инвалиды кругом. На что такая жизнь? А тут является тетка Мария, да на полуторке. Вот и свезла меня к себе. Муж ее, протоиерей Илья, скончался в самом начале войны. Дом огромный, дед ставил его при купце Кузнецове. Фаянсовую посуду купчина поставлял ко двору самого царя. Сколотил я коляску на шарикоподшипниках, дали инвалидную коляску – я и ожил. О семье стараюсь не думать – с ума сойдешь.

Вот что, Егор, собирайся и ты в Конаково, в бане не выживешь. Напиши скорее. Тетка Мария не нарадуется, хочет собрать родных под одной крышей. Тут Волга рядом и речка Донховка под боком. Твой Егор второй».

Неделя ушла на разные дела-делишки. Сходил в военкомат, отметил, получил продовольственные карточки, съездил на вокзал за чемоданом, заглянул к начальнику Северного порта. Тот обрадовался:

– На одной ноге, зато живой. Садись, в ногах правды нет. Циркуляр пришел: при защите Сталинграда погибло до десяти тысяч речников, а судов сколько порушили. Теперь канонерки разоружают, возвращают речному флоту. А то тишина, пройдет караван, и опять тихо. С работой обеспечим, хотя бы сменным диспетчером. С месяц погуляй, и что-нибудь придумаем. С жильем худо. Нога болит?

– Ноет, поскуда. К протезу привыкнуть нужно.

Дед Мирон ожил, помолодел. Целый день в деле: баню чинит, рыбачит – три мужика в доме,

кормить нужно. Временами прихватывало сердце. Полежит, выпьет лекарство и опять за работу. Как-то рано утром Егорка разбудил Егора Васильевича и, лязгая от страха зубами, прошептал:

– Похоже, дед Мирон помер. И холодный уже. Я мертвяков боюсь. Вставай.

Егор Васильевич встал с деревянного полка, натянул протез и, как был в кальсонах, подошел к полку деда Мирона, глянул, закрыл глаза старику и сказал Егорке:

– Все, стоптался старый капитан. Ты чаю попей и дуй в школу, а я в милицию, потом на речной вокзал подамся. С достоинством

Мирона Ивановича похоронить нужно. Заслужил. – И стал натягивать китель с орденами. Постоял на пороге, вздохнул, потом сипло сказал:

– Вот так, Егор Егорович. Уезжать нужно, а то я к баньке иду, словно на кладбище. Надо ехать. При такой численности личного состава, надо в кучу собраться, теплом друг друга обогревать.

Хоронили Мирона Ивановича достойно. Гроб выставили в клубе, народу собралось много: старики, женщины, начальство из Министерства речного флота. В гробу дед Мирон лежал как живой. В ногах красная подушечка с орденами.

4

Отметив сороковины, два Егора ехали в Конаково, ехали долго, пропуская воинские эшелоны – война шла, но уже виден был ее победный конец.

Дом тети Марии сразуглянулся Егору Васильевичу: двухэтажный, сложен из бревен, под железной крышей. Наличники резные, к крыльцу приложен слип, чтобы удобнее было спускаться и подниматься в дом на коляске – хитроумное приспособление. Понравилось, что дом на высоком кирпичном фундаменте на случай паводка – речка Донховка рядом. Тетку Марию Егор Васильевич помнил плохо, разрыв отношений произошел еще до войны, когда пригрела она протоиерея Илью, вернувшегося из лагеря на Соловках, а потом и замуж за него вышла. Отец, когда говорил о сестре, презрительно выпячивал нижнюю губу: попадя. Она с молодости чудила, девушкой постриглась в монахини, а когда монастыри закрыли, устроилась учительницей в

младших классах. Отец был мастером на фабрике купца Кузнецова, зарабатывал хорошо, давал деньги на революцию, прятал в доме революционеров, оттого и дом не тронули. Так на фабрике и трудился до самой смерти.

На крыльце появилась высокая старуха в строгом сером платье, на голове черный платок. Увидела гостей, всплеснула руками и пошла открывать калитку, лицо ее лучилось радостью и покоем. Остановилась, смахнула слезу:

– Радость-то какая, Господи! Племяш, да с мальчонкой...

Поцеловала Егора Васильевича, Егорку, перекрестила их. Егор Васильевич глухо кашлянул:

– Друг отца дед Мирон помер, как отметили сороковины, и к вам.

– И правильно. А то помру, кому дом отойдет. Время тяжелое, нужно вместе собираться.

– А где же Егор Миронович?

– Обряжается, друзей встречать. Который день ждем. Пошли в избу.

В широких сенях ждал их Егор Миронович, в коляске, культы укрыты пледом, рубаха новая, сиреневая. Поднес ладонь к виску, громко сказал:

– Здравия желаю, товарищ старший лейтенант, докладывает половинка Егора второго, – подбродок у него дрогнул, слеза сорвалась и покатила по щеке.

Егор Васильевич обнял друга, с трудом проглотил ком, застрявший в глотке, и сипло сказал:

– Ты что же меня в звании понизил. До каплея дослужился. Командиром «Иркутска» был.

– Мы с тобой, считай, всю войну и не виделись. Бортами стояли, а от машины в такой катавасии не отойдешь.

– Наговоритесь еще, приглашай к столу, Мироныч, попотчевать чем Бог послал.

– Тетя Маня, а правда, ты монахиней была? – встрял Егорка.

– А как же, была. Потом деток в начальной школе учила. Вот так, Егорушка.

Горница была заполнена солнцем, сервант блестел стеклом, русская печь в фаянсовых изразцах, стулья с гнутыми ножками – все говорило о былом достатке. На столе – грибочки, рыба, огурцы соленые, графин с водкой, настоянной на березовых почках.

– Руки мыть! Мироныч воду подвел из колодца, моторчик запустил, и не надо по утрам к колодцу бежать.

Выпили за встречу, потом помянули усопших. Тетка Мария рассказывала: в доме четыре комнаты да на втором этаже одна. Зимой всегда тепло, старые мастера печь клали. Директор школы попросила взять на постой учителя немецкого языка, одинокого человека, отсидел срок ни за что, в Москве жить нельзя, вот на сто первый километр и отправили. Приняла

как родного. Поместимся. Егору Васильевичу я отвела самую большую комнату, кровати с шишечками, белье новое застелила, остальным по комнате. Вечером за чаем засиделись допоздна. Тетка Мария беспокоилась: Аркадий Васильевич задерживается. Темно уже.

Под утро сквозь сон Егор Васильевич слышал легкие шаги на лестнице, что вела на второй этаж. Потом все стихло. Егорка посвистывал носом. Из открытой форточки тянуло запахом сена. На Донховке орали лягушки.

Часов в десять утра Егор Васильевич вышел в кухню. За столом сидел худой человек с бритой головой в белой майке и спортивных брюках. Возраст – круто за сорок Он встал, учтиво поклонился, сказал:

– Здравствуйте, будем знакомиться. Абашев Аркадий Васильевич. Преподаватель.

– Егор Васильевич, речник, инвалид войны.

– Очень приятно. Что это вы скромничаете? Участник Сталинградской битвы – герой. Вся Европа отстоявших Сталинград считает героями. Я в прошлом переводчик – немецкий, французский. «Юманите» читаю, когда удастся в Москве раздобыть. В Париже есть кафе «Сталинград» – очень популярное. А я ведь припозднился. Пришлось ехать на Тверь, вышел в Новозавидово и первым автобусом в Конаково. Хорошо, что у меня уроки во второй смене. Парень в какой класс ходит?

– Во второй.

– Рослый мальчик.

– У нас в роду все за метр восемьдесят. Отцовская порода.

– Давайте я мальчика отведу в школу. Школа на хорошем счету, да и недалеко от дома.

– Очень обяжете.

– Вечером поговорим. Я из ссыльных, – сказал Аркадий

Васильевич, – в Москве жить нельзя, а там у меня мать-старушка. Вот и приходится выкручиваться.

Утром Егор Васильевич собрался, надел парадный китель с орденами, медалями и отправился в райком партии, становится на учет. Его встретила инструктор райкома, миловидная девушка. Глянула на иконостас на груди ветерана, порозовела:

– Где воевали, на каком фронте?

– В Сталинграде, в составе Волжской военной флотилии. Командовал канонерской лодкой «Иркутск». Пока не ранило. На протезе много не поплаваешь.

– Если бы не палка, я бы не заметила.

– Спасибо, милая. Стараюсь держаться.

– У нас большая группа ветеранов войны. При ней ячейка. Народ серьезный, есть и совсем тяжелые, лежачие. Сталинградец один, Малой Егор Миронович.

Бурмистров улыбнулся.

– Мой дружок. Вместе воевали в Волжской военной флотилии. Только на разных кораблях. Не повезло Егору, без обеих ног остался, да и жена во время вражеского налета погибла.

– Но он держится. Шутник, весельчак. Почему о работе не спрашиваете?

– Неловко.

– У нас большая лодочная станция. Начальник – пьяница, бездельник, снимать нужно. Народ рыбой живет, огородами. На катерах и лодках старики и бабы. Порядка нет. Хозяин нужен, с характером. Не согласились бы пойти?

– А что, можно. И от дома недалеко.

– Через полчаса подъедет секретарь райкома. Потолкуете с ним. А пока я вас чаем напою с клюквой.

Минут через пятнадцать подъехал секретарь райкома, рыжий, лет тридцати, без левой руки. Весело сказал:

– Нашему полку прибыло. Где ноги лишился?

– Сталинград.

– Ух ты, крепко вы там немцам врезали. А я руку еще на финской потерял. Летчик-истребитель. Пошли в кабинет, потолкуем.

Секретарь поинтересовался, как с жильем, и с ходу спросил про лодочную станцию.

– Гибнет станция. Рыбке-то хочется, закон нарушают – это ладно. А пьянка каждый день, во главе – начальник станции. Бездельник, каких мало. Поборы устраивает, а что с людей брать – беднота. Будем снимать. Помощь окажем всяческую. Что нужно – ко мне. Вот бы еще механика, специалиста по моторам, где найти.

– Есть механик – мой кореш. С любым мотором справится. Хоть подвесник, хоть дизель. Он, правда, без ног. Но оборудует мастерскую под себя.

– А как он будет на стоянку добираться?

– Живем рядом, на коляске доскочет.

Собрание владельцев маломерных судов прошло в строго деловой обстановке. Представлял Бурмистрова сам секретарь райкома. Коротко рассказал о трудовой и военной деятельности капитан-лейтенанта, когда сказал, что Егор Васильевич участвовал в Сталинградской битве, зал поощрительно загудел. Взял слово Бурмистров, говорил коротко, по-военному. Сказал о реорганизации лодочной станции, необходимы рундуки для хранения моторов, распределение каналов – суда побольше ставить ближе к выходу, нужна доставка топлива – бензин, солярку. А когда сказал

о мастерской по починке моторов, зал взорвался аплодисментами.

– Вопросы есть?

Одна бабенка подняла руку:

– Говори.

– А товарищ моряк женат?

Секретарь райкома усмехнулся:

– Холост. Успокойся.

В зале засмеялись.

Глядел Бурмистров в зал и думал: одет народ плохо, недокормлен, рыбалка – не развлечение, а добыча пропитания, в основном женщины, мужиков мало, на фронте мужики, а кто уже и не вернется. Детей кормить надо.

За Егора Васильевича проголосовали единогласно. Через неделю работа кипела. Привезли две машины горбыля для обустройства каналов, из бросового железа смастерили мастерскую, среди женщин нашлись опытные сварщики. Егор Миронович сбил деревянный верстак под свой рост, скамьи, стояки для подвесных моторов. Инструмент собрал. Приезжал на инвалидной коляске рано, пересаживался на самодельную колясочку с ляжкой через плечо, в руках колодки. Таким образом, ловко передвигался по настилам каналов, исчезал в машинных отделениях промысловых судов. Привел в порядок подвесные моторы – все старье оживало в руках мастера.

Бурмистров по случаю купил немецкий трофейный мотоцикл с коляской, стало легче по разным учреждениям мотаться, да и Егора Мироновича подвозить к станции поздней осенью и зимой. Станция за три месяца обрела приличный вид. Выпивать на станции не прекратили, но начальник в пьянках не участвовал, с женщинами держал себя строго, не подкатись. Близко сошелся Бурмистров с Аркадием Васильевичем, узнал его печальную историю. Работал в Министерстве

иностранных дел переводчиком, видел Молотова, Ворошилова, Жукова, участвовал во многих переговорах, с началом войны призвали в армию, дали звание капитана, под Клином раненым попал в плен, бежал, вместе с окруженцами перешел линию фронта, был задержан контрразведкой, обвинили в шпионаже, три года провел в наших лагерях и шарашках. Потом выпустили, но не реабилитировали, запретили жить в больших городах, мотался по стране, пока не осел в Конаково.

– А как же мидовцы? Не вступились?

– Сразу отвернулись. Отвернулись и забыли. Я не в претензии – время военное.

Потянулся к Аркадию Васильевичу и Егорка. Учение давалось ему легко. Под руководством учителя занялся французским языком и к пятому классу почти свободно говорил по-французски. Учился только на «отлично». Ходил, подражая Аркадию Васильевичу, в глаженных брюках и начищенных ботинках, даже причесываться стал, как учитель, на пробор.

Лето прошло в заботах. Как-то вечером Мария Ивановна сказала Егору Васильевичу:

– Егор, что ты все бирюком ходишь? Тебе скоро сорок стукнет, жениться пора. Место есть, куда молодую жену привести.

– Куда мне жениться? Кому инвалид нужен?

– Господь велел плодиться...

– На этот счет у меня Егорка есть. От сестры моей покойной.

– Ты подумай, я не вечная. Помру, кто за вами будет смотреть. Женщина в доме нужна. За тебя всякая пойдет. Мужик при деле, не пьет, не гуляет, из себя статный, не стыдно в люди выйти. Мужиков вон сколько поубивало. На танцах шерочка с машерочкой танцуют.

Вот у нас соседка Лидия, инженером на заводе. И собой хороша, и хозяйка ладная. Приглядишься.

– Не могу, Марья Ивановна. Как на культу свою гляну, так и отшибает все. Да и привык я. Я не особо-то ласков. Ты лучше скажи, отчего такой раздрай в семье произошел?

– Долгий разговор. Ежели коротко. Батюшка мой, Иван Григорьевич, служил у купца Кузнецова мастером. Правой рукой был. Зарабатывал хорошо. Отдал отца твоего в реальное училище в Твери. Хотел к своему делу приспособить. А батька твой нрав проявил, уехал в Москву, поступил в речное училище, плавал по Волге помощником капитана. А потом стал капитаном грузового судна. Отбил, словом, от дома. С характером был крутым. А меня батюшка определил в частный пансионат мадам Бланш. Был такой в Твери, на манер института благородных девиц. Только проще и ближе к жизни. Французский, русский языки, домоводство, кулинария, танцы. Дочери купцов, разночинцев.

А тут война. Мы в госпитале за ранеными ухаживали. И глянулся мне поручик Владимир Лодзинский, батюшка его в тверской духовной семинарии преподавал. Отцы нас благословили, обручились мы, свадьбу решили после войны сыграть. А Володя вскоре погиб. Я с горя ушла послушницей в Новодевичий монастырь. Батюшка мой благословил, а брат, отец твой, в ярость пришел: скоро революция, а она с попами связалась. Несколько лет послушницей была, потом постриг приняла, а через несколько лет монастырь закрыли. Пошла в учительницы. Батюшка уже совсем плох был. Последнюю точку в отношениях с братом поставил мой брак с протоиереем Ильей. А Илья

вернулся с Соловков худой, бледный, но крепкий духом, а человеком был добрым, образованным.

Миновала суровая зима. Лед на Иваньковском море трещал, дымы на ГРЭС торчком стояли. Надевал Егор Васильевич тулуп, что от протоиерея Ильи остался, шел на лодочную станцию, поглядеть, все ли в порядке.

Аркадия Васильевича, наконец, реабилитировали и дали однокомнатную квартиру. Матушка его к этому времени умерла, он прописку московскую потерял, квартира досталась пришлым людям. Аркадий Васильевич шутил: «Мне на роду написано – жить и умереть в Конаково». Захаживал часто, идет со школы и заглянет.

На лодочной станции стоял на кильблоках бесхозный катер, хозяин погиб на фронте, родственников у него не было. Друзья сложились и купили катерок по остаточной стоимости. Катер килеватый, приемистый, со шведским дизелем и салоном. Всю раннюю весну возились, привели в порядок, покрасили и к началу навигации спустили на воду.

Раньше Егор Васильевич к рыбалке был равнодушен. А тут зацепило, Иваньковское море, считай, все исходил. В воскресные дни к нему присоединялся друг, Егор второй, а то и третий, внук, катер так и назвали «Три Егора».

День за днем мелькали, как блесна в солнечный день. Школу Егор третий закончил с золотой медалью. Готовился к поступлению в Московское училище водного транспорта. Поступил легко. Каждое воскресенье домой, в Конаково. Закончил училище с отличием, получил назначение в Мурманское пароходство на судно типа река-море. Через два года, после окончания специальных курсов, его назначили на атомный ледокол «Ленин».

После отъезда Егорки дом опустел, а на семью посыпались несчастья. Сошла в могилу тетка Мария Ивановна, сошла тихо, как и жила, не болела, была бодрa, возилась на огороде, в саду, села на скамейку и откинулась. Стояло бабье лето, по саду летали серебристые паутинки. Егор Васильевич так и нашел старуху в саду на скамейке, лицо повернуто к солнцу, открытые глаза ловили последнее тепло.

Через полгода стал чахнуть Егор Миронович. Бурмистров не раз по ночам слышал, как ворочается, постанывает друг. Егор Васильевич настоял показать друга врачу, тот направил в больницу на обследование, а Егор Миронович стал бледнеть, сильно похудел, смотреть на него было больно. Наконец выяснился диагноз: рак поджелудочной железы четвертой степени. Остались живыми только глаза.

Егор Васильевич приносил другу маленькую водки.

– Затухаю, дружище, – говорил он Бурмистрову, – сны стали сниться странные: отец, молодой капитан, из-под фуражки кудри

торчат, мать, хотя ее помнить не мог, в родах померла, нянька Матрена, пляшущая под граммофон. А вот внук не снится, во льдах он на своем ледоколе, месяцами во льдах. О ледоколе пишет как о живом, а про мое здоровье не спрашивает. Дай-ка хлебну из горлышка. Ты на мое место возьми солдата Сережу, я ему много передал, толк будет. А ведь мы с тобой, Егор, всю жизнь вместе прожили и ни разу не поссорились.

Был Егор Миронович, и не стало его. Бурмистров горько плакал. Сыпал снег, уже легкий, предзимний. На Волге образовались полыньи. На похороны пришло много народу. Гроб Егор Васильевич заказал длинный, как будто хоронили механика в полный рост, с ногами.

По весне Егор Васильевич продал катер, купил в магазине пластиковую лодку с японским мотором, далеко на рыбалку не ходил, так, в заповедные места. Ловил на двойную уху и домой. Как-то глянул на себя в зеркало, в густоволосье образовалась седая прядь. Мучила тоска, особенно по ночам, и жизнь казалась бессмысленной.

Как-то, возвращаясь с лодочной станции, Егор Васильевич встретил Абашева, тот шел, опираясь на трость, такой же прямой, стройный. Костюмчик глаженный, туфли надраены. Старила бородка клинышком, но глаза живые, полные энергии. Руку пожал крепко. По-мужски.

– Что это вы, голубчик, посуровели? Хворь какая случилась?

– У меня одна хворь – одиночество, ночью точно мышь в груди грызет. Один ведь в опустевшем

доме остался. Тетушка Мария Ивановна отошла, друг вслед за ней, внук на похороны отца приехать не смог – был в проливе Велькицкого на своем ледоколе, караван вел. Вот и замучила тоска-кручина.

– Тоска, унынье – грех большой. В церковь ходите?

– Не хожу. Партийный билет держит. Как-то зашел в городской храм, срам один, батюшка лопочет, не поймешь что, служба змеей шипит – не так стоишь, не так руки

держишь, не храм Божий, а зона. Махнул рукой и ушел.

– Да, бывает, да где ж их хороших священников раздобыть. А я вот в деревню Селихово собрался. Послушать проповеди отца Бориса, да и по разным делам. Я же руковожу воскресной школой при церкви. Отец Борис, несмотря на молодость, достойный священник. Храм в запустении был, привлек молодежь, храм поднял. Немец сюда не дошел – все сохранилось: церковная утварь, иконы старого письма. Я ведь тоже один, бывал в Москве, бывал урывками, пока жива была мамаша, а сейчас остыл. Прощение подавать нужно, чтобы в партии восстановили, унижаться, а за что я в лагерях маялся? Да партия нынче не та, гниет изнутри. А давайте в Селихово прокатимся, я такси заказал. Минут через десять подъедет. Я вас с отцом Борисом познакомлю – силища в нем духовная непомерная. Поедем, голубчик, может, хворь и отойдет.

«А что, поеду, – подумал Баскаков. – Одет прилично. До Селихова километров десять, не более». Минут через пятнадцать подъехало такси. И как теперь часто с ним случалось, отключался Егор Васильевич от реальной жизни, ушел в воспоминания. Встала перед глазами Мария Ивановна в монашеском одеянии, вся светлая, улыбчивая. Сколько вечеров провел с ней Егор Васильевич, слушая ее рассказы о прошлой жизни, живо так рассказывала, с картинками.

– Приехали, отцы, – сказал водитель, распахивая дверцу автомобиля.

И когда выбрался Егор Васильевич из такси у белой церковной ограды, невольно замер: так хороша, так необычна была церковь пророка Илии на фоне бледного

неба. Церковь как бы явилась из того, иного времени. Все вокруг разрушило, смело, вдавило в землю страшным катком, а это рукотворное чудо сохранилось, и над обращенным к востоку крестом плыло белое облако.

Они пошли вдоль церковной ограды. А навстречу то и дело попадались пьяные мужики с одинаково темными, бессмысленными лицами, одинаковыми сумками, и даже походка у них была схожая, дергающаяся, но при том ожесточенно-целеустремленная. Из коротких, состоявших в основном из матерщины слов Егор Васильевич уяснил, что куда-то, в какой-то лагерь завезли дешевую водку.

– Спивается народ, – с печалью сказал Аркадий Васильевич.

У входа в церковь висела икона «Утоли мои печали». Аркадий Васильевич перекрестился и сказал:

– Я люблю эту икону. Поражает простое, поэтическое название. Вслушайтесь: утоли мои печали... Точно далекий голос слышится, оттуда, через столетия, горькая просьба о милосердии.

Шла служба. На клиросе пел хор, пели слаженно, красиво, мужские голоса вели партию, переключаясь с женскими, и столько в этом пении было горечи и страсти, что Егор Васильевич невольно вздрогнул. Церковь была скудно освещена, только клирос, в глубине алтаря теплились свечи, в боковых же пределах стоял сумрак. Тускло мерцали оклады икон. Егор Васильевич подошел ближе к клиросу и различил голос священника – глубокий, хорошо поставленный баритон, потом увидел и его самого, в облачении, рослого, красивого, с великолепной бородой. Проповедь длилась минут сорок. Отец Борис говорил простые слова и о

простом, жизненном, но многие прихожане плакали. И много было молодых.

После проповеди Аркадий Васильевич подвел Бурмистрова к священнику, поклонился:

– Вот, отец Борис, представляю вам моего старого друга, командира канонерской лодки, участника битвы за Сталинград, тяжело ранен. Живет в Конаково.

Отец Борис поклонился:

– Очень рад, что такие герои посетили нашу церковь. А ваш портрет я видел в школе. Очень рад. Прошу в трапезную, пообедаем чем бог послал.

После обеда уже беседовал с отцом Борисом в сторожке. Аркадий Васильевич откланялся, дела, заночует у дьякона.

Строжка – так называла одноэтажный дом старуха служительница – строение древнее, середины позапрошлого столетия. Сруб врос в землю. Внутри жилище вполне современное. Без роскоши, но все необходимое есть: просторная гостиная, спальня, где у образов трепетали свечи, современная ванная комната, газ.

Егор Васильевич смотрел на отца Бориса, человека красивого, умного и, надо думать, удачливого – мастер спорта по баскетболу. Играл за молодежную сборную страны, учился в институте физкультуры, увлекся психологией, перешел в Московский университет, поступил в аспирантуру, защитил диссертацию – и думал, какое же озарение на него должно было снизойти, чтобы стать деревенским священником, да еще в годы, когда подобный шаг выглядел странно, приносил много неприятностей.

Егор Васильевич как-то незаметно для себя разговорился, рас-

сказал о глодавшей его тоске по вечерам, бессоннице, видениям. Отец Борис слушал внимательно, потом мягко сказал:

– В медицине это состояние называется субдепрессией. Вы не одиноки, это ошибочное мнение. С нами всегда Бог. Приезжайте к нам. Из Конаково ходит автобус, приезжайте просто так, без сверхзадачи. – Отец Борис прикоснулся к руке Бурмистрова и внимательно посмотрел ему в глаза:

– Много печали скопилось в вашем сердце, но печаль уйдет, в ближайшее время вас ждет светлая радость. А нас не забывайте, хорошо бы выступить перед детьми и их родителями в воскресной церковной школе. Рассказать о войне, рассказать правду. А вас я полечу, я ведь окончил факультет медицинской психологии. И все войдет в норму.

В Конаково ехали на машине отца Бориса. У реки Донховка Егор Васильевич попросил водителя остановить машину. Подходя к дому, он издали увидел у калитки большой внедорожник. Открытый багажник был ярко освещен, на этом фоне мелькала громоздкая тень.

«Неужто Егорка приехал?» – подумал Егор Васильевич, вспомнились слова отца Бориса: «в ближайшее время вас ждет светлая радость».

Человек остановился, снял фуражку, снова ее надел и пошел навстречу Егору Васильевичу.

– Привет, старина! Дай я тебя обниму. Новый ледокол принимал, два года без отпуска, гостинцев тебе привез.

– Откуда ты, полярный капитан?

– Прямо из Мурманска. На машине быстрее. А ты не изменился, вот и живи так дальше.

Дмитрий ИГНАТОВ

ОН. ОНА. ОСЕНЬ

Рассказ

Виктор отбил заголовок парой пустых строк и закрыл крышку ноутбука, полностью перепоручив муки творчества писательской нейросети. Теперь хитрая программа продолжила сочинительство без него, используя метод свободных ассоциаций и изученный ранее его персональный писательский стиль.

Сначала писатель с недоверием относился к машинному творчеству, представляя, что из хаотического набора слов в своём словаре компьютер сможет соорудить, как максимум, какое-нибудь шизофреническое псевдофилософское эссе на манер тех, которыми регулярно грешат неудачники с литературных сайтов. Но после нескольких пробных текстов нейросеть научилась писать довольно складные рассказы с сюжетными поворотами и интригами. В какой-то момент Виктор решил рискнуть и отправил такую рукопись издателю. Его удивлению не было предела, когда текст, в котором человек не написал фактически ни одной связной строчки, был принят к печати.

Устоять перед соблазном было слишком сложно, поэтому и следующий «свой» рассказ Виктор «написал» точно так же. После третьего машинного «шедевра» обманывать стало легче. Однажды писатель дополнительно скормил компьютеру немного Чехова, а потом с нескрываемым злорадством читал в редакторской колонке литературного альманаха, что у него появился «неповторимый стиль: иронический и немного грустный».

Надо сказать, что ноутбук у писателя был не из новых, но хозяин был к нему не особо требователен, поэтому компьютер долгие годы исправно выполнял роль пишущей машинки. Теперь же устаревший аппарат с заметным скрипом проворачивал инструкции нейронного движка. Он быстро накидывал описания мест и интерьеров, потом тщательно подбирал слова, лакируя стиль, и надолго зависал, обдумывая диалоги персонажей. Вероятно, более современная машина справилась бы с задачей в разы быстрее. Зато так у Виктора создавалась полноценная иллюзия сложного творческого процесса, а свободное

Дмитрий Алексеевич ИГНАТОВ родился в 1986 году в Ярославле. Окончил ЯГТУ по специальности «инженер-педагог машиностроения». Автор сценариев для короткометражного фестивального кино. В этом качестве участвовал в кинофестивалях «КиноШок» и «Метрополис». В настоящее время дизайнер и веб-разработчик, пишет сценарии для кино и ТВ. Публиковался в различных изданиях Автор романа в рассказах «Великий Аттрактор».

Живет в Воронеже.

время, которого у него образовалось в избытке, он с удовольствием проводил, бездельничая.

Писатель сунул ноги в сильно поношенные, но удобные теннисные туфли, набросил на себя вытертую на рукавах ветровку и вышел из дома. Небольшой загородный коттедж с заострённой на готический манер крышей когда-то считался в его семье летней резиденцией. Сюда, как тогда говорили «на дачу», отец вывозил всех в середине мая и почти до самого конца августа. Мать пыталась разводить какие-то цветы, но тень окружающего леса так и не позволила ей развернуться в полную силу своих творческих планов. Теперь он стал ещё гуще и темнее, а из-за множества накренившихся и упавших стволов казался каким-то неопрятным. Впрочем, это совершенно не мешало прогуливаться по хорошо вытоптаным дорожкам и тропинкам.

Это место всегда ассоциировалось у Виктора с воспоминаниями из детства. Самыми светлыми и счастливыми моментами, наверное, как и у всех. В отличие от тесной городской квартиры, где долгое время болели и скончались оба его старика. Поэтому, когда после смерти родителей перед Виктором встал вопрос, где оставаться жить, выбор для него был очевиден.

Жизнь скучающего на природе писателя прельщала его как внешним антуражем, так и собственным искренним желанием сбежать, наконец, от городской суеты. К тому времени Виктор уже приобрёл достаточную популярность, издатель с удовольствием брал в печать его сборники и романы, а авторские гонорары, когда-то помогавшие стареющим родителям, теперь с лихвой покрывали все его скромные потребности.

Погрузившись в свои невесёлые воспоминания, писатель углубился в лес. Сухая листва шуршала под ногами и делала его размышления ещё более тоскливыми. Интересно, но в последнее время он почти разучился размышлять на отстранённые темы и совсем перестал фантазировать. Выдуманные истории казались Виктору какими-то пустыми и бесполезными; возможно, кроме того, что они хорошо продавались. Когда-то давно желание излить мысли на бумагу шло изнутри, било ключом, вырывалось наружу. Чуть позже его сменило желание заработать на жизнь, и Виктор мог днями просиживать за клавиатурой, совершенно не выходя из дома. Теперь же заниматься писательством по-старинке у него не было ни желания, ни потребности. Он стал полностью свободен и мог, наконец, просто прогуляться по лесу, как сейчас. Писатель не помнил, куда именно ведёт дорожка, на которую он свернул, поэтому просто пошёл вперёд.

Он вышел на берег реки. Лес здесь обрывался почти у самой воды узкой полоской полудикого пляжа, а ряд из нескольких старых деревянных скамеек, поставленных кем-то давным-давно, создавал впечатление небольшой набережной, протянувшейся вдоль воды. Виктор присел на лавочку и провел рукой по шершавым доскам с отшелушивающейся краской. Он помнил это место. Они с отцом приходили и купались тут по полдня, а иногда пропускали обед. Мама ругалась на них, когда они приходили назад мокрые, но довольные, с всклокоченными волосами и улыбающимися лицами. Писатель грустно вздохнул. Неужели ему больше не о чем думать? Почему внутри не осталось

ничего, кроме воспоминаний из прошлого? Кажется, этот момент наступил слишком рано.

Виктор сидел, задумчиво глядя на воду, но неожиданно от этого тоскливого раздумывания его отвлек чей-то кашель. Он обернулся и увидел в десятке шагов девушку с фотоаппаратом. Она увлеченно нацеливала объектив на какие-то одной ей ведомые листочки, ветки, кроны деревьев и довольно часто щелкала затвором. Писатель мысленно нашёл её интерес странным и отвернулся, решив, что это, вероятно, кто-то из периодически приезжающих туристов, спешащих бездумно запечатлеть каждый по-

навившийся вид, чтобы потом запостить кадр в социальных сетях.

Впрочем, денёк выдался и правда довольно приятным и красивым. Солнце ярко золотило красноватые кроны и серебрило мелкую рябь на воде. И эта девушка с ярко рыжими крашеными волосами, в каком-то смешном оранжевом шарфе тоже казалась какой-то осенней и странным образом весьма уместной, словно специально вписанной в окружающий пейзаж. Писателю вдруг захотелось ещё раз на неё посмотреть. Он осторожно и чуть нерешительно обернулся, но девушки уже не было видно.

* * *

Наталья проснулась ранним утром. Она лежала на раскладушке прямо так, как и уснула прошлым вечером, не снимая верхней одежды, укрывшись колючим верблюжьим одеялом. В доме было пусто и холодно. Двухконтурный бойлер вчера так и не захотел работать, а старенький электро-масляный обогреватель явно не справлялся с кубатурой помещения.

Девушка потянулась, поправила высокий и толстый как бублик ворот своего вязаного свитера в бежевые и коричневые полоски, вдоль которых росли ёлки и скакали олени, отключила обогреватель из удлинителя и включила вместо него пузатый электрический чайник. Разровняв пальцами свои спутавшиеся за ночь огненно-рыжие волосы, она связала их резинкой в хвост и принялась с обезьяньим проворством копать в небольшом рюкзаке.

Прежние жильцы не побеспокоились о том, чтобы оставить хоть какую-то мебель. Поэтому и

электрочайник, и рюкзачок, и небольшой кофр для зеркального фотоаппарата располагались прямо на полу рядом с раскладушкой. Зато в этом совершенно неудобном доме можно было оценить геометрию пространства и ощутить какую-то особую визуальную магию конструктивной пустоты, требующей, чтобы её заполнили.

Вчера Наталья потратила почти два часа, запечатлевая отдельные, как ей казалось, интересные детали. Неровности досок, фрагменты несущих балок, отдельные царапки и выбоинки, нарушающие целостные текстуры стен, пола и потолка. Вероятно, всё это будет сокрыто под новой отделкой вскоре после того, как она примет решение об окончательном переезде. Эта информация будет надолго, а возможно, и навсегда потеряна. Истинный облик помещения скроется под типовыми и безликими обоями, стеновыми панелями, напольным покрытием и потолочной плиткой. Пройдёт год или два,

пока новые поверхности окажутся вновь естественным образом «зафактурены». И в каком-то смысле, это будет уже совсем другое пространство.

Чайник забурлил и щёлкнул, изрыгая в холодный воздух струйку горячего пара. Девушка налила кипяток в крышку от термоса и всыпала из пакетика растворимый кофе. Не лучший вариант, но за неимением другого вполне подходящий. Отказать себе в утренней чашечке кофе она, в любом случае, не могла. Девушка неторопливо отпила слишком горячий, слишком сладкий и слишком ненатуральный напиток, и прикрыла глаза от удовольствия.

Окончательно проснувшись, девушка ещё раз окинула взглядом пустой дом, обмотала шею длинным оранжевым шарфом, перекинула через плечо кофр с проверенной зеркалкой и уверенным шагом вышла в осенний лес.

В чуть обжигающей нос утренней прохладе ощущалось скорое приближение зимы. Лес уже начал местами обнажаться, словно когтями царапая чистое голубое небо острыми чёрными ветками. Но золото не опавшей до конца листвы всё ещё горело яркими красками, словно отдавая сейчас весь тот солнечный свет, который впитало за лето.

Наталья вынула зеркалку из кофра, открыла объектив и со щелчком включила фотоаппарат, отозвавшийся легким приветственным писком. Теперь девушка была готова к своей фотоохоте. Она начала снимать довольно рано: ещё в школе дедушка подарил ей небольшой, но довольно хороший фотоаппарат. С тех пор она практически не помнит случая, чтобы расставалась с объек-

тивом. Желание снимать всё подряд – начиная от своего завтрака, отражения в зеркале и заканчивая собственными вытянутыми в кадр ногами – быстро прошло. Наталья решила заняться фотографией всерьёз и стала разборчивее в выборе объектов для съёмки.

Сначала она, как возможно и многие, представляла себя фотохудожником, создающим в своих оригинальных фотосетах уникальные образы. Процесс выглядел со стороны весьма эстетичным и привлекательным и к тому же сулил неплохой доход. Но на десятый раз Наталью уже буквально тошнило от очередной тупой курицы с надутыми губами, желающей запечатлеть себя в образе лесной нимфы. Глядя на свою новую клиентку, девушка вновь и вновь ловила себя на мысли, что ничего путного из этой болотной кикиморы всё равно не получится.

И в один прекрасный день она просто не пришла на съёмку. Прожив в подавленном состоянии два или три дня, девушка от нечего делать пересмотрела весь свой архив, а потом взяла и выложила его целиком в Сеть для платного скачивания. Снова всё подряд: свой завтрак, вытянутые ноги в кадре, верхушки деревьев, виды из окна... Каково же было её удивление, что в течение нескольких минут уже была продана первая фотография. Очень старый кадр с шишкой, лежащей на пеньке, который она сняла ещё будучи школьницей на свой первый подаренный дедушкой фотоаппарат. Девушка была воодушевлена и снова взялась за камеру.

Быстро поняв все прелести цифровой торговли и почувствовав вкус успеха, Наталья принялась за дело с удвоенной силой. Изучая

статистику скачиваний, девушка определила, что больше всего дохода ей приносит пейзажная съемка и зарисовки природы. Всевозможные макропланы с листиками, ягодками и жучками превосходно раскупались для оформления сайтов и журналов, обширные пейзажи охотно брали редакторы глянцевого издания и рекламщики для своей полиграфии, а фото, заполненные травой, листвой или камешками с удовольствием использовали для текстур разработчики компьютерных игр.

Постепенно в электронной коллекции Натальи были все мыслимые и немыслимые кадры весенней и летней тематики. По крайней мере, почти всё, что можно было собрать в длительных прогулках по городским паркам, скверам и дворам. К осени девушка решила подготовиться более обстоятельно, и в её голове родилась мысль о переезде на природу. Поиск подходящего места продлился недолго. Отфильтровав предложения на сайте недвижимости по цене, она буквально сразу наткнулась на дом, в который моментально влюбилась. Широкий, с треугольной крышей, огромными витражными окнами под самый потолок, двумя просторными комнатами-студиями на первом этаже и импровизированном втором ярусе под крышей, а главное – совершенно пустой, без отпечатка жизни предыдущих жильцов.

В тот же вечер Наталья необдуманно внесла залог, а уже на следующий день, забрав заветные ключи, поехала осматривать будущее место своего обитания. Ни старый автоматический бойлер, отказавшийся работать, ни полное отсутствие каких-либо светильников не расстроили восторженную

покупательницу. Она уже мечтательно представляла, как всё обустроит тут под прибежище одинокого фотохудожника.

Пока же девушка просто занималась любимым делом, снова и снова нажимая на кнопку затвора и каждый раз думая, что никогда не смогла бы сделать такой звенящий и яркий кадр в проклятом пыльном городе. Двигаясь по лесной дорожке и часто сворачивая с неё в поисках интересного вида, она постепенно углубилась в лес и неожиданно для самой себя вышла к реке. Запечатлев вид на воду и противоположный берег, сняв засыпанную пожелтевшей листвой деревянную лавку и макроплан с одиноким листиком, лежащим на старых растрескавшихся досках, она сконцентрировалась на ветках огромной разросшейся ивы. Её вытянутые листья красиво свисали на фоне воды, чудесно размывающейся солнечными бликами в короткофокусном объективе.

Сделав несколько кадров, Наталья вдруг ощутила чьё-то присутствие и обернулась. На одной из скамеек, стоящих вдоль воды на манер небольшой импровизированной набережной, сидел человек. Он показался ей каким-то странным и немного отрешённым. По крайней мере, он сидел совершенно неподвижно, задумчиво глядя на воду, вероятно, полностью погружённый в собственные мысли. Девушка машинально подняла фотоаппарат, посмотрела на человека в прицел видоискателя и уже было занесла палец над кнопкой, но остановилась. Слишком ярко вспомнились ей вдруг привередливые «красавицы» с накаченными губами, даже заставив её поморщиться. К тому же, как разумно рассудила девушка,

оправдывая своё решение, такое фото вряд ли кто купит. Без указания имени модели, задействованной в съёмке, коммерческое использование будет затруднено. Покупатели в Сети не рискуют свя-

зываться с фотографиями, на которых запечатлены случайные люди.

Она ещё раз придирчиво взглянула на иву, огляделась по сторонам и пошла в глубь леса, где виднелись ярко-алые кроны осин.

* * *

Каждое утро Виктора было похоже на предыдущее. Позавтракав на скорую руку, он позвонил издателю, выслушал избыточно восторженные новости о том, как прекрасно продаются его книги, статистику платных скачиваний электронных версий и сомнительные измышления о возвращении интереса читателей к печатному слову. Потом писатель какое-то время ещё повалялся на диване, щёлкая кнопкой пульта и бессмысленно переключая каналы. Подошёл к книжным полкам с классикой, долго пересматривал корешки, но так и не решил, что бы мог перечитать. За полдня он так и не притронулся к своему ноутбуку, где уже, вероятно, во всю развивался сюжет «его» нового рассказа. В итоге Виктор не придумал ничего лучше, кроме как одеться и ещё раз пройтись по лесу к берегу реки.

День выдался необыкновенно не по-осеннему тёплым. Солнце заметно пригревало. Река, играя яркими искорками, так и манила, словно приглашая окунуться в себя с головой. Писатель осторожно подошёл, стараясь не съехать вниз по топкому илистому берегу, и опустил руку в воду. Она была ледяной, прозрачной и совершенно пустой. Летом здесь кишела жизнь, внутри бегали мальки, с берега в ряску хлопались пухлые лягушки, над водой летали стрекозы, а теперь же не было видно ни

единой водомерки. Жизнь засыпала, ощущая приближение холодов.

Виктор подошёл к скамейке, на которой сидел вчера, и только сейчас обратил внимание, каким толстым ковром из жёлтой опавшей листвы покрыто всё пространство вокруг. Он сделал пару шагов по этому пушистому шуршащему покрывалу и вдруг, подчиняясь какому-то ребяческому чувству, лёг на него, раскинув руки в стороны, и закрыл глаза. В его сознании вспыхивали и улетали отрывочные воспоминания о детстве, летних днях, проведённых на этой реке, и вдруг появился образ вчерашней девушки с фотоаппаратом.

– Вам плохо? – внезапно прозвучал сверху приятный женский голос.

Писатель открыл глаза и увидел ту самую девушку, о которой только что думал. Она была точно такой же, как и вчера: огненно-рыжая, чуть растрёпанная, в нелепом оранжевом шарфе. Её лицо было слегка взволнованно, а зеленоватые глаза обеспокоенно глядели прямо на Виктора.

– Нет, мне хорошо, – ответил писатель и, заметив фотоаппарат на шее девушки, добавил: – Только не надо снимать.

– Почему вы решили, что я буду вас снимать?

– Ну, вы же, судя по всему, фотограф.

– Да... Но я не снимаю людей.

– Почему?

– Ну... Это неважно, – девушка чуть замялась, а потом вдруг спросила: – Можно к вам?

– Пожалуйста... Если вы считаете, что это уместно, – ответил писатель и даже чуть пододвинулся.

– Ну, вы же считаете, – Наталья легла в листву буквально в 20 сантиметрах от Виктора. – Хм...А тут и правда очень интересный ракурс.

– Я смотрю, что вас сложно поставить в неудобное положение...– заметил писатель, наблюдая, как девушка фотографирует снизу вверх оранжевые кроны деревьев, обрамляющие собой небольшой клочок голубого неба.

– Да, мне вполне удобно, – не отвлекаясь от процесса, ответила она. – Учитывая, что в последнюю пару суток я сплю примерно в таких же условиях.

– У вас нет дома?

– Нет, дом у меня есть. В нём нет отопления... Кстати, – девушка повернула голову набок и посмотрела на Виктора, – вы, случайно, не инженер?

– Нет, я писатель, – ответил он, всё так же глядя вверх на кроны деревьев.

– А... Я вас узнала... Вы писатель... Тот самый...

– Да, я тот самый писатель.

– Жаль...

– Непривычно такое слышать, – Виктор, наконец, посмотрел на девушку. – Обычно читатели сразу

хотят взять автограф или сделать сэлфи.

– Ну, я же не читатель. Я вас не читаю, – улыбнулась она.

– Обидно.

– Не расстраивайтесь, в последнее время я не читаю не только вас, но и других писателей.

– Это немного утешает. Так, а что с вашим отоплением?

– Что-то с котлом... Но разве вы, писатель, в этом что-то понимаете?

– Совсем немного. Но достаточно, чтобы в моём доме отопление работало, – Виктор снова отвернулся.

– Думаю, этого достаточно. Не хотите мне помочь?

– Уверены, что вам не следует поискать настоящего профессионала?

– Ау-у-у! Профессионал! – наигранно громко прокричала девушка, а потом снова обратилась к Виктору: – Кажется, поблизости их нет. Придётся всё-таки прибегнуть к вашей неквалифицированной помощи.

– Хорошо, – ответил писатель, поднимаясь с земли и отряхивая с себя листву. – Но вы можете об этом пожалеть...

– Даже не сомневаюсь в этом. Пойдёмте!

Оба пошли по дорожке среди осеннего леса и довольно быстро скрылись за деревьями.

* * *

Виктор и Наталья вошли в пустой дом. Помещение, лишённое отделки и какой-либо мебели, показалось писателю безжизненным, а воздух внутри почти не отличался от уличного.

– И здесь вы живёте? – оглядываясь по сторонам, спросил он, как показалось Наталье, с лёгким пре-

небрежением.

– Да. Уже два дня, – ответила девушка и внимательно посмотрела на Виктора.

– Понятно...– задумчиво протянул он.

– Считаете, что это был плохой выбор?

– Нет... Почему же? Вовсе нет.

Дело не в этом...

– А в чём же?

– Просто, когда я вас вчера увидел, ваше лицо мне показалось очень знакомым. Словно воспоминание из детства... – писатель сделал несколько шагов вверх по лестнице на второй уровень и ещё раз оглядел помещение с этой высоты. – Я сейчас живу в доме родителей, недалеко отсюда. Он не такой просторный, но чем-то напоминает... Вот и решил, что было бы забавным, окажись мы старыми соседями.

– Да, это было бы интересным сюжетом. Встреча старых соседей... – согласилась девушка. – Но нет.

– Да, было бы... – задумчиво произнёс Виктор.

– Но ведь мы можем стать хорошими новыми соседями? – Наталья улыбнулась и вопросительно посмотрела на писателя.

– Думаю, что да, – кивнул он. – Так, а где ваш бойлер?

– Да вот! – девушка указала на массивный блестящий корпус, закреплённый на стене.

– Посмотрим... – Виктор нажал единственную плоскую кнопку, чуть утопленную в поверхность, и на передней панели зажёгся сенсорный дисплей.

Какое-то время аппарат пошумел, а потом издал пронзительный и протяжный писк и замолчал. На дисплее горела лишь загадочная надпись «E1».

– Вот так он всё время и делает, – грустно проговорила Наталья.

– Это же «Глобал Автоматикс», – констатировал факт писатель, изучая металлическую бирку на боку корпуса, – у них же 25 лет гарантии... Почему не пробовали звонить в поддержку?

– Связь тут очень плохая. А

Интернет тем более не тянет.

– И инструкция, конечно, не сохранилась... – пробормотал Виктор. – У меня похожая модель. «E1» – это код ошибки, говорящий о разгерметизации. Бойлер продувает все трубы и пытается понять, есть ли утечка, поэтому в инструкции было написано, чтобы при первом включении были закрыты все краны.

– У вас хорошая память. Но у меня и кранов-то пока нет...

– А гаечный ключ?

– Вроде был...

– Давайте. Попробуем всё пересоединить...

Наталья какое-то время копалась в картонных коробках, сваленных под лестницей и, наконец, достала оттуда блестящий гаечный ключ. Писатель взял инструмент и молча принялся за работу.

– Я вот всё думаю о том, что вы сказали, – вдруг проговорила девушка, наблюдая, как Виктор сосредоточенно откручивает гайки, – что видели меня в детстве. Это странно... Не находите?

– Ничего странного, – ответил он, не отвлекаясь от дела. – Воспоминания из детства мне приятны. Вы тоже показались мне приятной и симпатичной. Тёплые воспоминания и тёплое ощущение от милой девушки. Вероятно, это удачно совпало. Как неожиданное ощущение дежа-вю.

– Вы флиртуете?

– Нет. Подержите, пожалуйста, эту шайбу-прокладку.

– Просто вы так легко говорите о том, что чувствуете, – проговорила девушка, крутя в руках чёрный резиновый кругляш.

– Я же писатель. Это часть моей профессии: понимать и объяснять человеческие чувства, превращая их в слова.

– Вы, писатели, вечно всё придумываете... То, чего нет.

– Да, а вы, фотографы, просто снимаете то, что есть. Давайте, шайбу.

– Я называю это оцифровкой реальности, – сказала Наталья, передавая Виктору деталь. – Какой бы образ я ни снимала, он навсегда остаётся в моём компьютере.

– Интересная мысль. В таком случае мои тексты – это оцифрованная фантазия.

– Логично.

– И то и другое в, конечном итоге, просто последовательность нулей и единиц, – задумчиво проговорил писатель. – И это мы считаем достаточно важным, чтобы тратить на это свою жизнь.

– А вы пессимист...

– Нет. Был бы я пессимистом, то не считал бы, что сейчас ваш бойлер должен заработать, – сказал Виктор и шлёпнул по кнопке на передней панели.

Аппарат включился, выдав на сенсорном дисплее показатели температуры и кнопки для управления. Наталья наигранно зааплодировала. В трубах зашумела вода, наполняя систему отопления. Постепенно по дому начало растекаться тепло.

– А вы, оказывается, мастер не только слова, но и дела.

– В основном, конечно, мастер слова, – ответил писатель и, как ему показалось, немного покраснел.

Девушка нажала на кнопку электрочайника, и тот со всё нарастающим шумом начал торопливо нагревать воду.

– Теперь я просто обязана предложить вам чашечку кофе, – сказала она, высыпая содержимое пакетика в открученную крышку термоса. – Правда, это не совсем чашка... И не совсем кофе... Но

больше у меня ничего нет. Обещаю, что в следующий раз подготовлюсь лучше.

– Спасибо, – сказал Виктор, беря из рук Натальи импровизированную чашку и отпивая горячий напиток.

– Говённый, да? – настороженно спросила девушка.

– Самый вкусный говённый кофе, который я пил на этой неделе, и я... – писатель вдруг замолчал, задумчиво уставившись куда-то в пустоту.

– Что с вами? – чуть взволнованно спросила девушка. – Настолько плохо?

– Нет... Просто... Ещё одно странное ощущение.

– Снова дежа-вю?

– Нет, другое... Я вдруг ощутил, как всё сегодня было странно и необычно. Наша встреча. Этот пустой дом. Вы в этом осеннем шарфе. Всё выглядит каким-то нереалистичным...

– Ой, перестаньте! – рассмеялась девушка. – Просто вы явно давно не выходили из своего дома. И вообще одичали тут...

– Возможно, но... Вот вы сказали об оцифровке реальности... Что если не только наши фантазии и то, что мы видим вокруг, но и мы сами можем быть оцифрованы? Что если мы уже являемся чьей-то оцифрованной фантазией? Последовательностью нулей и единиц...

– Кажется, вам нужно смотреть поменьше фантастики на ночь, – заботливо проговорила Наталья. – Пожалуй, я провожу вас.

– Считаете, что я не вполне адекватен?

– Да. Переутомились от непривычной работы, – девушка внезапно взяла Виктора под руку и вывела из дома. – Срочно на свежий воздух!

Сумерки начали сгущаться над лесом. В лучах заходящего солнца, которое уже вот-вот готово было скрыться за горизонтом, золотые кроны казались вишнево-красными. Между деревьями уже растеклась налетевшая с реки ночная прохлада. Ещё немного и тёплый яркий день плавно перейдёт в холодную и сырую осеннюю ночь.

Виктор и Наталья неторопливо шли по лесу вдоль берега. Она держала его под руку, словно они знали друг друга уже очень давно, а не познакомились только сегодня.

– Я бы хотел вам признаться, – прервал затянувшуюся паузу писатель.

– Неужели в любви? – игриво спросила Наталья.

– Нет... Намного хуже.

– О, господи! Что может быть хуже?! Вы уверены, что готовы доверить такие серьёзные тайны малознакомой девушке?

– Почему бы нет?

– Вы рискованный человек!

– Вы всё равно никому не расскажете... И вам никто не поверит...

– Ну, говорите уже! – задёрнула девушка писателя за рукав. – Я же обожаю чужие секреты! Не томите, интриган!

Виктор сделал паузу, тяжело вздохнул, а потом проговорил:

– Дело в том, что последний десяток моих книг на самом деле написал не я.

– То есть? Как это? – удивилась девушка и вдруг рассмеялась. – У вас имеется персональный литературный негр, которого вы держите в подвале? Угадала? Вы опять всё сочиняете! Хотели меня разыграть?

– Всё нет, – грустно ответил

писатель. – Мой приятель, программист, поставил мне на компьютер самообучающуюся программу... Нейросеть. Она умеет читать тексты, которые ей даёшь, а потом она начинает сочинять сама. Получается очень складно и неплохо. Так я делаю уже последний год. И ни издатель, ни читатели даже не догадываются, что это написал не я. Сам же уже давно не пишу ни строчки...

– Это очень забавно, – неожиданно спокойно отреагировала девушка. – Выходит, теперь вы не просто талантливый писатель, но и талантливый мошенник!

– Находите это забавным?

– Довольно-таки... А ещё мне это напомнило историю, которую я читала на прошлой неделе. Точно таким же образом поступал художник импрессионист. Критики восхищались, как точно в своих работах он передаёт всю гамму человеческих чувств. А картины за него рисовал компьютер. Когда же обман раскрылся, то по иронии судьбы его картины только выросли в цене...

– Действительно забавно, – задумчиво проговорил писатель и посмотрел на девушку. – Думаете, мне стоит поступить так же?

– Кто знает? – она улыбнулась и пожала плечами. – В любом случае, я не вижу в этом ничего особо постыдного. Люди платят за цифровые копии, покупают подписку на тупые онлайн-сериалы. Почему бы им не читать книги, написанные нейросетью? И вы сами говорили, что всё это всего лишь последовательности нулей и единиц...

– Но разве в таком «творчестве» есть настоящая ценность?

– Настоящая? А разве в этом мире есть ещё что-то настоящее?!

– Вы... Я... Этот вечер...

– Неужели?! – девушка резко отдернула руку и сделала шаг в сторону. – А знаете, почему я перестала фотографировать людей?! Люди постоянно лгут! Когда пишут, когда говорят... Друг другу, самим себе, всем... Даже когда смотрят в мой объектив!

– Думаете, я обманываю вас в чём-то?

– Думаю, вы просто всё выдумываете... – уже спокойнее и с какой-то безысходной грустью в голосе сказала Наталья и отвернулась.

Она стояла в своём нелепом свитере с ёлочками и оленями, скачущими на бежевых и коричневых полосках, в намотанном на шею легкомысленном оранжевом шарфе и задумчиво смотрела на воду, в которой своими огненными красками горел закат. Почти тем же взглядом, каким вчера на ту же воду смотрел Виктор.

– Что ж, я не давал себе обещания не фотографировать людей... – проговорил писатель и, достав смартфон, вдруг сфотографировал Наталью в лучах заходящего солнца.

– Зачем вам это? – чуть нахмурившись, спросила девушка и тем не менее в последний момент повернулась к камере наиболее выгодным образом и чуть улыбнулась.

– Мы же, писатели, всё выдумываем... А так у меня будет доказательство вашего существования, – усмехнулся Виктор. – Привяжу в списке контактов к номеру телефона, который вы мне сейчас дадите.

– А вы нахал... Не хотите для начала хотя бы узнать моё имя?

– Это неважно, – ответил Виктор, продолжая копаться в телефоне. – Я уже записал вас как «Соседка». Других соседак у меня тут

всё равно нет. Давайте номер...

– Ну, записывайте.. Плюс восемь... Двести тридцать три... – начала диктовать Наталья, чуть наклонившись и заглядывая в экран. – А что если у вас тут появится ещё одна соседка?

– Не менее симпатичная? – не отводя взгляд от экрана без видимых эмоций спросил писатель.

– Ну, допустим.

– Я запишу её как «Соседка 2».

– Вот это обидно.

– Не расстраивайтесь. Как минимум для моей телефонной книжки вы навсегда останетесь номером 1.

– Какой же вы всё-таки мерзкий тип! – заметила девушка и, чуть прищурившись, посмотрела на писателя.

– Я непременно вспомню об этом и включу в счёт, когда в следующий раз буду оказывать свою неквалифицированную помощь, – улыбнулся Виктор.

– И весьма расчетливый мерзкий тип, – добавила Наталья.

– Вот моя визитка. Там так и написано, – писатель вдруг вытащил из кармана немного потрёпанную карточку и протянул собеседнице.

– Зачем вы их носите по лесу? – спросила она, забирая потёртую визитку из рук писателя.

– Случайно завалялась.

– А я думала, на случай встречи с симпатичными соседками.

– Хороший вариант. Учту на будущее. Там и номер, и имя...

– Я всё равно запишу вас как «Тот самый писатель», – улыбнулась Наталья и снова взяла Виктора под руку. – Кстати, насчёт вашей неквалифицированной помощи... В конце недели мне должны доставить мебель. Кому-то нужно будет её собрать.

– Предполагаю, что мне? – озвучил он девушке почти риторический вопрос.

– А вы проникательный человек... Писатели, и правда, видят людей насквозь. Не то, что мы, поверхностные фотографы, – чуть язвительно заметила она.

– Значит, мы с вами увидимся уже в конце недели?

– Нет... Вы что, и правда решили сегодня меня обидеть? – девушка вопросительно посмотрела на писателя. – Я вам настолько не понравилась?

– Напротив, – смутился Виктор, – понравились...

– Ну, так зачем же нам ждать до конца недели? Почему бы не увидеться прямо завтра? Встретимся прямо здесь... Можете сидеть на этой лавочке. Ну, или, как вы любите, зарыться в листву. Только не очень глубоко, чтобы я могла вас найти...

– Я, в общем-то, не против... – пробормотал писатель, явно не ожидавший такого решительного поворота.

– Ещё бы вы были против! Когда сами чуть ли не силком взяли выудили у меня мой номер телефона и всучили свою визитку!

– Значит, до завтра?

– Да, до завтра.

– А может, мы поцелуемся на

прощанье? – набравшись наглости, вдруг спросил Виктор.

– Вот вы нахал... Такие вещи нужно делать, а не говорить, – засмеялась девушка и внимательно посмотрела в его глаза. – И вообще... Сейчас ещё слишком рано. И уже слишком поздно. Поэтому мы просто пойдём по домам.

– Вы правы, – согласился с Натальей писатель, – до завтра...

Он уже хотел было развернуться и уйти, но она вдруг проговорила:

– Знаете, что пришло мне в голову... А может, мы, и правда, были с вами знакомы в детстве? Ваш дом был вон там, за тем поворотом справа в конце длинной кленовой аллеи. Вы приезжали почти на всё лето и целыми днями купались с папой в реке. А меня только на месяц оставляли здесь у бабушки. Я подолгу бегала по лесу, играла в какие-то прятки, воображала себе какие-то приключения, а потом, когда уже начинало темнеть, бежала домой, и бабушка готовила вкусный пирог с вишней...

– Возможно, – писатель пожал плечами и слегка улыбнулся.

– Мы ведь можем просто взять и выдумать эту историю? И она будет существовать. Ведь выдуманные истории ничем не хуже настоящих. Правда?..

* * *

Виктор проснулся, когда за окном вовсю светило солнце. Впервые за последний месяц писатель прекрасно выспался и теперь был совершенно бодр и даже весел. Он отдернул пыльную штору, открыл настежь окно и впустил в дом прохладный воздух осеннего леса. Откуда-то сверху на подоконник с еле заметным шорохом плавно опустился осенний

лист. Виктор улыбнулся и не стал его убирать.

Взгляд писателя вдруг упал на картонную коробку под столом, перетянутую скотчем. Он вспомнил, что было там. Поискав ножницы, но так и не найдя их, он отдрал скотч руками и извлёк из коробки старую пишущую машинку. Друзья как-то подарили её ему на какой-то праздник. Это был скорее

символический и шуточный, нежели практический подарок. Тем не менее сейчас писатель поставил древний агрегат на стол, вставил чистый лист бумаги, поправил перекрученную ленту и, задумчиво посмотрев в окно, начал печатать.

Поначалу он часто спотыкался, чертыхался, что с непривычки путает или недостаточно сильно пропечатывает буквы, но потом процесс всецело поглотил его. Стрекотание пишущей машинки, вылетая из открытого окна, казалось, словно дрожало в прозрачном и прохладном осеннем воздухе и далеко расходилось по лесу.

Наталья сидела на скамейке одна. Несколько раз она порывалась взять мобильный телефон и позвонить, но дисплей каждый раз останавливал её надписью «нет сети». Девушка прислушалась к звукам в лесной тишине и слегка улыбнулась. Откуда-то сзади раздался весёлый детский крик. Она обернулась и увидела прогуливающуюся чуть поодаль семью. Очевидно, горожане, решившие

в последние тёплые деньки осени выбраться на пикник.

Оставив родителей позади и вырвавшись на свободу, в осенней листве играла девочка лет десяти. Она весело хватала своими ручонками ворох жёлтых листьев, что есть силы подбрасывала их в воздух над своей головой и заливисто смеялась. Наталье было даже слегка удивительно, что современные дети ещё способны на подобное первозданное веселье. Не ожидая этого от самой себя, девушка вдруг взяла фотоаппарат и, взглянув на играющего ребёнка через видоискатель, сделала несколько снимков.

Впрочем, прыгать в листве девочке быстро надоело. Она стала что-то искать в карманах курточки и достала смартфон. Всё ещё глядя на это через свой фотоаппарат, Наталья вдруг погрузилась, но тут произошло нечто совершенно неожиданное. Девочка внезапно подняла с земли небольшую сосновую шишку, положила на пенёк и сфотографировала.

* * *

Виктор зачем-то машинально ещё раз проверил последний абзац текста, добавил пару пустых строк, напечатал дату и удовлетворённо закрыл крышку ноутбука. На этот раз получилось просто прекрасно: он, она, осень...

Определённо, так хорошо он не писал ещё никогда. Читатели будут в восторге. Эх, знали бы они... Писатель улыбнулся, а потом набросил на себя старую ветровку и вышел прогуляться по осеннему лесу.

Пётр СВИСТУНОВ

ХОЧЕШЬ УВИДЕТЬ РОССИЮ?

Хочешь увидеть Россию? Скорее садись в электричку,
Следи из окна, как сменяется город равниной лесов,
Как с ветки на ветку порхают дрозды и синички,
Как всё замирает в звучании их голосов.

Хочешь увидеть Россию? В поход отправляйся немедля,
В палатке ночуй на обочине сельских дорог,
Смотри вновь и вновь на полночное звёздное небо,
И почувствуй, что с неба в ответ улыбается Бог.

Хочешь увидеть Россию? Пройдись в незнакомом райцентре
По уютным дворам между старых кирпичных домов,
Где даже качели – и те трансцендентны,
Где счастье качаться задумчиво много часов.

Хочешь увидеть Россию? Езжай на Байкал автостопом,
Болтая с попутчиком каждым о том и о сём,
Или на лошадь садись и скачи по равнине галопом –
Важно, чтоб было что вспомнить потом.

Хочешь увидеть Россию? Она есть во всём понемногу:
В северной хвое, в желтеющей южной траве.
Хочешь увидеть Россию – скорей отправляйся в дорогу,
Но не оставайся годами в Москве.

Пётр Вячеславович СВИСТУНОВ, поэт. Родился в Москве в 1995 году. Окончил факультет психологии МГОУ. Участник семинаров прозы и поэзии Литературной студии Юрия Полякова в МГОУ. Член Московского областного отделения СМЛ СПР. Участник фестиваля Таврида-2019, финалист премии «Русские рифмы», участник Совещания молодых литераторов Подмосковья, финалист Всероссийского литературного фестиваля «Солнечный круг» им. Л.И. Ошанина.

Живет в городе Химки Московской области.

ПО ЗАКОНАМ МЕНДЕЛЯ

Пусть жизнь раздаёт нам пендели,
Пусть мир сотрясёт до основ...
Мы все по законам Менделя
Дети своих отцов.

Желая быть волей крепким
В эпоху крутых перемен,
Я верю – от славных предков
Мне нужный достался ген.

Я чувствую – силой цельной
В час трудный во мне восстаёт
И прадед, что пал под Ельней,
И дед, что творил луноход.

Мне в том сомневаться не надо –
В нелёгкие наши дни
Смогу я пройти преграды,
Как их проходили они.

Пусть жизнь раздаёт нам пендели,
Но если дойти до основ –
Мы все по законам Менделя
Дети своих отцов.

НЕВИДИМКА

Вереницы огней фонарей и домов
Пропадают вдали под гудение рельс.
Я невидим тебе между сказанных слов,
Как герой старой книги, чей автор – Уэллс.

Меня поезд уносит в полночную даль,
Я невидим тебе через синий экран.
Стук колёс навевает тоску и печаль.
Я опять где-то здесь, ты опять где-то там.

И пусть кажется, что в час любой Интернет
Нам позволит общаться, но мы далеко
Друг от друга. Я вновь беру в кассе билет,
А ты дома на ужин пьёшь чай с молоком.

Я невидим среди напечатанных фраз.
Они громко кричат, что давно я не здесь.
Снова сяду в вагон, только вот в этот раз
Я поеду к тебе под гудение рельс.

ВОЛШЕБНИК ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ

Восходит утро. Свод небесный ясен,
Влечёт к себе печальной синевой.
Волшебник не велик и не ужасен,
Волшебник возвращается домой.

О, как ему должно быть непривычно
На город свой смотреть не из окна! –
На мрамор, не зелёный, а обычный,
На псевдоизумруды из стекла.

На площади нескоро стихнет гомон –
Прощальные народа голоса...
Волшебнику все верят, только вот он
Уж сам давно не верит в чудеса.

Достигнув высоты полёта птицы,
Расплачется – простительно сейчас –
Волшебник не намерен возвратиться,
Волшебник направляется в Канзас.

И вскоре в придорожном поселенье
Откроет продуктовый магазин.
Покажется незначимым мгновеньем
В стране чудес таинственная жизнь.

Но как-то раз, в вечерний зимний холод,
С тоской в степную вглядываясь тьму,
Вдали увидит Изумрудный город,
Чьи башни нынче светят не ему.

Распахнуты широкие ворота,
Желты дороги старой кирпичи.
А город тих – как будто ждёт кого-то,
Как будто зазывающе молчит.

Так, может быть, ещё возможно чудо
Без фокусов, без фальши и без лжи?
Волшебник, ты в слезах ушёл оттуда,
Зачем же возвращаешься, скажи?

Застынет город, вечен и прекрасен,
В глазах, чей взгляд стал мёртвый и пустой.
Волшебник не велик и не ужасен.
Волшебник возвращается домой.

ВСЕГО ЛИШЬ РАССТАВАНИЕ

Я и не жду, что ты меня поймёшь –
Совсем к тому не делаешь движения.
Между тобой и мной всегда одно и то ж –
Любовь?
Да нет, всего лишь отношения.

Я не ищу взаимности – прости,
Устал один лишь прилагать старания.
Между тобой и мной отчётливо сквозит –
Доверие?
Да нет, непонимание.

Не сможем мы друг друга обмануть –
Различны наши цели и желания.
Для нас с тобой, увы, один остался путь –
Союз?
Да нет, навеки расставание.

КОГДА НЕ ПРИХОДЯТ МЫСЛИ...

Когда не приходят мысли,
А сердце твердит устало,
Что жизнь не имеет смысла,
Что времени очень мало
Отпущено нам природой,
И страшно терять бесцельно
Недели, месяцы, годы,
Слоняясь всегда без дела;
Когда запираешь двери,
И полна душа тревогой,
Товарищ мой, будь уверен,
Не только ты веришь в Бога –
Но Бог в тебя тоже верит.

Светлана КОСТИНА

* * *

Женщину бросили –
Слышали новости?
Женщину бросили!
Мудрую, тихую –
волосы с проседью.
Ту, что любила,
кормила обедами.
Женщину бросили,
женщину предали.
Ту, что рожала,
прощала, работала...
На молодую сменили
и модную,
на искромётную,
всюду заметную.
Сделайте что-нибудь!
Женщину предали!
Женщину предали
В пятницу вечером,
прямо за ужином
плюнули в вечное.
Прямо за ужином –
скатерти кружево,
блюдечко с трещинкой,
голос простуженный:
«Мы расстаёмся.
Давай по-хорошему.
Знай, ты не предана,
знай, ты не брошена...»

Светлана Борисовна КОСТИНА родилась в 1982 году в селе Майма Республики Алтай. Окончила Горно-Алтайский государственный университет по специальности «Филолог-преподаватель». Более 15 лет работает в средствах массовой информации. Член Союза журналистов России. Печата-лась в литературных журналах: «Алтай», «Пролог», «Пикет», «Начало века»; в коллективных сборниках. В 2010 году вышла её книга стихов и рассказов «Заветное». Работает в республиканской газете «Звезда Алтая».

Живёт в селе Майма.

Он улыбался
и сахар размешивал.
С будничной лёгкостью
предали женщину.
Предали преданность
в пятницу вечером,
ложечкой чайной
судьбу покалечили.
Женщину бросили –
мир не разрушился,
так же планета
вращается, кружится.
Люди расходятся,
люди влюбляются.
Предали женщину,
жизнь продолжается.

ПЕРЕД СНЕГОМ

Хочу, чтоб снег валил, валил, валил...
Чтобы собой закрыл всю грязь и слякоть.
Чтоб он, как белый кот, вошёл в наш мир,
Приумножая тишину и мягкость.
Пусть снег поставит суету на «стоп»,
Даст ощутить простую прелесть скуки.
Чтобы пойти во двор, упасть в сугроб,
Как в детстве, широко раскинуть руки.
Чтоб пили мы потом несладкий чай,
С лимоном и, наверное, с вареньем,
Чтоб свет горел, чтоб телефон молчал,
Чтоб сохли варежки на батарее.
Пусть снег засыплет путь в наш тихий дом,
Запеленает нас, обнимет крепко,
Пусть скажет он: «Оставлю вас вдвоём,
ведь вы вдвоём бываете так редко».
Снег – соль земли, крылатый белый бог,
Окутай, огради холодным пленом,
Спаси от обесснеженности злой,
От наготы ноябрьского тлена.
Так хорошо в окно на снег смотреть,
Как заполняет он собой окрестность,
Ах, если б мог он душу отбелить,
Вернув ей чистоту и легковесность...

ДИАГНОЗ

Стихи меня все душат,
все душу мне грызут.
Внутри меня все кружат,
наружу не идут.

Что с ними делать, доктор?
Ведь тошно мне от них?!
А доктор (он был добрый)
сказал: «Читай других».

Бери, сказал, нетленку.
Помогут – Пушкин, Фет,
а на ночь – Евтушенко,
у них побочки нет.

О, не была ты горькой,
лирическая смесь!
Я поняла, насколько
люблю свою болезнь.

Я, как в лесу, бродила
меж смыслов, ритмов, снов,
Стихи не шли, но сила
копилась для стихов.

И вот однажды снова
я к доктору пришла.
Свой сборник положила
ему на край стола.

Ах, доктор, это радость –
слагать слова и свет.
И врач в строке: «диагноз»
Мне написал: «поэт».

Николай ДЕНКЕВИЦ

* * *

Поэт! Неси свой крест в борьбе жестокой,
Пока душа твоя полна идей,
Но не играй словами, будь мудрей,
Твоя стезя во власти воли рока.

Для всех Господь явил тебя, пророка,
Как в зеркале поэзии твоей,
Судьба страны, страдания людей,
Лечи народ от скверны и порока.

Не думай о бессмертии, поэт,
Не многих власть с руки своей кормила,
А тех, кто ей не мил, она травила.

Перед Творцом держать тебе ответ,
И не печалься о своей судьбе,
Ведь жизнь поэта Бог отдал толпе.

* * *

Теряя себя, мы теряем все.
И.В. Гёте.

Порой ты не в ладу с душой своей,
Живешь покорно по чужой указке
И носишь на своем лице ты маску.
Твоя душа устала от людей.

Среди страстей и сладостных речей
Поверь в себя и не меняй окраски,
Ведь наша жизнь так далека от сказки,
С душой живи в ладу и будь мудрей.

Николай Эрнстович ДЕНКЕВИЦ родился в 1954 году в Куйбышеве. Окончил Куйбышевский политехнический институт. Инженер-электрик, экономист. Стихами увлекается с юности. Автор поэтического сборника «Душа». Публиковался во многих журналах и альманахах. Награжден медалью «Александр Пушкин – 220 лет».

Живет в городе Самара.

Но если ты устал от суеты,
Не бойся разорвать свои оковы,
Теря всех, себя находишь снова.

Когда сжигаешь за собой мосты,
Яснее видится твоя дорога.
Она одна тебе дана от Бога.

* * *

Свобода – это не то, что вам дали.

Это то, что у вас нельзя отнять.

Ф. Вольтер.

Поэт свободе посвящает оды,
И страстно воспеваешь бунтарей,
И называет их «гроза царей»,
Свобода и сегодня входит в моду.

Майданы не дадут тебе свободы,
Ты только пешка в шахматной игре,
Где власть невежд глаголет о добре:
В крови готова утопить народы.

Как госпожа, ведет себя судьба,
Прожитый день тобой чернее смолы,
И на устах застыла лишь мольба.

Не плачь, мой друг, не жалуйся на долю.
Ты вытрави из разума раба
И душу отпусти свою на волю.

* * *

Из зеркала смотрел ты без изъяна,
Как старое, добротное вино,
Когда про возраст знать вам не дано,
И обликом похож на капитана.

Тебе не надо напускать тумана
И в зеркале искать двойное дно,
И если умереть вдруг суждено,
Реальность зеркала – все без обмана.

Глаза людей и для тебя загадка:
Смотри в глаза, как в «зеркало души»,
Мгновение, им верить не спеш.

Ты в жизни роль свою играй украдкой.
Твое лишь сердце может все понять
И красоту, уродство распознать.

БОСЯК

Легковерных надежда зовет за собой,
Но тебя не спасет даже чудо.
И тебе жизнь казалась уж слишком простой,
Но разбилась, как бьется посуда.

Ни кола, ни двора за душой босяка,
И свободен по жизни, как птица.
Отсидел ты свой срок от звонка до звонка,
Словно вырвал из жизни страницу.

Разорвать ты не в силах свой замкнутый круг,
Вот как лодка, привязан к причалу,
А причину тебе осознать недосуг:
Плохой плод от плохого начала.

Никита НИКОЛАЕНКО

БОРЬБА ЗА АКЦИИ

Рассказ

Какие там акции, к чертовой бабушке! Звучит просто красиво – борьба за акции, потому и применил это название. Не за акции я тогда боролся, а за возможность вести прежний размеренный образ жизни, за спокойствие близких мне людей, за то, чтобы не оказаться ненароком на улице. Впрочем, без акций не обошлось. Итак, приступаю к повествованию.

Необходимость достать где-то крупную сумму денег возникла как всегда неожиданно. Беда всегда приходит нежданно-негаданно. Нет, заблаговременно я готовился к подобному развитию событий, и все же долгожданное известие прозвучало как гром среди ясного неба. Ваш брат желает продать свою долю в квартире – вежливо, но безапелляционно объявил специально нанятый для этого дела адвокат. Будете ее выкупать? Конечно! – последовал короткий ответ, и я прервал разговор. Надо подумать! Не нахамить ли ему, если еще раз позвонит? Хотя, что тут думать! Все «за» и «против» были взвешены заранее.

Требуемая сумма, почти полтора миллиона рублей, у меня имелась. Откуда? Отец оставил наследство. Старик много занимался акциями, к его делам подключился и я, и часть акций мы успели продать. Деньги я берег как зеницу ока, понимал, что пригодятся. Вернее сказать, что необходимая сумма почти имелась. Не хватало каких-то ста пятидесяти тысяч. Пустяк, словом! Так думал я тогда, но как быстро выяснилось, сто пятьдесят тысяч – совсем не пустяк, а очень даже приличная сумма! Конечно, все относительно!

Уместно еще заметить, что в наше время и в нашей стране лишь немногие писатели могли позволить себе излишества. Вот я, например, – не мог! А потому озадачился.

Закончив разговор – а дело было на улице, в парке, я приблизился к деревьям для подпитки энергии и, дотронувшись ладонями до шершавой коры, прикинул дальнейшие шаги. Итак, выбор у меня небольшой. С чего начать? Время! Время пошло!

Никита Альфредович НИКОЛАЕНКО, прозаик, переводчик с венгерского языка. Родился в 1960 году. Окончил МИСИ, кандидат технических наук. Работал руководителем керамического производства, научным сотрудником, директором охранного предприятия. С 2004 года на творческой работе. Публиковался в разных литературных изданиях.

Живет в Москве.

Быстро перебрал в уме возможные варианты. Занять? Не у кого! Преподавание венгерского языка? На это потребуется время, да и не факт, что ученики появятся. Переводы?хлопотно, да и деньги не те! Нет, все не то! Подобные варианты обогащения рисовались блеклыми тонами. Зато потенциальные траты – нотариусу, адвокатам и прочее, обозначались весьма отчетливо. Деньги! Нужны деньги, много и сразу! Продать акции? Акции, доставшиеся в наследство от старика? Да, пожалуй! Других вариантов не нашлось. Стоили они немалые деньги, и если быстро управиться, то как раз хватило бы залатать прорехи. Впритык, правда. Только вот управлюсь ли к сроку? Деньги понадобятся ох как скоро, ждать никто не собирается! А мороки с акциями предстоит много. Ох, слабо представлял я тогда, сколько сил потребуется для движения к цели! Однако делать нечего! Вздохнув и вспомнив старую русскую поговорку – глаза боятся, а руки делают, я приступил к делу.

Однако скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается. Пока еще суд да дело! Пока открыл наследное дело.... Полгода пролетело незаметно. Теплилась еще надежда – не одумается ли родственник? Да где там! Звонок адвоката напомнил о главном. Тут-то все и началось.

И первым делом потребовалось разобраться – а что же досталось мне в наследство? Разобраться оказалось непросто. Я, конечно, имел представление о предмете, поскольку активно помогал старику, пока он был жив. Но одно дело – иметь представление, и совсем другое дело – вникнуть во все тонкости и заниматься продажей самостоятельно.

Мне повезло в жизни. В том плане, что учился целых двенадцать лет! Техникум, институт, аспирантура. Вот полученные навыки и пригодились. Очень скоро я стал рассматривать свою деятельность как проект, который следует начать, продолжить и закончить. А это я умел хорошо делать. Даром что кандидат наук!

Сразу же выделились приоритеты. Три пакета акций позволяли набрать недостающую сумму, впритык, правда, только-только. Вывод последовал простой – на них и следует сосредоточить все усилия. Для пользы дела подобрал и подходящее сравнение, примерно следующее.

Когда корабль получает пробоину, важнее всего остановить поступление забортной воды, поставить, пусть временный, пластырь. Потом, переведя дух и собравшись, силами, без запарки можно провести и серьезные работы по устранению течи. Только вот время! Иногда даже казалось, что над ухом раздается противное и монотонное тиканье часов.

Хорошо, со стоимостью определился, но тут же следующий вопрос возник передо мной. А кому продать акции? Кто их купит? Не идти же на улицу и предлагать прохожим – купите акции по дешевке! Деньги срочно нужны! Да люди просто шарахаться будут, чего доброго и милицию вызовут! Мало ли коробейников бродит по московским улицам!

Однако, вперед! На ходу приходилось осваивать новые правила неизвестной доселе игры. Не хотелось играть в эти игры, не по мне они, но недаром говорится в народе – нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет.

Обзвонив десяток компаний, торгующих акциями на биржах, в

общих чертах я уяснил ситуацию. Она оказалась непростая. Прояснилось, что продать акции быстро будет трудно, мои проблемы со временем никого не волнуют. Найдутся покупатели – приводите, мы оформим, а нет – ждите у моря погоды, – примерно такой ответ озвучили все собеседники. Уяснив, что с чего-то начинать все равно придется, я выбрал контору недалеко от дома, на Тульской улице, и направился туда бодрыми шагами. Кстати вспомнилась и пословица – доброе начало полдела откачало! Подпитываю себя пословицами да прибаутками.

Но начало оказалось совсем не добрым. Контора произвела двойственное впечатление. С одной стороны – любезный персонал, девушки кланялись, чуть ли не в пояс, привычный офисный антураж – стекло и пластик, но все смотрелось солидно. А вот с другой стороны! Насторожило почти полное отсутствие посетителей. То есть, кроме меня, зашел еще какой-то крупный дядька и громко принялся рассказывать сказки о своей фирме с десятью миллионами месячного оборота. Слушать было забавно.

Ну, хорошо. Поговорив с любезным менеджером, я направился к регистратору. Как выяснилось, это основное лицо на сцене, где и мне предстояло сыграть свою роль. Регистратор задал вопросы, и, желая уточнить детали, я набрал номер конторы, которую недавно покинул. Тут-то и ждало разочарование! Они и понятия не имели о предмете! Я загрустил – такой антураж, а в итоге.... Если так бездарно буду терять время, то не успею к сроку!

Не давая себе расслабиться, продолжил поиски и нашел то, что

искал. Контора, куда обратился, выглядела попроще, зато ситуацией там владели полностью и на меня свои заботы не перекладывали. Там я познакомился с новыми людьми – ах, как интересно! И первым человеком оказался ходивший за мной по пятам по этажам высотки представитель фирмы. Как быстро выяснилось, он был действующим сотрудником милиции. Здоровенный детина, моложе меня лет на десять, смотрелся солидно. Разговорились. «Как служба идет?» – поинтересовался я, желая скоротать время. «Да увольняюсь скоро! – беспечно махнул он рукой. Жду место охранника неподалеку, как освободится, так и уволюсь. А жилье мне уже дали».

Мы сидели в приемной у нотариуса в хорошем здании в центре города. Место охранника! – и это говорил капитан милиции! Болеет общество, лечить пора, – мелькнула мимолетная мысль, но заикливаться на ней не стал, едва успевал за событиями. Доверенности, подписи, сверка документов. Ошибиться нельзя!

Вскоре бумаги были оформлены, и мы вернулись в контору уже за деньгами. Пока суд да дело, мне предложили подождать в приемной с двумя девушками секретаршами. Еще одно знакомство! Я скромно устроился на диванчике и принялся изучать глянцевого журнал с картинками. Тем временем одна из девушек говорила по телефону со своим парнем, нимало не смущаясь тем, что незнакомый мужчина сидел рядом. Поневоле вникал в разговор.

«Значит, сходим сначала на выставку, а потом поедem к тебе, и я останусь у тебя на ночь, – предлагала девица. – Согласен?» Тот, видимо, не возражал. Закончив

разговор, девица свысока, как показалось, посмотрела на свою подругу. Похоже, ту охватила тоска зеленая. Растерянным взглядом она обвела помещение, скользнув и по мне. «В аквапарк сходить, что ли?» – произнесла она, обращаясь в пустоту. Подруга ничего не ответила, лишь бросив на ходу, – я пошла, – упорхнула из комнаты. Помолчали. Какой журнальчик интересный! Та девушка, которая осталась, вышла из-за стойки, продефилировала по комнате и вернулась на рабочее место. Она была высокая и с такими длинными ногами, что я невольно сравнил ее с жирафом. Из-за ног, наверное.

«Я говорю, в аквапарк новый сходить, что ли?» – громко повторила она с таким отчаянием, что не отреагировать было невозможно. Будь что будет! «Наверное, билет туда рублей четыреста стоит?» – осторожно высказал предположение. «Ха-ха! – усмехнулась девица. – Самый дешевый билет – две с половиной тысячи!» – «Неужели!» После этой реплики разговор затих сам по себе. Я уткнулся в картинку, а девушка, по-видимому, решив, что день потерян, потянулась к служебному телефону. Вскоре пригласили и меня, за расчетом.

Деньги, сорок тысяч, отсчитал сам директор на удивление легко и быстро и предложил заходить еще, с акциями, разумеется. На том мы и расстались, довольные друг другом. Умеют работать, когда хотят, – похвалил я работников. Не то, что в той гадкой конторе, куда обратился поначалу! Но все хорошо, что хорошо заканчивается. Окрыленный успехом, я направился дальше. Девушка в приемной проводила равнодушным взглядом. Не беда – переживу! Только не расслабляться – рано! Снова

привычный круг – нотариус, регистраторы, оценщики. Бесконечная беготня утомляла. Одно радовало – погода стояла хорошая.

Как же повезло с погодой в ту весну! А может быть, ничего особенного и не было, просто дело шло, вот и радовался. И все же! Приближалось лето, и денечки стояли все больше солнечные да ясные. Жаль только, что наслаждаться погодой удавалось лишь в перерывах между забегами, зато положительные эмоции впитывал в себя полностью, без остатка.

По наивности считал, что стреляного воробья не удивить, но как выяснилось, ошибался. Директорство охранным предприятием осталось далеко позади, а за те годы, что занимался творчеством, многое изменилось в Москве, в стране, да и в мире тоже. Навязанные обществу победившим классом новые правила выделялись на привычном фоне. И дело не только в мчащихся по улицам кортежах из сверкающих иномарках. Обстановка стала другая. Передвигаясь перебежками по центру города, я открывал для себя новое на каждом шагу. Охранники в каждом здании, строительство, приезжие. Это раньше я часами бродил без дела. Теперь – только по делу, и то недолго.

В роскошных зданиях обновились новые организации, те самые Регистраторы акций. По неволе удивлялся. Значит, сами предприятия где-то на Севере, а регистраторы – вот они, на центральных улицах. Полубуйся со стороны, если акций нет. Войти не получится. А в это время где-то далеко, в забоях и шахтах работали люди, не озадачиваясь тем, что их судьбы вершатся в Москве. Кто-то скупает акции, кто-то их продает, а

за этим может последовать и смена профиля предприятия. Примеров масса. Керамический завод, на котором я работал когда-то начальником цеха, превратили в досуговый центр. На роликах теперь там катаются. Да ладно! В своей вотчине – хозяин барин! А персонал какой вышколенный! Как будто и другой жизни не знали. Ну, дела! Впрочем, удивляться мне было некогда – поспеть бы к сроку!

Для поднятия духа опять подобрал подходящее сравнение. Люблю эпитеты! Я представлял себя отважным альпинистом. Чтобы продвинуться на шаг вверх, необходимо вырубить ледовую ступеньку, за ней – другую. И работать приходится быстро. Надвигается буря! Непогодой сметет со скалы в одночасье, и никакая веревка не удержит. Вперед! Отдохну потом, заодно и оценку дам событиям.

Контора, в которой располагался основной по моим меркам Регистратор, поразила своей фешенебельностью. Отметил удачное расположение огромных залов, а людей в них раз-два и обчелся.... Все двери закрыты, мерцают красные и зеленые огоньки, везде код доступа. Незванный гость не пройдет. Не сразу, конечно, но и мои бумаги были готовы, и, в который раз пройдя через охрану, я направился к лифту по привычному уже маршруту. Со мной в лифт зашла высокая девушка в черной короткой юбке и с длинными ногами, очень похожая на мою знакомую любительницу аквапарка. Она тоже напомнила жирафа. Нарочно их подбирают, что ли!

«Хорошо, наверное, здесь работать?» – обратился я к девушке. «Хорошо!» – без затей подтвердила она. Везет же людям! Две лю-

безные женщины в отделе передали необходимые бумаги. «Хорошо, наверное, здесь работать?» – поинтересовался на этот раз у них. «Неплохо!» – согласились они. «За бумаги, конечно, спасибо, теперь продать бы их поскорее», – с надеждой я посмотрел на собеседниц. – «Продать? – нерешительно ответила одна из них. – Ну, если Вам срочно нужны деньги, мы можем посоветовать одну организацию. Потеряете в деньгах, правда». Тут же появился и листок с телефоном. «Только мы здесь ни при чем!» – напомнила одна из них. – Конечно! Кто бы сомневался! На такой ответ я и рассчитывал.

Тут же появился и телефон. «Сколько у Вас акций?» – спросили на другом конце провода. – «Четыре тысячи!» – «Бегу», – последовал ответ. Минут через двадцать в помещение ввалился тяжело дышавший крупный мужчина. Спешил, голубчик! – порадовался я про себя. Впрочем, я и сам был готов бежать ему навстречу. Тут же появились бланки, приступили к заполнению. У меня попросили паспорт. «На деньги хотелось бы посмотреть», – мягко напомнил я о главном. – «Ах, да!» Покупатель сразу отсчитал требуемую сумму пяти тысячами купюрами, мятыми и грязными, правда, и положил деньги на стол. На душе заметно полегчало. По идее, я должен был быть благодарен мужчине, но на деле испытывал неприязнь – бега-ет тут, суетится, скупает акции. К чему бы это?

Еще одно дело было сделано. Еще на шаг приблизился к цели. Теперь не хватало каких-то двадцати пяти тысяч, но еще теплилась надежда сыграть на курсе доллара, поскольку основные накопления хранились в валюте. На волне

энтузиазма решил попробовать оприходовать и оставшиеся акции и снова помчался за удачей. Рассчитывать только на курс доллара показалось рискованно.

Чего с избытком тогда хватало, так это впечатлений. Дело-то новое, потому и много новых открытий сделал для себя. Одна картина сменяла другую, беготни меньше не стало, а дело застопорилось. Двадцати пяти тысяч по-прежнему не хватало. Поиски продолжались.

В то, бог весть какое по счету, учреждение с блестящим интерьером и вежливым персоналом я отправился с утра пораньше. Лето в Москве набирало обороты, установилась жара, девушки в легких платьях гуляли по улицам. Мне же было не до прогулок. Дела! Место было знакомое, забирал отсюда запрос для нотариуса, теперь вот пришел с ответом. На входе встретился сам начальник охраны – степенный мужчина моих лет, кавказец, в строгом синем костюме.

«Вы по какому вопросу?» – обратился он ко мне. – «Да вот, бумажку недавно забирал», – последовал туманный ответ. – «Забирали, а теперь обратно привезли», – сообразил солидный мужчина. – «Ага!» – «Тогда проходите», – пригласил он и, нажав на кнопку автомата, любезно выдал листок с номером очереди. Поблагодарив, я направился в зал, на ходу высматривая место, где бы устроиться поудобнее. Людей в зале оказалось мало, но это ничего не значило. По опыту уже было известно, что двухчасовое ожидание гарантировано. Не испытывая особого волнения, поскольку благо разумно запасся свежей прессой, я выбрал место в углу так, чтобы держать в поле зрения весь зал, и, закинув ногу на ногу, углубился в изучение новостей. Как интересно!

В зале появился молодец из охранников и, покачиваясь на лакированных туфлях, принялся обозревать подведомственную территорию. Хоть какое-то развлечение! Вскоре он исчез, и его сменил другой молодец. Сколько же их? На большом экране мелькали соблазнительные цифры, означавшие котировки акций, время текло незаметно. Изучив прессу, я отложил газеты в сторону и осмотрелся вокруг – чем бы еще заняться? Посетителей оставалось всего-то пять человек! Одолевала дрема.

Желая подогнать время, я переместился поближе к стойке, и скоро от моей сонливости не осталось и следа. Внимание привлекли две женщины. Одна из них была старуха, а другой на вид лет сорок. В зале возникло оживление. Засуетилась охрана, зашевелился сонный до этого персонал за стойкой. Что за новшество? Не без интереса, я посмотрел на женщин. Одеты они были более чем скромно, а та, что помоложе, держала в руках две большие хозяйственные сумки и на пол их ставить, похоже, не собиралась. Так надежнее. Что за напасть? Может быть, эти ударники капиталистического труда решили показательно обслужить рядовых граждан? Верилось с трудом. Тогда что же? Интерес возрос, внимание усилилось.

«Сюда проходите, сюда!» – суетился между тем охранник, сопровождая женщин от одной стойки к другой. «Сюда?» – женщины послушно перемещались за ним. Что-то новенькое! «Посидите пока!» – предложил им охранник, пошептавшись с менеджером. Возникла пауза.

Старуха живо устроилась на стульчике рядом и уставилась на меня как баран на новые ворота. Минула минута-другая. Ничего

не поменялось. Я заерзал на стуле. От этого немигающего взгляда становилось не по себе, всему есть предел! Хоть бы на кого другого посмотрела, что ли! Какая гадкая и бесстыжая старуха! Скоро все-му нашлось объяснение. Женщин снова пригласили к стойке, и разговор с ними разносился по залу.

«Итак, как будете делить деньги – пополам?» – громко поинтересовался молодой человек в униформе. Женщины посмотрели друг на друга и закивали головами: «Пополам!» – «Значит, сорок шесть миллионов делим пополам, итого выходит по двадцать три миллиона каждой!» – попытожил менеджер, для блезира постучав пальцами по клавиатуре. Сорок шесть миллионов, по двадцать три миллиона каждой! Я замер на стуле. Тетка, стояла в двух шагах и сумок на пол так и не поставила. «Посидите пока!» – прозвучало предложение. Бабка снова плюхнулась рядом и снова уставилась немигающим взглядом. Но тут и я посмотрел на нее другими глазами. Передо мной сидела пожилая женщина в брюках, в блузке, высокая и худая.

А бабушка-то еще ничего, молодая, подтянутая такая! – сразу нашлись и положительные стороны в ее облике. Почему бы не погулять с ней в парке, под ручку, подышали бы свежим воздухом! А там и в Венгрию можно было бы съездить, в термальных ваннах оздоровиться. Лечебные воды так полезны! Заодно и финансовые вопросы решились бы! Тут поневоле я изобразил подобие улыбки. Воображение разыгралось. Давненько не доводилось плескаться в термальных ваннах, пить сладкую грушевую Палинку, гулять по улицам Будапешта! Ой! Стоп! – приказал я себе и, резко подняв-

шись, прошелся по залу, стараясь не смотреть на бабушку. Нельзя расслабляться, рано! Вернулся на привычное место в углу.

Еще через час подошла и моя очередь, и, отдав бумажку – дел-то оказалось на две минуты, я покинул образцовое капиталистическое учреждение. Женщины со своими миллионами ушли еще раньше. И бог с ними!

Время шло. Беготня продолжалась, но я уже уверенно продвигался в нужном мне направлении. Сколько контор пришлось обойти, сколько бумаг подготовить – не считать! Перемещался то на машине, то на метро, то пешком и того адвоката возил с собой, по надобности. Хождения принесли свои плоды – необходимые документы были подготовлены. Теперь меня ждало самое сложное дело – сделка по купле-продаже. Никак нельзя ошибиться! Сколько бомжей бродило вокруг, примеров достаточно. Недалеко от дома в овраге у них целое общежитие! Осталось еще поменять доллары, больше тянуть не имело смысла.

Доллары я берег до самого последнего момента, все надеялся выгадать на обмене, но нет, не удалось, не выгадал! Срок мне назначили конкретный. Вот если бы неделей раньше или неделей позже.... Если бы да кабы!

Когда я стоял у обменного пункта, сзади подошли два кавказца и молча встали рядом. Ну, началось! Вот и пригодятся мои боксерские навыки! Пистолета еще не достали? Мельком, я взглянул на крепких мужчин. Нет, ни ножа, ни пистолета не было видно. Мужчины спокойно стояли и ждали, когда я отойду от кассы. Опасения оказались напрасными. Пронесло на этот раз.

Как я ни считал все деньги тем вечером, ни перекладывал пачки с места на место, ничего не поменялось. Двадцати пяти тысяч по-прежнему не хватало. Хорошо иметь надежных друзей! Были у меня такие, Лена и Саша. Выслушав просьбу, Лена тут же привезла деньги. «Вернуть не забудь», – напомнила только. «Конечно!» – последовал наивный ответ. До сих пор возвращаю.

На следующий день, расставив деньги по карманам, я направился в банк закладывать их в ячейку. Банк находился в центре города. То еще оказалось приключение! Я даже не решился брать свою старую Волгу – припарковаться в центре Москвы большая проблема! Отправился на метро, и карманы легких белых брюк оттопыривались от рублевых пачек. Полтора миллиона – не шутка! Рисковал, конечно. Не подготовился, как следовало бы. Даже ножа не взял с собой, не в руках же его нести. В сумку можно было бы положить, так пока достанешь!

Я стоял в вагоне метро в легких брюках и рубашке с короткими рукавами и озирался по сторонам. Для бывалого человека с оружием – я легкая добыча. А сколько лихих людей с оружием бродили тогда по Москве? Достаточно, надо полагать. Но обошлось. До банка добрался без происшествий. Накачаные охранники, привычный любезный персонал, прохлада внутри отделанного зеленым мрамором помещения, машинка для счета денег. Пересчитали, заложили. Нотариус, адвокат, все по правилам. Очередное звено из длинной цепи пройдено! Сколько звеньев уже прошел, и сколько еще ждет впереди! Из банка я вышел налегке, потеря денег уже не гро-

зила. Я сам положил их в ячейку, добровольно оставил под надежной охраной. Солнце по-прежнему жарко светило над Москвой.

Потом продолжились хождения по инстанциям, и положительный исход дела становился очевиднее с каждым днем. Наконец все бумаги подготовили, и при их оформлении обогатился очередными впечатлениями.

И первое впечатление произвела девушка в коротком черном платье, обтягивающем ее стройную фигуру, с белыми до плеч волосами. Она часто выходила во двор покурить, где прогуливался и я, дожидаясь очереди. Пригласить ее, разве что, прогуляться, пока жена на даче? Вдвоем веселее! Но задумку пришлось оставить после того, как увидел, что девушка по какой-то надобности села в свою машину. Большой и блестящий Мерседес смотрелся солидно. Нет, не сядет она в мою старую Волгу, не сядет!

В помещении девушка доставала из сумки леденец на палочке и клала его в рот. К ней без слов подходила сопровождавшая ее мама и вынимала леденец изо рта. Так продолжалось несколько раз. Юрист занимался ее вопросами, девушка только подписывала документы. Хорошая машина, адвокат – есть кому о ней позаботиться!

Еще в памяти остались посетители. Они заходили в зал с бумагами и обращались к охраннику примерно с одним и тем же вопросом – у меня на руках постановление суда о доле в квартире, куда следует обратиться? Туда! – отвечал охранник, показывая на одно из окошек. Люди шли один за другим. Да, немного бы выгадал времени, не прояви я гибкости! – только и оставалось констатировать очевидный факт.

Но все хорошее когда-то заканчивается. Подошла очередь, и все бумаги оформили как надо. Покинув контору, я задержался во дворе и посмотрел на желтое солнце. Оно по-прежнему светило ярким светом, но на этот раз уже точно мне. Неужели все позади! Свободен! Я вздохнул полной грудью – теперь точно, свободен! По-человечески попрощался с адвокатом, которому раньше хотел нахамить. Хорошо, что сдержался! Дело сделано! Не знал тогда, что впереди ждали новые испытания, к которым, уместно заметить, я стал уже привыкать. Но тогда! Небольшую передышку я охотно использовал для привычного загара у старого московского пруда. Надо бы отдельный текст посвятить этой теме. Может быть, напишу еще. Дело сделано! Остался, правда, без копейки в кармане, но поначалу это казалось небольшой бедой. Как же я ошибался!

Минуло немного времени, и с кондачка я попробовал продать и оставшиеся акции, да не тут-то было! То, что удалось сделать с деньгами, при их отсутствии стало невозможно, и никакой энтузиазм не помог. И хотя основное наследство старика – квартиру – удалось сохранить, разобраться с оставшимися акциями мне оказалось не по силам.

Некоторое время спустя, уже на трезвую голову подвел итог своей бурной деятельности. Поставленную задачу удалось решить – жилье осталось за мной. Выселение на улицу уже не грозило. Оглядываясь назад, оцениваю пройденный путь. Нелегким он оказался! Набегался, навоевался.

У меня, здорового еще мужчины, едва хватило сил и терпения. Как же приходилось старику? Легко представить себе картину, как он, опираясь на палку, ковылял от одного учреждения к другому, часами просиживал в очередях, тратил деньги на каждом шагу, играл в навязанные ему игры. Игры! Правила пора менять – понятие этого решения крепло во мне день ото дня. Следует установить другие правила! Все эти многочисленные конторы, с которыми пришлось столкнуться, не смогут до бесконечности перекачивать воздух из пустого в порожнее. Не получится!

Жалею ли о том, что не все сумел сделать, не все акции оприходовал? Да, конечно! Обогатиться за счет системы не удалось. И то! Куда там честному труженику состязаться с ними! Как пел Володя Высоцкий, «...как школьнику драться с отборной шпаной...» Впрочем, еще не все потеряно.

С очередной напастью мне удалось справиться. Однако на смену ей пришла другая напасть. Теперь ждало полное безденежье, скудное питание, неустроенный быт, проблемы в семье. Но я упорно продвигался к цели, стараясь не сворачивать с выбранной дороги. Старые раны давали знать о себе, появлялись новые. Я стал вегетарианцем поневоле. Испытания лишь подтвердили то, о чем и сам догадывался раньше, – передышки не будет! Меня ждет непрерывная борьба, и о тех преградах, которые встречались на пути и которые удалось преодолеть, еще поведаю, бог даст. Но это будет уже другая история.

Виктор ШЕМЕТОВ

ЧЕТЫРЕ ВСАДНИКА АПОКАЛИПСИСА

«И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей,
и я услышал одно из четырех животных,
говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри».

Откровение Иоанна Богослова (6:1)

В январе 2019 года Яцек Мазур, 19-летний студент Технического Университета в Познани, купил в газетном киоске свежий выпуск журнала «The Economist». Не то чтобы Яцек регулярно читал этот влиятельный англоязычный журнал, совсем нет. Просто-напросто, ожидая после занятий приятеля, чтобы пойти с ним в недорогой бар поблизости от здания своей Alma Mater, он от нечего делать рассматривал развешанные на витрине киоска глянцево-обложки журналов и кричащие заголовки таблоидов. А «The Economist» привлек его внимание потому, что обложка номера была оформлена в стиле рисунков Леонардо да Винчи.

Яцек живо интересовался всем, что связано с гением Ренессанса, личность Леонардо с детства завораживала его. На обложке были изображены образы-шарады: человек с рисунка да Винчи, держащий в одной руке смартфон, а в другой лист марихуаны, аист с мешком, на котором стоит штрихкод, улыбающийся простачок с длинным носом, как у Буратино, китайская панда и индийский слон, Уолт Уитмен и Анджелина Джоли... Среди всех этих загадок Яцек Мазур поначалу даже не заметил еще один элемент – небольшую композицию из четырех фигур на конях. То были четыре всадника Апокалипсиса – Чума, Война, Голод и Смерть.

Виктор Шеметов (Дмитрий Шумилин) родился в 1968 году. Изучал юриспруденцию в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете, работал слесарем на Ленинградском металлическом заводе, менеджером, затем руководителем коммерческих структур. Занимался организацией концертов и творческих вечеров выдающихся деятелей российской культуры. Рассказ «Последний день Елены Николаевны» был опубликован в газете «Литературная Россия» и получил премию им. Демьяна Бедного.

Живет в Санкт-Петербурге.

ЧУМА

Яцек тихо вошел в комнату, где спали десять его товарищей, осторожно поставил к стене автомат, не раздеваясь, прямо в форме, так же тихо улёгся на коврик на полу. Он только что отстоял свои два часа часовым, сдал пост другому бойцу и пошел отдыхать. Их отделение дислоцировалось в маленьком селе недалеко от Угледара, на южном участке фронта. Здесь, на юге, было пока что относительно спокойно – украинские националисты сидели в бетонированных укрытиях, постреливали из автоматов и минометов, иногда применяли артиллерию. Яцек прибыл на фронт всего неделю назад. В Познани он выяснил всю информацию, как записаться добровольцем в ополчение ДНР, собрал небольшой мешок с необходимыми ему вещами и прилетел из Варшавы в Стамбул. У него была действительная российская виза, студентом он посещал Калининград и Петербург, так что он смог в Стамбуле купить билет на самолет до Москвы, а из Москвы в тот же день выехал автобусом на Донбасс.

В голову лезли мысли, и, не смотря на усталость, заснуть Яцек не мог. Он достал смартфон и открыл ее страницу в Фейсбуке. Он не делал этого уже давно, месяца три, и вот открыл. Все то же самое – фоточки себя любимой, Алисы Киндзмараули, в разных антуражах, всё те же безжизненные натюрморты и портреты, которые она рисовала, и анонсы акций тяготящихся собственной пустотой и бездельем молодых людей, считающих себя «эко-активистами». Единственное, что появилось но-

вого – репосты украинских фейков и желчные русофобские тексты.

«Как же все это началось? – подумал Яцек. – Как же началось плохое? Потому что хорошее всегда у всех одинаково – замирание сердца от одного только слова или взгляда, чувство, что ты как будто готов обнять весь мир, доверчивая радость бытия... А плохое – оно у каждого свое, особое. Да, точно, все начало открываться с тех ее слов: «Меня научили в семье, и я с этим согласна, что люди делятся на творческих успешных людей и скотов, тех, которые только работают тяжело, но ничего не имеют». Я тогда не придал этому большого значения, а зря».

Яцек познакомился с Алисой спустя месяц после того, как стоял у газетного киоска и разглядывал журнал. Группу учеников лицея, и в числе их была Киндзмараули, привели на ознакомительную экскурсию в Технический Университет. Яцека отрядили помогать проректору в организации экскурсии и сопровождении гостей. Ему понравилась стройная и черно-волосая юная грузинка. Зацепила не только ее внешность, но и, как ему в тот момент показалось, наивность, простота. А более всего – грусть, поддевающая душу мужчины, грусть в глазах и словах, грусть, которая как бы взывает: «помоги мне». Он смотрел на нее по-особому во время той экскурсии, и она чувствовала это. Улучив момент, когда девушка, случайно или сознательно, отстала от группы, Яцек подошел к ней, завязал разговор. Они обменялись телефонами...

Киндзмараули училась в лицее, но жила не в семье, а в приюте. Причина, по которой 18-летняя девушка оказалась в этом заведении, состояла в том, что отец ее по жалобе дочери в польский суд был лишен родительских прав за то, что избивал ее. За два года до этого Алиса приехала с отцом и братом в Польшу из Грузии в поисках «лучшей жизни». Мать скончалась еще в Грузии.

Яцек и Алиса стали встречаться. Очень быстро сделалось то, что происходит между молодыми людьми, поверившими в то, что они любят друг друга. Все было хорошо, и Яцек чувствовал себя счастливым первые три-четыре месяца их отношений. Жизнь его до момента знакомства с Алисой отнюдь не была безоблачной. Отец, простой рабочий завода по производству автобусов, умер от рака, когда мальчику было 12 лет. Мать, скромная и добрая, но сильная женщина, родом из поселка рыбаков в польском Поморье, работала санитаркой в больнице и всеми силами стремилась поставить на ноги своего единственного и любимого сына, дать ему не только возможность получить образование, но, что было гораздо важнее по ее мнению, привить ему духовные ценности. Из-за невозможности оплачивать огромные коммунальные счета после смерти отца семейства, мать с сыном переехали в «кавалерку», маленькую однокомнатную квартиру, с минимумом удобств. Яцек хорошо учился в школе и легко поступил в университет. Он был заботливым, любящим сыном, сердце матери радовалось и не придавало большого значения ежедневным материальным трудностям. Только в одном Яцек

не слушал матери. Она советовала ему полностью сконцентрироваться на учебе, а Яцек, получая стипендию, искал в то же время любую возможность подработать.

Он хотел жениться на Алисе и жить с ней. Она хотела уйти из приюта. Но где и на что жить? И Яцек предложил Алисе:

– Ради тебя я готов бросить учебу на некоторое время. Я устроюсь на завод, сниму отдельную квартиру, и мы будем жить там. А потом, когда ты окончишь лицей, ты сможешь устроиться на работу. Себя я всегда прокормлю сам, и когда ты встанешь на ноги, я восстановлюсь в университете.

– Вот это да! – с удивлением воскликнула Киндзмараули, и лицо ее мгновенно помрачнело. – Я, честно говоря, не ожидала от тебя такого предложения.

– Ты согласна?

– Нет. Ты знаешь, что у меня проблемы в приюте. Меня контролируют, не дают свободно выходить на улицу. А вчера пан Вукач, воспитатель, облил меня в столовой водой из стакана... Но я готова вытерпеть все ради своей цели – стать художницей. Хочу, чтобы меня уважали, не хочу, чтобы на меня смотрели как на бедную неудачницу-чужестранку.

– Но, Алиса, ведь ничто не мешает тебе рисовать, брать уроки живописи. Мне кажется, что талант живописца не связан напрямую с учебой в академиях Художеств.

– Ты ничего не понимаешь. Диплом – это статус, то, как воспринимают тебя и твои работы. Нет, твое предложение мне не подходит. Не надо мне таких жертв. Учись спокойно, и я буду учиться. После лицея я рассчитываю

поступить в художественный университет, здесь, в Познани.

После этого разговора Яцек стал чувствовать, что Алиса начала отдаляться от него. Их встречи в квартирах, которые он снимал на один день, чтобы провести с ней два-три часа, когда ей удавалось под каким-либо предлогом вырваться из приюта, становились все реже. Поначалу она придумывала отговорки, что ее не отпустили воспитатели, или ссылалась на проблемы со здоровьем. Потом и вовсе сказала, что у нее депрессия, и на этом фоне абсолютно пропало физическое желание. Все чаще и чаще проявлялись с ее стороны приступы завуалированной агрессии, когда она начинала цепляться к любым его словам, мрачно и нервозно высказывая, что он говорит не то и не так.

Пришла осень. Киндзмараули рассказала Яцеку, что она познакомилась в интернете с молодым продюсером из Петербурга, Михаилом. Михаил занимался организацией выставок и концертов и обладал, по ее мнению, большими возможностями и опытом в раскрутке молодых художников, поэтов и музыкантов. Яцеку было больно услышать от Алисы такие слова: «Ты не думай, у меня с ним ничего нет. Я, может быть, и хотела бы, чтобы было, но он интересуется мною только в деловом плане».

Как-то раз той осенью Алиса позвала Яцека на встречу художников и музыкантов, белорусских, украинских и грузинских эмигрантов в Познани. Встреча проходила в кафе, собралось человек двадцать. Смеялись, делились своими планами, обсуждали текущие события. Яцек откровенно скучал, люди эти казались ему пустыми снобами. Он видел, что Алиса раз-

говаривает с одним из художников, как со старым знакомым, и пару раз вышла с ним на улицу, чтобы поговорить наедине. То был лысоватый пан на вид 50 или больше лет, со смешными седеющими бакенбардами, низкого роста, с кривыми ногами. Среди всей компании он больше всех пил и балагурил.

– Кто этот пан с бакенбардами? – спросил он Алису, когда провожал ее после кафе до приюта.

– Это Марк Минимович, художник стрит-арта. Он знает меня с того времени, как я приехала в Познань. Относится ко мне хорошо, я знаю, что я ему нравлюсь.

– А он тебе как? – иронично, в шутку спросил Яцек. Он чувствовал горечь в душе от того, что Алиса отдалилась от него.

– Как ты можешь думать такое?! Пузатый, старый, всегда пьяный мужик с бородой и усами. Фу! Как вообще можно подумать о чем-то таком с ним?!

Пришла зима. В прессе появились первые сообщения о том, что в Китае обнаружилась новая заразная и очень опасная болезнь. Но жизнь в уютной Познани продолжалась своим чередом, люди деловито сновали по магазинам и занимались предрождественским шопингом.

Яцек тяготился неопределенностью в отношениях с Алисой. Однажды он прямо задал ей вопрос, нужны ли ей отношения с ним или ему лучше уйти? Она ответила, что сейчас у нее совершенно непонятная ситуация в жизни, она в растерянности, она не знает, смогут ли они вернуться к тому, что было в начале, но в то же время уверена, что хочет дружить с ним, Яцеком. Яцек успокоился, преисполнился надежд, что пройдет некоторое время и Алиса поймет

себя и его и они пойдут по жизни вместе.

Шли недели. Наступила весна. Но эта весна была не такой как прежде. Улицы опустели. На лицах редких прохожих читалась тревога. Город, как и весь мир, был поражен эпидемией ковида.

Надежды Яцека не оправдались. Киндзмараули перестала ему звонить и писать первой, а когда отвечала – грубила, высмеивала и унижала. Он не мог понять, чем он виноват перед ней и в чем причины такой перемены. Он начал задумываться и кое-что понимать. Чтобы проверить свои мысли, он написал ей длинное послание, доказывая, что она ведет себя неправильно, что ее жизненные ценности не верны, предлагая ей вместе подумать, как найти путь к гармонии и счастью. У него была надежда, что она хотя бы задумается, в чем-то будет возражать, в чем-то согласится. Но ответ Киндзмараули был лаконичен: «Между нами все кончено. Ты мне не нужен. И больше не звони и не пиши мне».

Яцек увидел, что его догадки были верны. Он не понимал ее с самого начала. Он не понимал причины ее постоянной депрессии, жалоб на окружающих и на жизнь, причины ее недовольства им. Раньше он думал, как думали и все ее друзья и знакомые, что Киндзмараули чувствует себя несчастной потому, что лишилась семьи, живет в приюте, в чужой стране, в опасениях, что ее вот-вот депор-

тируют на Родину. Но это было самое примитивное и по сути неверное объяснение. Киндзмараули выросла в богатой по меркам ее родной Грузии и неплохо обеспеченной по меркам Европы семье. В Грузии ее отец владел довольно крупным бизнесом по продаже компьютеров. Продав бизнес и подавшись в Европу, здесь он переквалифицировался, стал скупать гравюры, картины, литографии известных мастеров и выставлять их за деньги в арендованном помещении в Старом Городе Познани. Киндзмараули считали себя «избранными», людьми «элиты». Деньги на показ своего статуса окружающим не жалели. Но при этом, в целях «экономии», Алиса спала на матрасе прямо на полу, в комнатке «Арт-центра», служившего в то же время жилищем для нее, отца и брата. Киндзмараули считала себя несчастной потому, что ее текущее положение в приюте никак не соответствовало тому воображаемому «статусу», который, как она была уверена, должен принадлежать ей, поскольку и она – тоже «избранная». Она хотела иметь много приятных, красивых вещей. Но не только и не столько ради самих этих вещей, сколько ради признания со стороны «других», что вот и она, Алиса Киндзмараули, – уважаемый и достойный член общества с профессией художника. И что мог ей дать бедный Яцек, кроме своей любви и туманных планов на будущее?

ВОЙНА

Яцек проснулся от раскати-
стого «Подъем!» Моментально, еще наполовину во сне, вскочил на ноги. В центре комнаты стоял Илья, командир их отде-

ления, коренастый, широкоплечий и рыжебородый, бывший донецкий шахтер.

– Вот что, ребята, противник забросил к нам в тыл диверсионно-

разведывательную группу. Мы выдвигаемся в лес на помощь спецназу. Минута на сборы – и за мной, – весело пробасил он.

И через две минуты их армейский броневладелец с одиннадцатью автоматчиками и одним гранатометчиком внутри выехал из села по направлению к близлежащей «зеленке». Они спешили к окраине леса и вошли в него рассыпью, держа дистанцию, но не удаляясь далеко друг от друга. Когда прошли метров триста в направлении заданного квадрата, Илью вызвали по рации. Переговорив, он дал команду своим бойцам собраться вместе.

– Ну что, ребята, дело кончили без нашей помощи. Идем посмотрим, что там, – сказал он.

Они шли еще метров шестьсот и наконец вышли на полянку. Здесь были наши. Командир спецназа сообщил Илье:

– Мы их с ночи засекли и гнали в этот угол со всех сторон. Тут окружили и уничтожили. У нас один 200-й, трое 300-х. У них двое сдались в плен, остальных пришлось отправить к Бандере. Один из пленных – наемник, то ли из Польши, то ли из Беларуси, по его документам не ясно.

– А, слушай, так у нас в отделении поляк. Может поговорить с тем.

– Да ну, неужто? Давай его сюда, очень кстати он у вас оказался.

Яцеку показали мужчину лет тридцати, сидевшего на земле связанными руками, с выражением страха и растерянности в лице.

– Ты поляк? – спросил его Яцек по-польски.

– Я не поляк. Я жил в Польше, имею польское гражданство.

– Откуда ты родом?

– Из Гродно, с Беларуси. Когда все это началось, в Польше стали зазывать добровольцев ехать воевать на Украину. Мне политика – до лампочки. Меня сагитировал один мой земляк, тоже из Гродно. Расписал про хорошие деньги и всякие плюшки, ну я и записался в батальон имени Калиновского.

– Как зовут твоего земляка?

– Марк Минимович.

– А почему он сам не поехал на Украину?

– А на кой черт это ему? У него деньги есть, он там, в Польше, типа художник. Недавно женился. Ему сейчас не до войны, – осклабился пленный.

Яцек отошел от наемника и передал командирам полученную от него информацию. Отделение направилось обратно на базу. Яцек шел по лесу, погрузившись в воспоминания.

После того как Алиса перестала общаться с ним, он сильно переживал, не находил себе места. Когда было совсем невмоготу, писал ей письма на электронную почту, длинные послания, проникнутые болью, тоской, желанием понять. И вот однажды вечером раздался звонок:

– Это Яцек Мазур?

– Да. А вы кто?

– Я – Марк Минимович. Я шляхтич герба... и мое звание... – из-за помех со связью Яцек не слышал ни герба, ни военного звания собеседника, но ему вдруг стало смешно. Он припомнил встречу эмигрантов в кафе и пьяного художника стрит-арта с нелепыми сидящими бакенбардами.

– Так, и что вы хотите, пан Минимович?

– Прекрати писать Алисе Киндзмараули! Она жалуется мне на тебя. Ты ее расстраиваешь, – язык

Минимовича заплетался, и Яцек понял, что «художник» был сильно пьян. В этот момент он расслышал на заднем фоне слова Алисы: «Марк, включи громкую связь». Яцеку стало тошно.

– Хорошо, я не буду больше ей писать. Но не потому, что испугался тебя, пан Минимович.

– Если не прекратишь ей писать, я тебя у...бу – тонким пьяным голосом провизжал Минимович.

После разговора Яцеку захотелось посмотреть на работы Минимовича. Он нашел его страницу в Фейсбуке. Яцек не был искусен в живописи. Он был простым человеком, одним из тех, кто ходит по улицам города и видит на стенах домов дело рук художников стрит-арта. Работы Минимовича показались ему неинтересными и пустыми – стилизованные воеводские эмблемы и различные вариации на тему государственного официоза.

Яцек решил поговорить с Алисой в последний раз. Она все еще жила в приюте. Он не знал, что Минимович спешно подыскивает съемную квартиру для нее. Киндзмараули не хотела переезжать к Минимовичу сразу, она решила, что ей нужно время для того, чтобы приручить Минимовича, но главное, приручить саму себя к жизни с физически отталкивающим стариком.

Яцек ждал ее в скверике у здания приюта. Ждал долго, несколько часов. Наконец она появилась из-за угла. Он быстро подошел к ней.

– Что тебе надо? Я же сказала, между нами все кончено. Будешь преследовать меня – пожалуюсь в полицию, – с раздражением произнесла она.

– Я не собираюсь преследовать тебя, Алиса. Пришел в последний

раз посмотреть на тебя и поговорить. Я просто хочу понять, почему все это так. Ради чего ты с этим нелепым стариком Минимовичем?

– Это не твое дело. У нас с тобой нет и не может быть ничего общего. Ты гораздо ниже меня, ты не художник, ты не такой утонченный, как я. Ты не талантлив. И у тебя ничего нет. У тебя нет социального статуса, у тебя нет денег, у тебя вообще ничего нет.

– У меня есть душа...

– Хахахаха... Х..й да душа. Насмешил. Ты знаешь, мне твоя душа не интересна. От...сь от меня.

Она резко рванулась к калитке забора, окружавшего уют и скрылась за ней.

Прошло полтора года. Яцек старался забыть Киндзмараули как тягостный, мучительный сон. И это удавалось ему. Но его тревожила одна мысль. За внешне простой и пошлой историей – юная девушка становится содержанкой пожилого обеспеченного мужчины, Яцек чувствовал что-то большее. Одними материальными причинами объяснить ее поведение и поступки он не мог. Тут было что-то еще, что-то такое, что он очень хотел понять.

Затем... Затем война разразилась. Как и многие люди в то время, Яцек не отрывался от смартфона, с утра до вечера пропуская через себя потоки информации. Он мало интересовался политикой до этого и поначалу был склонен к тому, чтобы осудить Россию и поддержать режим пана Зеленского. Но Яцек обладал острым критическим умом ученого-исследователя. Он привык сравнивать различные источники, проверять и перепроверять информацию. Поэтому он стал читать русские сайты и телеграмм-кана-

лы. И постепенно, день за днем к нему приходило понимание того, что на Украине работает государственная военная машина по производству фейков, что западные медиа создают у обывателя искаженную картину происходящего в этой стране. Яцек стал изучать предысторию конфликта, и его потрясло, что Европа и мир в течение восьми лет равнодушно взирали на то, что украинские националисты методично обстреливали мирные города и села, убивали детей, женщин, стариков...А затем... Затем пришла Буча. Яцек узнал все, что мог, по поводу Бучи и понял, что наследники Бандеры устроили чудовищную постановку. Но самое удивительное для него было то, как быстро и без всяких сомнений великое множество людей поверило в эту ложь. Он понимал, что провокация была сделана для того, чтобы народы Европы и мира не возражали против войны, не задавали вопросы и не сопротивлялись поставкам смертоносного оружия современным нацистам. Стена отчуждения выросла между Яцеком и его соотечественниками. Он перестал общаться со многими своими друзьями, окунувшимися в милитаристский и русофобский психоз. Ему было тошно ходить по улицам родной Познани и наблюдать беженцев из Украины, распевających: «Батько наш – Бандера, Украина – мать».

Он посмотрел страницы Минимовича и Киндзмараули в соцсетях. Оба заходились в экстазе безудержной, льющей через край ненависти и соревновались друг с другом в расизме и расчеловечивании русских.

Но настоящий шок Яцек испытал чуть позже. Сначала он увидел видео, снятое каким-то украин-

ским нацистом на смартфон. Раненые русские солдаты, захваченные в плен в результате внезапного нападения, лежали на земле с перевязанными скотчем руками. Нацисты спрашивали у них звание. Если был рядовой солдат – стреляли в коленную чашечку. Если офицер – стреляли в голову. А потом он увидел еще одно страшное видео. Наемники из Грузии и бандеровцы убивали раненых русских на лесной дороге. С садистской улыбкой они перерезали им сонную артерию, оставляли истекать кровью и, весело переговариваясь между собой, позировали на камеру...

Яцек ломал себе голову, откуда пришло это зверское варварство? Как оно стало возможным в наше время? Ведь наверняка многие из этих нелюдей жили в «эльфийской», гуманной Европе, где зазорно кого-нибудь ущемить даже неполиткорректным словом. Они улыбались «европейцам», и «европейцы» улыбались им, считая их своими. А те, кто никогда не был в «Европе», – и эти считали себя «европейцами» и страстно стремились к тому, чтобы их страна в эту самую «Европу» вошла.

«Видимо, есть что-то такое в человеке, что лежит в глубине, что-то, что использует слова политиков и мифотворцев-идеологов лишь как антураж», – думал Яцек. И он понял. Он определил это для себя как «утробный нацизм». Нацизм в обществе начинается с утробного нацизма в человеке. А утробный нацизм зарождается в человеке тогда, когда он начинает считать себя по какому-либо признаку выше других людей, начинает делить людей на «первый», «второй» и «третий» сорт. Все люди на Земле – братья и сестры. Но ничего нет более враждебного

утробному нацисту, чем эта истина. Если нет основания причислить себя к «первому сорту» людей, он будет искать это основание, пока не найдет его. Он может найти это основание в своей национальности, расе или религии, а может найти его в том, что он успешный рыночный делец, которого окружают бедные «лузеры», или же может найти его в том, что он человек «творческой элиты», возвышающийся над «быдлом», да мало ли в чем может найти... Утробный нацист хочет жить «хорошо», с комфортом, но, задумывается он об этом или нет, бессознательно полагает, что этот комфорт обязаны доставить ему те, кто, по его мнению, «ниже» — «нецивилизованные», «рабы».

И еще Яцек понял, что Киндзмараули и Минимович — самые настоящие утробные нацисты. Вряд ли бы они стали перерезать горло раненым, но они одной крови с теми, кто творит подобные преступления. В переносном смысле такие, как они, перережут горло любому. Ибо себя считают «элитой», а других, людей из «неблизнего» своего круга, — «быдлом». «Неблизние» для них — всего лишь средство, материал для использования в целях корысти.

Яцек не мог больше оставаться в Польше, в «Европе». Он отправился на войну. На войну не против Украины и ее народа, в каком-то смысле наоборот, за них. Яцек отправился на войну за духовную Правду.

ГОЛОД

Был жаркий летний день. Яцек, с автоматом за плечом, подошел к уличной водопроводной колонке, сняв каску, напился прохладной чистой воды, омыл ею лицо и шею. Он отошел от колонки метров на сто, как уловил протяжный свист. В долю секунды Яцек осознал, что означает этот свист, — летит гаубичный снаряд, националисты начали обстрел села. Он бросился на землю и прикрыл голову руками. Ощутил, как на тело падает какой-то мусор. Ничего. Цел... Яцек поднялся и огляделся вокруг. Снаряд попал точь-в-точь в колонку, откуда он минуту назад пил воду. Яцек не испытал ни особой радости, ни страха. Все это стало уже привычным для него и в какой-то степени будничным. Но именно здесь, на войне, когда каждый его день и каждая ночь могли стать

последними — он впервые в жизни чувствовал что по-настоящему живет, а не просто существует. И дело было вовсе не в том, что он живой, несмотря на идущую за ним по пятам смерть. Задумываясь о том, как он жил там, в «Европе», Яцек чувствовал, что то была некая симуляция жизни, жизнь, во все поры которой забились ложь, суррогатная, пластилиновая жизнь. Ведь и он тоже невольно поддавался «там» потоку фальшивых слов и уступал тем ложным ценностям, на которых согласился жить довольный собой и своим комфортом человек.

Яцек неторопливо пошел на «базу», в покинутый сельчанами дом, где квартировалось их отделение. На крыльце блаженно растянулась белая, с черно-золотистыми пятнами кошка из

соседнего дома, также покинутого. Бойцы назвали ее Надежда, кормили и холили. Яцек погладил мурлукающую Надежду, затем достал смартфон, чтобы узнать, что происходит в мире. Вот новость о том, что в Киеве местные «художники» с одобрения властей нарисовали на стене дома огромный мурал «Святая Джавелина» – Богородицу с противотанковым оружием «Джавелином» в руках. «И ведь самое страшное даже не в кощунстве. Самое страшное, что эти люди не осознают, что веришь ты или не веришь, но делать такое – это значит, публично заявлять всему миру: «Я отрекаюсь от добра, истины, красоты, я отрекаюсь от человеческого», – подумал Яцек.

А вот целый поток новостей о неминуемом голоде в бедных странах, о дефиците и взлетевших ценах на продовольствие в Европе и Америке. Яцек оторвался от экрана и задумался. Ему пришла мысль, что миллионы будут скоро испытывать физический голод, но гораздо большее количество людей испытывает голод духовный. Солнце Европы закатилось, и вместо него светят европейцам, некогда окрыляемым фаустовским духом, огни неоновых реклам. Человеку нужны вещи и много вещей для жизни, но когда жизнь сводится в одну лишь плоскость соревнования за обладание вещами и стяжания производного от этого обладания респекта со стороны «других» – в душе образуется вакуум. И в эту пустоту устремляются демоны. Духовно голодный и жалкий человек кормит демонов, которые предлагают ему богатейший, как

сорта колбасы в европейском супермаркете, ассортимент всевозможных иллюзий и фальшивых ценностей.

Искусство? Культура? Искусство Европы пришло от Мадонны Рафаэля к «Святой Джавелине». Минимовичи и киндзмараули, называющие себя художниками – им отведена роль демонов, продающих обывателю иллюзию приобщения к красоте. «Сделайте мне красиво», – взывает к ним духовно голодный потребитель. И они продают ему «красивое» или «непонятное, но должно быть в этом есть что-то глубокое». Но вся их продукция никакого отношения к подлинной красоте и глубине не имеет. Чтобы создать стоящее произведение искусства необходимо вложить в него из своей души стоящие чувство и мысль. Но что могут слепить из шлака своих плоских переживаний и куцых мыслей художники-обыватели? Яцеку стало жалко своих знакомых, молодых ребят, учившихся в Художественном университете Познани. «На что они собираются потратить свою жизнь?» – подумал он. – Ведь все их реальные творческие задатки и способности неизбежно будут раскатаны этой системой, как тяжелый каток раскатывает асфальтовые насыпи на дороге, и выйдет из них в итоге тот же Минимович и та же Киндзмараули. Они не сделали первое и главное, что им необходимо было сделать, не отвоевали в самих себе пространство возрожденного духа, а только оно способно в наше время породить подлинного творца».

СМЕРТЬ

Минимович и Киндзмараули сидели в кафе в познанском гипермаркете «Стары Бровар». Оба были радостны и счастливы. Помимо паломничества в храм потребления, что само по себе всегда поднимало настроение паре, поводом для радужных чувств служило также и то, что на днях Киндзмараули удалось продать серию своих натюрмортов, а Минимович на волне украинских событий получил от городских властей хорошо оплачиваемый заказ создать несколько муралов на тему единства Польши и Украины.

– А, смотри-ка, в украинских пабликах пишут, что русских бьют. Значит, все не так плохо. Нет, нет, не должно быть никаких сомнений – мы разобьем этих орков! А когда мы войдем на их территорию – Россия начнет сыпаться, – ухмыляясь, проговорил Минимович.

– Да, дорогой, ты прав, – пере-

жеывая кусок шоколадного торта сказала Киндзмараули. – А что за подарок ты готовишь мне к годовщине нашей свадьбы, скажи наконец-таки? Я, честно говоря, просто уже не могу терпеть.

– Я подарю тебе кольцо с драгоценными камнями. Нам с тобой нужно часто посещать светские мероприятия и встречи творческих людей, и я хочу, чтобы на них ты выглядела респектабельно.

– Ах, Маркуша, милый, я так люблю тебя! – воскликнула жена Минимовича и поцеловала его в щеку, осторожно, чтобы не уколоться о бакенбарды. В своем сознании она действительно смогла «полюбить» этого пожилого, глуповатого и часто выпивающего мужчину, не отдавая себе отчета, что любит не человека, а комфорт, стабильность и документ о польском гражданстве, которые она через него для себя раздобыла.

* * *

Воинскую часть Яцека перебросили на другой участок фронта, где развивалось наступление русских и донецких войск. Бои шли за маленький городок у реки. Украинские нацисты, как делали они это всегда во время конфликта, не позволили эвакуироваться части местных жителей, держа их как заложников, прикрываясь ими как «живым щитом». И на этот раз они обстреливали из минометов и гранатометов кварталы, занятые нашими, не считаясь с возможными жертвами среди мирных людей.

Утром того дня на исходе лета Яцек со своими товарищами под прикрытием танка и трех БМП с

боем медленно продвигались к зданию автовокзала на западе города. Во время перестрелки с противником бойцы слышали детский плач со стороны кирпичной пятиэтажки. Сердце Яцека дрогнуло, и он обратился к Илье: «Товарищ командир, разрешите мне забрать ребенка». Илья, оторвавшись от прицела автомата и посмотрев на него, произнес: «Давай. Мы тебя прикроем». Все русские БМП, танк и солдаты открыли бешеный огонь. Яцек, короткими перебежками, время от времени припадая к земле, чтобы укрыться в воронках от снарядов и мин, преодолел расстояние до дома. У первого подъезда на асфальте у трупa матери

сидела трехлетняя светловолосая девочка. Она плакала навзрыд, растирая кулачками слезы и повторяя: «Мама, мама...» По всей видимости, какой-то бандеровец убил ее мать выстрелом в спину, когда она с дочкой попыталась бежать в более безопасное место. Яцек тихо и спокойно сказал: «Не плачь, пойдем, здесь опасно» и взял ребенка на руки. Девочка, перестав плакать, крепко вцепилась своими маленькими ручонками в его пропитанное потом обмундирование. Он передал по рации командиру, что выходит с ребенком, чтобы его прикрыли огнем. Так же, короткими перебежками, но теперь закрывая девочку своим телом, чтобы не попала случайная пуля, Яцек направился обратно. Наконец, он добрался до наших и передал ребенка товарищам. На мгновение Яцек расслабился и забыл о бое, стоя в полный рост и отирая пот со лба. Вдруг он почувствовал, как что-то вонзилось в его тело, в грудь, но боли еще не было. И затем она пришла, дикая и страшная. Глаза заволокло туманом, и он потерял сознание...

– А вот еще что хотела сказать, доктор разрешил тебе читать, и я принесла журнал из твоих вещей.

Ну, давай, не скучай, поправляйся. Мое дежурство будет через двое суток. Пока, – Света, молоденькая медсестра полевого госпиталя, положила на тумбочку рядом с кроватью журнал, мило улыбнулась и вышла.

Яцеку нравилась эта добрая и красивая девушка, ухаживавшая за ним с того момента, как его, раненого, привезли сюда. Между ними начинали завязываться отношения. Ранение Яцека было средней тяжести – пуля задела легкое, но все обошлось благополучно, и он пошел на поправку.

Яцек взял в руки журнал. Это был тот самый номер «The Economist». Смотря на четырех всадников Апокалипсиса на обложке, он думал: «Смерть... Ведь это не про простую физическую смерть. Это про духовную смерть. Да, эти люди – Минимович, Киндзмараули и миллионы им подобных – они духовно мертвы».

Он встал с кровати, несмотря на то, что врачи пока не разрешали ему ходить, подошел к окну и открыл его. Стояло теплое «бабье лето», и еще зеленела листва. Яцек с наслаждением глубоко вдохнул свежий воздух. Яцек был живой.

Людмила БРАГИНА

РОДНОЙ ОБЫЧАЙ СТАРИНЫ

Рассказ

Лида с облегчением сбросила тяжелый ранец на тумбочку в прихожей, на ходу, уперевшись носком в пятку, сняла туфельки, в ванной на всю открыла воду и, не замечая её колючего холода, сполоснула руки и заскочила на кухню.

– Бабуль, давай быстренько пообедаем, а то скоро сказка начнется!

– Залетела, как вихрь, сказка... тапочки надень!

Быстренько обувшись и вернувшись за стол, Лида склонилась над тарелкой, как гонщик. Она ещё хлебала суп, а мысленно уже включала Первую программу на их чёрно-белом «Рекорде», стоявшем на высоких ножках за стенкой в комнате.

По-стахановски управившись с обедом, чмокнула бабушку в щёку, крикнула «спасибо» и уже через минуту устраивалась поудобнее в любимом уголке дивана напротив экрана телевизора.

С первых нот звучащей серебрястыми капельками мелодии у Лиды сладко замерло сердце:

Если вы не так уж боитесь Кошечья

Или Бармалея и Бабу Ягу,

Приходите в гости к нам поскорее,

Там, где зеленый дуб на берегу.

На заставке сиял и переливался волшебный цветок, и Лиде казалось, он цветёт и распускается под чарующую музыку у неё внутри, заполняя теплом и радостью.

Вот на экране появилась любимая ведущая Валентина Леонтьева, которую вся детвора Советского Союза называет тётя Валя. Лицо у неё доброе, голос такой мягкой и ласковый, и Лида уверена, что она обращается именно к ней и её семье: «Здравствуйте, дорогие ребята и уважаемые товарищи взрослые».

Лида просто обожала «В гостях у сказки». Благодаря этой

Людмила Петровна БРАГИНА родилась в 1967 году в Белгороде. Окончила филологический факультет Белгородского государственного университета. Руководитель молодежной литературной студии «Младость». Автор четырёх поэтических книг, сборника песен, многочисленных коллективных сборников. Редактор литературного журнала «Дрон». Лауреат премии «Молодость Белгородчины» в области литературы, лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле». Член Союза журналистов и писателей России.

Живет в Белгороде.

передаче, она посмотрела и полюбила навсегда столько поразивших её воображение и покоривших её сердце фильмов – «Конёк-горбунок», «Садко», «Каменный цветок», «Варвара-краса длинная коса», «Королевство кривых зеркал». Поэтому с особым трепетом ожидала, что же покажут сегодня.

Тётя Валя начала с рассказа об Александре Сергеевиче Пушкине и его няне и вдохновительнице Арине Родионовне. Бесчисленное количество народных песен, поговорок и пословиц, «преданий старины глубокой», которые она сказывала и пела великому поэту, превращались потом в его знаменитые и любимые читателями произведения.

– Вот, представьте, ребята, – улыбнувшись, продолжала тётя Валя, – простая, деревенская светлица, за окном поздний вечер, в красном углу под образами стол, покрытый домотканой скатертью, на столе уютно пыхтит-поёт самовар, а за столом сидят юный Саша Пушкин и его «мамушка». Как вьётся сизый причудливый дымок над самоваром, так слово за словом течёт, сказывается сказка: «Вот что чудо: у моря-лукомория стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идет – сказки сказывает, вниз идет – песни поет...» Узнали, какая поэма начинается с чудесного Лукоморья? Конечно же, это пролог к поэме «Руслан и Людмила», фильм по которой снял режиссер Александр Птушко, и сейчас вы его увидите, дорогие наши телезрители!

После титров и героически-раздольной музыки из сумрака времени появляется книга с профилем

великого поэта, перелистываются пожелтевшие страницы, и торжественно звучит пушкинская строка: «Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой...» И вот уже послышалось конское ржание и топот хищно скачущей на Русь пёстрой и дикой орды степняков, ошестинившихся копытами и стрелами. Затем узколицые и темнолицые воители, падающие ниц и бьющие поклоны в мольбе о жизни. И над ними, на фоне черных клубящихся туч, благородное, открытое лицо Руслана, он весь озарён светом, доспехи сверкают, белый конь под ним чутко прядет ушами, за ним грозная верная дружина, победно рдеют знамёна с золотым солнышком: «Я отпущу вас, печенеги, но помните наш уговор...» На Лиду повеяло духом русской старины, и полностью захватила романтическая и таинственная атмосфера сказки.

Когда закончилась первая серия, Лида даже не стала смотреть традиционное завершение передачи – выставку детских рисунков и поделок, чтобы не нарушить и не спугнуть потрясающее впечатление от фильма. Она была в восторге, и всю неделю её не покидало ощущение волшебства, сердце сладко томилось в ожидании второй серии. Всю неделю она думала о том, как будет смотреть продолжение о новых приключениях и испытаниях, выпавших на долю героев. Она ждала, когда снова распахнется дверь в удивительный чарующий мир, как в другое измерение, где торжествуют любовь и добро, и она войдёт и...

Час пролетел как один миг. Так же, как и в начале фильма,

красивый низкий голос завершил повествование: «Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой». Перевернута последняя счастливая страница поэмы, закрыт пушкинский томик с золотым тиснением. Тётя Валя приглашает телезрителей через неделю на новую сказку. А Лида сидит и не может опомниться.

Проходили дни, а перед внутренним взором продолжали являться фантастические и красочные картины, которые разворачивались и сменяли друг друга. Лида жила в обыкновенной и привычной маленькой комнатке с потёртым плюшевым ковриком над кроватью, на котором резвились утренние мишки, и одновременно среди туманных полей и долин, коварных волшебников и храбрых героев, пируя вместе с весёлыми гостями в княжеских палатах и жадно впитывая ароматы пенных мёдов и звуки звонких гуслей.

Ей хотелось говорить об этом фильме, обсуждать его с одноклассниками, подружками и мальчишками во дворе. Он понравился абсолютно всем. Девчонки восхищались богатством княжеского убранства и нарядами Людмилы, секретничали и грезили о доблестных витязях, смеялись и фантазировали, что бы они сделали, будь у них шапка-невидимка, а пацаны с видом знатоков разбирали бой Руслана с Головой, битву с печенегами и какие подвиги совершили, если бы у них был меч-кладенец.

Но Лиду же больше всего восхитил эпизод, о котором почему-то никто не вспоминал – воскрешение убитого витязя. Когда старый колдун Финн, получив от горлицы

весть, что Руслан погиб от руки Фарлафа, набирает в два сосуда из волшебных ключей воду и спешит к нему на помощь: «Водою мёртвой и живою кроплю тебя, чтоб полный сил ты ожил, встретился с княжною и вражьи силы разгромил».

Лида снова и снова пересматривала в памяти эту сцену. А поскольку это было так живо и ярко, она безоговорочно верила видению. И у неё появилась мечта.

Их встреча случилась возле гастронома, куда они с бабушкой пришли за продуктами.

Он лежал посреди своих ярко-красных собратьев в большой плетеной корзине, стоявшей на земле, и его чёрные глаза-бусинки были безутешно грустными. Лида почувствовала это всем своим маленьким сердцем и спросила бабушку, почему он такой красивый и печальный.

– Так рака смерть красит. Он бы лучше буренским остался, да живым.

И поэтому, глядя на горькую участь этого несчастного, Лида сразу вспомнила про ключи с мёртвой и живой водой и ожившего, бодрого, полного новых сил Руслана...

И во что бы то ни стало решила попытаться.

– Бабушка, купи мне его, пожалуйста.

Он стоил рубль. Это было безнадёжно дорого. Три бутылки молока и буханка хлеба. Или целых двадцать румяных пончиков с повидлом, посыпанных сахарной пудрой, которые продавались на рынке, о которых Лида сладко грезила во сне и наяву. Бабушка всплеснула руками:

– А больше ты ничего не придумала?

Лида быстро вырвала свою руку из бабушкиной, схватила грустного рака и крепко прижала к груди.

– Ты что ж творишь? А ну положи на место! – хором закричали продавец и бабушка.

– Не отдам.

И отбежала не слишком далеко, но так, чтобы сразу не поймали.

– Ну, ты сейчас хворостины получишь! – Бабушка сломила с ближайшего куста ветку и решительно двинулась к Лиде.

– Бабуль, ты её дома воспитывать будешь, а платить Пушкин будет?

– И где ты взялся на мою голову, спекулянт проклятый?!

– Обижаете, какой я спекулянт? Я этими вот своими руками их ловил! А его в норе пока нащупаешь, вытянешь, он так и норовит клешней цапнуть! Смотри, трудовые, кусаные-перекусанные!

Сердито ругаясь и бросая грозные взгляды на внучку, бабушка полезла под фартук в карман цветастой ситцевой юбки за кошельком. А Лида галопом понеслась домой. Возле подъезда остановилась, заняла выжидательную позицию возле лавочки. И когда появилась бабушка, встала за спинку так, чтобы она не смогла её достать. Бабушка усмехнулась и бросила хворостинку.

– Да уж пойдём домой, совесть цыганская. Как из голодного края, будто я тебя не кормлю...

Лида знала, что бабушка никогда не обманывала её, ей стало немного стыдно, но нетерпение было сильнее. Она покаянно опустила глаза, подбежала к бабушке, потёрлась о её руку щекой и шустро нырнула в подъезд.

Дома забралась на кровать, положила свою добычу на подушку и с интересом стала её обследовать. Панцирь рака был твёрдым и пупырчатым, как броня, и пах укропом. На острой продолговатой голове на тоненьких стебельках крепилась потухшие матовые глазки, по сторонам завивались длинные усики. Лида осторожно потрогала крепкие клешни с зазубринами и перевернула рака на спину. По бокам от брюшка располагались шесть пар мелких ножек. Хвостик с тоненькими плавничками и прозрачными ворсинками был поджат. Она попробовала его разогнуть, но он, как пружинка, опять свернулся в колечко.

Бабушка одобрительно кивнула.

– Хороший рак, правильно сваренный. Кушать его нужно так...

– Нет! – протестующее прервала её Лида и спрятала его под подушку.

– Что значит, нет?

– Потом. Я капельку полежу. Я так устала!

И она положила голову на подушку, закрыла глаза и стала думать про воду.

Как-то мама говорила, что если долго кипятить в чайнике воду, то она становится мёртвой. С этим понятно. А вот где взять живую? Лида перебирала в памяти все, что ей было известно про воду, но ответа не находила. Незаметно она уснула.

Проснулась оттого, что почувствовала лёгкое прикосновение маминых рук.

– Малышка, что же ты прямо в платице и гольфах уснула? Нужно переодеться.

В комнате уютно-оранжево горел ночник. Было тепло, ласково

улыбалась мама, а за окном мерно шелестел дождь. И вдруг яркая догадка радостно озарила Лиду. Вот же она! Настоящая живая вода! Нужно только набрать её! И она спрыгнула с постели, побежала на кухню. Быстренько достала из шкафчика самую большую чашку, распахнула окно и, вытянув руку, подставила ёмкость под дождевые струи.

Сзади появились встревоженные мама и бабушка.

– Лидочка, что ты делаешь?

– Мне надо срочно набрать, пока дождь не кончился!

– Зачем? Закрой окно, ты простудишься!

– Сейчас-сейчас! Это вопрос жизни и смерти! Не мешайте!

Мама заморгала и растерянно повернулась за поддержкой к бабушке.

Та, зевнув и перекрестив рот, начала распекать обеих:

– Лучше б ты её не трогала! Спит ребёнок и пусть спит, нет же, разбуркала! А ей если чего в голову втемяшится, колом оттуда не выбьешь! Вот до чего дожились – «не мешайте!» Ни днём, ни ночью от вас покоя нет, охо-хо.... А ну, быстро марш отсюда! И без разговоров! – грозно подступила она к окну.

Не дожидаясь продолжения, Лида захлопнула окно, повернула шпингалет и понесла драгоценную добычу в комнату.

– Не вздумай пить! Давай я тебе лучше молочка подогрею, – не могла успокоиться мама.

– Да, только не молока, а кипячёной воды горяченькой, пожалуйста, – попросила Лида, бросая быстрые взгляды по сторонам и прикидывая, куда спрятать чашку с драгоценной живой водой.

Когда мама вышла, она на цыпочках подошла к серванту, осторожно отодвинула стеклянную дверку и поставила чашку в уголочке за праздничным сервизом с яркими золотыми розами и хрустальной вазочкой.

Лида лежала в кровати с закрытыми глазами, чутко прислушиваясь к дыханию мамы и бабушки, ждала, когда они покрепче уснут, чтобы начать ритуал. Когда бабушка стала негромко похрапывать, Лида сунула руку под подушку, аккуратно вытащила своего подопечного, взяла чашку с мёртвой кипячённой водой и осторожно ступая босыми ногами подошла к окну.

Положив рака на подоконник, ещё раз внимательно осмотрела его, опустила пальцы в чашку, а потом быстро вытащила и три раза брызнула на него водой. В этот миг из-за летящих тёмных облаков показался лунный диск. Холодный и чистый свет упал на подоконник – «и раны засияли вмиг» – на красном панцире, как будто стали показываться зеленовато-бурые тени. Лиде было и жутко, и радостно, всё шло как надо.

Решив, что окончательно оживлять и брызгать живой водой нужно при солнечном свете, она отправилась в постель, предусмотрительно положив рака под голову и накрыв подушкой.

Как только рассветно-алое золото разлилось в бледном утреннем небе, Лида бодро вскочила, достала из серванта чашку с живой водой и, подражая вещему старцу, торжественно начала заклинание: «Водой мёртвой и живою кроплю тебя, чтоб полный сил ты ожил...»

и запнулась. Говорить про княжну и вражью силу раку было странно, менять магическое заклинание боязно, поэтому, поколебавшись, она закончила: «И цел и невредим вернулся бы домой!»

В комнату зашла улыбающаяся бабушка.

– Ранняя моя пташечка, я думала будить, а она уже щебечет!

С трепещущим сердцем Лида сунула мокрого рака в привычный тайник.

– С добрым утром, бабушка! Будить не надо, я собираюсь.

Проводив внучку в школу, бабушка решила сварить к обеду красный борщ с молодой капустой, который был любим всеми в их семье. Кинулась в холодильник, а свеклы нет, а какой же борщ без неё? Пришлось идти в магазин. Пока все порезала, да обжарила, да проследила, пока сварится, времени как не бывало. Солнце перевалило за полдень. Натоптавшись на кухне и настоявшись у плиты, она устала. Решив передохнуть, бабушка зашла в комнату и присела на диван.

И тут же почувствовала странный и неприятный запах. Она не могла понять, откуда он шёл. У них и раньше, бывало, частенько приносило вонь то с мясокомбината, то с завода лимонной кислоты, то с очистных сооружений или силосных ям, которые находились за городом. Поэтому она поспешно подошла к окну и закрыла форточку. Но зловоние не проходило, а даже усиливалось.

Бабушка переполошилась не на шутку, в панике она подхватила и прошла по комнате, напряженно вытянув шею и втягивая носом воздух. Возле Лидиной

кровати она в ужасе остановилась. Откинула одеяло, а следом и подушку...

– Да что же это за ребёнок такой!!! – во весь голос вскричала она, схватив протухшего рака, от которого шел тяжёлый и отвратительный запах разложения. Завернув его в газету, бабушка не стала даже выбрасывать его в мусорное ведро, иначе он завонял бы всю квартиру. Открыв везде окна, она вышла во двор и отнесла его на помойку.

Когда вернулась, с облегчением отметила, что уже почти всё выветрилось, нужно только поменять Лидину постель. С простынями, пододеяльниками и наволочками бабушка промаялась ещё полчаса. «Отдохнула, называется! А сейчас придёт из школы, и вторая смена начнётся! Ладно, пусть поест, а после поговорим», – сокрушённо качая головой, успокаивала сама себя.

– Бабулечка, я сегодня две пятёрки получила, – раздался звонкий голосок из прихожей.

– Молодец. Мой ручки и будем обедать.

– А что у нас есть? – Лида подняла крышку и заглянула в кастрюлю. – Ура! Я так люблю твои борщики! Сейчас, бабушка, я на минуточку...

Лида держала в руках подушку, смотрела на чистую простыню и чуть не плакала. Она перетряхнула пододеяльник, заглянула под кровать, обследовала все углы. Рак исчез. Медленно и понуро Лида вернулась на кухню, села на табуретку и потухшим голосом спросила:

– Ба, ты не знаешь, куда делся рак?

Бабушка, внимательно глядя на внучку и, поражаясь этой

перемене, даже не решилась ругаться. Вместо этого буркнула:

– Делать мне нечего, как за твоим раком смотреть.

Лида с надеждой заглянула ей в глаза.

– Ты, правда, не брала?

– Да говорю ж тебе, когда мне за ним следить, я не присела ни минуты!

Лидино лицо просветлело, и она робко предположила:

– Может он уполз?

– Ну, не знаю, может, и уполз, вон сколько у нас дырочек в полу...

– А куда?

Дивясь на внучку и чувствуя, как в груди защемило от нежности, стараясь не выдать своих чувств, бабушка ровным и спокойным голосом предположила:

– Может, сидит у соседей, – и

спохватившись, предвидя перенос поисков и туда, продолжила, – а может быть, выбрался на волю, дополз до прудика и живет в своей норке.

С аппетитом пообедав, Лида села сразу за домашние задания. К приходу с работы мамы все было сделано и выучено назубок. Старательно сложив в ранец учебники и тетрадки на завтра, Лида взяла с полки книжку и, удобно усевшись в кругу мягкого приглушённого света от стоявшего в углу торшера, принялась читать.

Подождав, пока все освободятся от вечерних дел и забот, довольная и счастливая предложила:

– Бабушка! Мама! Давайте не будем сегодня телек включать! Я вам Пушкина вслух прочитаю! Слушайте.

ПТИЧКА

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.
Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

Александр БАЛТИН

ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН

1

Нечто дремуче-расейское, сонное, корявое, вкусное едой – избыточной, пузо главное...

Раскрываются страницы «Уездного», шуршат они жизнями, проезжает на тарантасе купчиха, Барыба крошит зубами камни...

Язык повествования тяжёл.

Он лёгок – в нём сказ цветёт, переливаясь огнями, им рассыпаны самоцветы по страницам: открытым в вечность.

Заборы кривы, крадётся тень, нечто таинственное...

О! нет – всё до предела конкретно, как еда у купчихи, к которой пристроится Барыба – толстое к толстому.

Сложно поверить, что в этих людях спрятаны души; невероятно представить, что и над ними веет дух: ибо показано – как жить, если душевной деятельности никакой.

Сочно показано, смачно, будто ходишь по кривым этим провинциальным тропкам, мимо покосившихся заборов...

...в «Алатыре» Е. Замятина вполне себе симпатичный молодой человек, пишет, захлёбываясь, под впечатлением знакомства с новым почтмейстером:

Наш новый господин почместер –
Замечательный человек.
А по мне раз в десять
Умнее тут всех.
И когда мне представлялся,
То мне рукопожал.
Я восхищался
И навек его уважал.

Великолепна эта наивная графоманская распахнутость молодого персонажа, слишком отличного от Барыбы, но втянутого уже болотом: а так хочется творчества: петь стихом, слагать прозу...

Мшистая среда противоречит.

Мшистая, где волосы прорастают вовнутрь; Замятин словно в колокол бил: так не должно быть, из этой среды мутно-болотистый путь один: в систему «Мы»...

Она и подтвердится – системы эта, пропитанная и пронизанная жутью, рассчитанная на уничтожение всякой индивидуальности: а в идеале – и на мозг операция будет, всех перестроят, все прозрачны, и раздавить так легко.

Мы-ы-ы...

А слышится – му-у-у...

Ибо людей уже нет: организованные в стадо, теряют они самость, теряют творческие порывы и мычат себе, обречённые на убой...

Антиутопии воплощались, но частями: целостью настоящего их никто организовать не мог.

Может быть, потому, что роман Замятина помешал...

...с портрета Кустодиева он смотрит слегка насмешливо: в прекрасном костюме джентльмен, работавший в Англии, получивший прекрасное техническое образование – а знавший русскую провинцию, как букварь, и построивший из неё, безнадёжной, такой страшный путь – в «Мы».

Технический прогресс – разорви его с нравственным – приводит в бездну.

Эмиграция Замятина вышла сложной, сложнее, кажется, многих: ему не хватало – в том числе и дремучести, сквозь страх описаний которой прорастает и странная любовь к ней.

«Мы», сразу переведённые на несколько языков, повлияли на европейскую литературу, равно мысль; а Замятин так и остаётся – сияющими полюсами: затхлости русской бездны и кошмара, в который может превратиться всеобщность, организованная в мычащее «Мы»...

2

Контекст антиутопии – реальность, не располагающая к мыслям о возможности совершенного социума.

«Мы» Замятина отличается меньшей безнадёжностью, чем «1984», вообще не имеющий просвета и, как показывает время, имевший в виду вовсе не СССР, но весь мир.

Тенденция концентрации всех мировых материальных ценностей в руках определённых, немногочисленных групп людей вообще чревата, и «1984» предупреждает – в том числе – и об этом.

«Мы» под хрустальным куполом будущего кошмара тоже довольно страшный текст, но некоторые щели, сулящие световые изломы, всё же имеются – не исходя из бездны повествования, но имея в виду общий воздух ощущений.

Некоторые молнии просвета можно обнаружить и в «Прекрасном будущем мире» Хаксли: исследования проводятся, мысль играет.

Впрочем, хочется надеяться, что естественная тяга человека к свободе не позволит антиутопии осуществиться в реальности.

Отвратный шик «Уездного» затягивает: или гипнотизирует – от колоритных языковых пластов, до ощущения: так жить нельзя, что едва ли вкладывал мыслью Замятин, живописуя расейское захолустье...

...интересна эта игра в графоманию: «Наш новый господин почтмейстер – превосходный человек...»: образец провинциального виршеплётства: милейший Костя, придя домой, тотчас напечатлел...

Это уже «Алатырь», перекликающийся с «Уездным», где тяжёлый, камнеподобный Барыба всё дробит и дробит челюстями камни: ишь ты, едун!

В нём было своё обаяние – в захолустье этом, была в нём и звериная, оскалистая морда, не замечаемая большинством, погрязшим в кислом быту и огненном пьянстве; и был язык Евгения Замятина – колоритный, как уклад жизни со всеми его нюансами; тёплый, как свежий хлеб; язык ёмкий и вместительный – ровно такой, какой требовался, чтобы отобразить пласты – почти руды – той жизни.

А потом Замятин отстраивает «Мы» – скорее исследование, чем роман; скорее предупреждение, чем откровение – всякая попытка организовать утопию в реальности оборачивается антиподом оной утопии.

Стиль и колорит, своеобразие и ощущения, тонко переданные через речевые пласты – и не деться никуда истории: только сохранять бережно предложенные тексты.

*Александр Львович БАЛТИН, писатель.
Москва*

Елена ВЕЛИЧКО

МОСТЫ ПАМЯТИ

Фрагмент из неопубликованной книги

В своих очерках я постараюсь изложить свой взгляд на прошлое, своё видение. У меня нет желания понравиться или угодить кому-то. Хочу поразмышлять и пригласить к размышлению всех, кто посчитает мой труд достойным изучения. Мне непосильно охватить все события и быть объективной. Прошу быть снисходительными к моему мнению.

Так получилось, что у меня скопилось много документов, копий из архивов по разным линиям рода. Конечно, исследовано далеко не всё. Но я решила, что по возможности буду возвращаться к написанному и дополнять.

Я уверена, что моему роду эта книга нужна. Я знаю, что предки хотят, чтобы о них помнили. Иначе как можно объяснить множество мистических историй, связанных с поисками информации о предках? То информация добывалась с трудом, после решения многочисленных головоломок. То «приходила» сама, стоило только вслух озвучить своё желание.

Моё повествование будет про крестьян и однодворцев. Сейчас, когда генеалогия переживает бум и набирает обороты, всё больше появляется книг о крестьянах. Проблема в том, что прошлое крестьянства сильно мифологизировано в годы идеологических догматов советской науки. Мы выросли на этой политизированной истории, и она продолжает влиять на умы людей. Кто-то может со мной не согласиться. Я же буду опираться на добытые документальные источники. Правда, интерпретировать буду по-своему.

Начну с рода Савиных. Я пришла в этот род в 1970 году и до замужества носила эту фамилию. Это не значит, что у меня есть какое-то предпочтение. Просто буду описывать по порядку. Когда-нибудь доберусь и до рода мужа, в который я влилась в 1996 году. Я искренне хочу это сделать.

Очевидно, что фамилия образована от имени. Отыменная фамилия. Но изучив доступные мне материалы, я ни разу не обнаружила имени Савин. Это просто говорит о том, что род Савиных гораздо древнее, чем я смогла охватить. Как оказалось, фамилия очень распространённая. Она встречалась во многих губерниях центральной части и южных губерниях европейской России. Говорит ли это о том, что предки были

плодовитыми и расселились на огромных территориях? Я не знаю. Род Савиных не пресёкся, но из носителей этой фамилии остался один мой племянник. В ближнем круге родственников в двадцатом веке народились девочки, которые сменили фамилии, выйдя замуж.

МЕСТА ПРОЖИВАНИЯ РОДА САВИНЫХ

Самого далёкого предка я нашла в селе Ломовом. Род прожил на одном месте довольно долгий период – с середины 17 века до середины 19 века. Место жительства не менялось. Менялась административно-территориальная принадлежность села. С 1636 года по 1778 год была территория Слободского стана Козловского уезда, в период с 1779 года по 1795 год Рязанское наместничество сначала Данковского уезда, потом Раненбургского уезда, с 1796 год по 1928 год территория Раненбургского уезда Рязанской губернии. По сведениям 1859 года, в селе Ломовом проживало 2705 человек (357 дворов), 7 км от уездного города. Дальние родственники и поныне там проживают, трудятся.

А мой прямой предок Афанасий Егорович Савин с братом Никитой Егоровичем переселились в село Новая Чемровка Бийского уезда Томской губернии в 1870-х годах.

ПОКОЛЕННАЯ РОСПИСЬ РОДА САВИНЫХ

1. Евлампий Фёдорович Савин, проживал село Ломовое
2. Евдоким Евлампиевич Савин 1658 г.р. – ??
3. Казьма Евдокимович Савин 1673 г.р. – ??
4. Иван Казьмич Савин 1715 г.р. – ??
5. Ларион Иванович Савин 1736 г.р. – ??
6. Пётр Ларионович Савин 1761 – 1831 гг.
7. Карп Петрович Савин 13.10.1779 – после 1858 года
8. Егор Карпович Савин 04.04.1804 – ??
9. Афанасий Егорович Савин 01.07.1834 – 25.01.1894
10. Иван Афанасьевич Савин 11.10.1857 – до 1931
11. Иван Иванович Савин 12(25).10.1899 – 20.01.1971
12. Владимир Иванович Савин 07.07.1935 – 26.10.2011

Мой отец, Савин Владимир Иванович, родился пятым ребёнком в семье Савина Ивана Ивановича и Ефросиньи Михайловны (Мишуковой от рождения). Папа родился 07.07.1935 года в селе Каргасок Томской области. Я думаю, что он не был желанным или долгожданным ребёнком, так как родился, когда его родителей сослали. Сослали их как кулацкие элементы второй категории и подлежащие высылке в отдалённые местности. Томская область в своих современных границах и до революции была местом ссылок, а тридцатые годы стала приёмником сотен тысяч репрессированных – кулаков и их семей, немцев, неблагонадежных латышей, литовцев, эстонцев, западных украинцев и других со всей России.

Так получилось, что после расформирования Томской губернии в 1925 году, томская земля надолго утратила свое культурное и социальное значение, была включена в Сибирский край, потом в Западно-Сибирский край, а в 1937 году Томск вообще на 7 лет стал городом Новосибирской области. В эти предвоенные годы томская земля сурово принимала всех неугодных советской власти. Срочно строились новые посёлки силами вновь прибывших. Были катастрофические проблемы с продовольствием, полное отсутствие медицинской помощи. Вот что нашла в очерках Монголиной Н.Г.:

А теперь, уважаемый читатель, я предлагаю тебе совершить еще одну экскурсию в село Каргасок, но теперь уже в 1926 г.

Дивное место: высокое, сухое, с красивым видом! До сих пор стеной к поселку подступает кедрач, стволы деревьев не обхватить взрослому мужчине. Внизу все так же течет Панигатка, правда, сильно обмелевшая. Да, умели выбирать место для поселка первые жители. Разросся Каргасок, в нем уже 189 хозяйств и 544 жителя: 263 женщины и 281 мужчина. Дома двухэтажные, еще крепкие и очень нарядные. Наличники, карнизы, ворота щедро покрыты ажурной резьбой. Почти каждый двор украшают кусты рябины. На высоком открытом месте стоит деревянная оштукатуренная и окрашенная в белый цвет трехпрестольная Спасская церковь. Сверкают на солнце, издали привлекая и маня, позолоченные ее купола. За красивой церковной оградой – кладбище с мраморными плитами. В селе есть все, что положено ему по статусу районного центра: райисполком, сельсовет, лечебный пункт с одним врачом, ветеринарный участок, почтовое агентство, акционерное общество «Сырье», народный дом (клуб), 7-летняя школа со 130 учащимися, изба-читальня, лавка...

Во второй половине 1920-х гг. постепенно увеличивалось и население Пристани, которая стихийно получила название Новый Каргасок. В 1930 г. главной улицей здесь была Пушкинская. На ул. Октябрьской стояло только 4 дома. Население насчитывало 336 человек. Но рождение Нового Каргаска как центра связано с трагическими событиями в стране – коллективизацией, сопровождающейся массовыми раскулачиваниями. Именно спецпереселенцы увеличивали численность Нового Каргаска, в 1939 г. его население составляло уже более 3 тыс. чел. В 1930 – 1932 гг. переместились на пристань Каргасок районные организации – райисполком, райком партии, милиция, суд, прокуратура, и 25 июля 1939 г. райисполком принял постановление «О разделении села Каргасок на 2 населенных пункта: Старый Каргасок и Новый Каргасок». Границей между ними был установлен деревянный мост, проходящий между больницей (в Новом Каргаске) и кирпичным заводом (в Старом Каргаске). Райцентром стало село Новый Каргасок.

Накануне войны население района насчитывало около 30 тыс. чел., которые проживали в 159 населенных пунктах.

В середине последнего довоенного десятилетия в райцентре быстро росло число новых организаций и предприятий. Открылась районная больница на 15 коек, где население обслуживали 4 медицинских работ-

ника и ощущалась острая нехватка врачей. Была организована районная контора связи, которая объединяла 63 эфирные радиоустановки. В 1938 г. ввели в строй телефонную сеть емкостью 50 номеров, так что даже не каждая организация могла иметь свой телефон. Сибторг или Сибпушнина – торгово-заготовительная структура – занималась заготовкой пушнины, снабжением охотников продовольствием и боеприпасами с доставкой к месту промысла. «Интеграл» (рыбкон) обеспечивал население Каргаска и близрасположенных деревень продовольственными и промышленными товарами.

Аэродром – избушка и площадка – находился тогда на лугах, на правом берегу Панигатки. Сюда садились маленькие двухместные «кукурузники». Прибытие самолета было большим событием для местных жителей. В 1940 г. был построен аэродром в Новом Каргаске, на берегу р. Оби.

В том же году был основан комхоз, который контролировал работу бани, гостиницы, электростанции.

А вот как на рубеже 1930 – 1940-х гг. была представлена местная индустрия:

– Маслозавод на ул. Пушкина.

Райпищепром – квас, морс, брага, варенье, квашеная капуста...

– Рыбтрест – объединял рыбозавод и рыболовецкие бригады колхозов и артелей.

– Кирпичный завод в Старом Каргаске.

– Электростанция с локомотивом в 25 лошадиных сил.

– Паровая мельница колхоза «Авангард» (трехэтажное здание стояло на берегу р. Оби).

– Леспромхоз (с 1935 г.).

– Лесхимсоюз – пихтовое и багульниковое масла, деготь, смола, спирт-сырец, скипидар.

– Небольшие артели – например, «Красный нарымовец» (пошив обуви), Имени XVIII съезда ВКЦ(б) (гончарная посуда, хозяйственная веревка, пряжа, варежки и т. п.).

Масштабы развития местной промышленности были скромные, хотя её продукция удовлетворяла не только потребности района, но и шла за его пределы. Техники не было никакой. Все работы выполнялись вручную, основным видом транспорта оставалась лошадь.

Главная особенность довоенного десятилетия – полное исчезновение индивидуального труда. Основным населением района все-таки оставалось крестьянство, но теперь уже кооперированное.

Первые колхозы появились в районе в 1931 г.: имени Буденного в Старом Каргаске, «Урман» в Наунаке (селькупский), имени Сталина в Тымске, имени Толпарова в Усть-Тыме и т. д. В 1936 г. на пристани Каргасок образовался колхоз «Авангард» (ныне это колхоз «Каргасокский»). Всего же в районе в 1931 – 1936 гг. было образовано 120 колхозов, куда объединилось 3137 дворов, или около 6 тыс. чел. взрослого населения.

Основными видами деятельности колхозников в районе тогда были лов рыбы и выращивание зерновых культур. Посевных площадей в 1939 г.

в целом по району насчитывалось 8206 га. Ввиду плохих почвенно-климатических условий, обилия болот, наличия огромных таежных массивов некоторые колхозы не могли заниматься земледелием, специализируясь на различных промыслах. Значительную часть пашины засеивали яровой пшеницей (1600 га), овсом (2023 га) и рожью (2970 га). Под овощные культуры выделялось не более 170 га, причем на 160 га сажали картофель, а на 10 га – овощи (капусту, огурцы, морковь, чеснок). Урожайность была невысокой.

Животноводство района имело в те годы некоторые особенности: колхозное стадо было меньше деревенского, состоящего из личного скота колхозников. Вот подтверждающая статистика районного поголовья 1937 г.: крупнорогатый скот – 2635:3645, свиньи – 133:507, овцы – 178:2984. Исключение составляли лишь лошади, которых при полном отсутствии машин и тракторов в деревне хозяин обязан был сдать при вступлении в колхоз. И поэтому из 2028 голов, имевшихся тогда в районе, у колхозников в единоличном пользовании не было ни одной, тогда как у рабочих, служащих и еще не вступивших в колхоз единоличников – 177.

Подавляющее большинство колхозников в районе составляли спецпереселенцы.

В райотделе статистики сохранился документ, который донес до нас страшную трагедию тысяч ни в чем не повинных людей. Это карта васюганской части нашего района, она называется «Схема участков Средне- и Нижневасюганских комендатур, заселенных с 26 мая 1931 г.» и несет гриф «Совершенно секретно».

Пожелтевший, стертый на сгибах лист кальки. Тщательно вырванный Васюган от истоков до впадения в Обь со всеми его притоками, с обозначенными деревнями и юртами по берегам. Все это – черной тушью. И на таком траурном фоне красными квадратами – участки комендатур, места высадки спецпереселенцев...

В 1931 г. Средневасюганская комендатура контролировала 18 участков, куда было доставлено 5075 семей (21296 чел.). Нижневасюганская комендатура контролировала 19 участков, где состояло на учете 4485 семей (18654 чел.). Получается, что на р. Васюган только в 1931 г. было сослано 40 тыс. чел. из разных областей СССР. Причем привозили их только на необходимые места. Вскоре спецпереселенческие участки получили свои названия, стали поселками. Вот только некоторые из них: Бондарка, Лозунга, Недоступный, Новоюгино, Щучий Мыс, Большая Грива, Усть-Сильга, Малый Яр, Усть-Чижанка, Новая Березовка, Курунтай, Желтый Яр и т. д. Там, где была неплохая земля, образовали колхозы (Большая Грива – «Красная горка», Усть-Чижанка – «Труд», Бондарка – «им. Сталина», Желтый Яр – «Красная Звезда» и т. д.). Правда, таежная земля плохо родила хлеб, поэтому большинство колхозов разводило скот. Но чаще в поселках создавались рыбоартели и промартели: в Бондарке был пихтовый завод и бондарное производство, в Новоюгине некоторое время сплавляли лес... Некоторые поселки, например, Малый Яр, были вскоре закрыты, так как там вымерло все население.

После Великой Отечественной войны большая часть деревень прекратила свое существование: многие дома обезлюдели, войной было выбито целое поколение. И колхозы стали объединять. В конце 1950-х гг. уехали на родину немцы Поволжья, ссыльные из Прибалтики, западные украинцы.

Цифры, названия... А за ними – судьбы сибирского крестьянства, сорванного с родных мест волею «отца народов» и брошенного на произвол судьбы в болото и тайгу на вымирание. Брошены за то, что хотели быть хозяевами на своей земле и потому не желали вступать в колхозы. Сосланы с целью запугать оставшихся и обеспечить дармовой рабочей силой малонаселенные земли, где было много леса, так необходимого стране в годы первых пятилеток.

Иван Яковлевич Бабкин родился в 1921 г. в г. Камень-на-Оби Алтайского края. В семье было 10 человек, из них 8 детей. Земли на всех – 15 га, и обрабатывали ее сами, без работников. В 1931 г. семью Бабкиных раскулачили и выслали в Каргасокский район, в д. Желтый Яр. Сюда же одновременно привезли и 5 чел. семьи Турковых. Вот рассказ Дарьи Даниловны Турковой: «До реки Камень шли пешком. Народу было так много, что не было видно ни конца, ни начала. С собой разрешили взять 5 пудов пшеницы. Мы взяли 2 мешка муки, а все вещи были только на себе. Но при погрузке на баржу муку забрали. Мать с трехмесячным ребенком, больной отец. А я – старшая из детей. Нам было страшно!» Продолжает горестное повествование Иван Яковлевич Бабкин: «Нас привезли, высадили на берег. Начали делать все, что можно, чтобы как-то начать жить. Палатки, шалаши из бересты. К зиме сделали 2 барака, спали на нарах. В одном бараке жило 8 семей – 30 человек. Питались хлебом с травой и опилками: 400 г такого хлеба давали рабочему и 200 г – иждивенцу. Местные жители меняли чашку вареной кожурки от картошки за женский платок. За месяц умерли от голода и тифа отец и две сестры. Два месяца я сам и моя мать лежали в тифу».

«В 1932 г. мы переехали в Бондарку, – дальше ведет свой рассказ Дарья Даниловна. – Желтый Яр не был пригоден для жизни, и комендантура разрешила выехать в какую-нибудь деревню. Мы разобрали барак и сделали плот. В поселке я работала на самых тяжелых работах: колола клепку, дрова, драла дранку, возила дрова на спиртопорошковый завод, работала телятницей, дояркой. Летом на покосах, на себе вместе с другими носили копны, лошадей не было».

Людей с такими судьбами много, сейчас это каждый второй в районе.

Столь бурный рост и изменение национального и социального состава населения, появление новых населенных пунктов, зарождение промышленной инфраструктуры не могли не сказаться на культурном облике района.

По данным тех лет, к 1940 г. безграмотность в районе была почти полностью ликвидирована. К 1 сентября указанного года двери перед 6612 учащимися (5788 детьми и 824 взрослыми) распахнула 41 начальная школа, 9 семилетних, 1 средняя и 1 неполная средняя для взрослых.

Для детей коренных жителей рр. Тыма и Васюгана, кочевавших или живших в труднодоступных и малолюдных поселениях – «юртах», было открыто 5 интернатов. Для летнего отдыха детей в 1939 г. в районе было открыто 39 детских площадок, из них 4 – при Каргасокском сельсовете. Хуже было с дошкольным образованием – действовал только 1 детсад на 42 ребенка.

Для культурного досуга в районе работали 2 библиотеки с фондом в 12939 книг, 19 клубов, 36 красных уголков, 15 изб-читален. В 1935 г. был построен клуб и в Каргасоке.

В 1940 г. стала выходить районная газета «Северная правда», ее первым главным редактором был Степан Арсеньевич Кропочев.

До войны Новый Каргасок не был благоустроен. Неприглядную картину он представлял по сравнению со Старым Каргаском. Улицы застраивались стихийно, без элементарной планировки, преимущественно одноэтажными строениями. Дорог как таковых не было, передвигались по лежневкам из деревьев и прутьев. Одно украшение – за селом стеной стоял красивый кедр. Дальнейшую судьбу Каргаска определяла Обь, широкая и полноводная, по которой шла прочная и надежная связь со страной.

В первые два десятилетия Советской власти в судьбе района, как в зеркале, отражались эпохальные события страны. Трудно было жить, много горя выпало на долю раскулаченных, а впереди всех ждало страшное испытание – война.

Нашей семье в какой-то степени повезло. Ведь в том же Нарымском округе была печально известная Палочка и другие (https://nkvd.tomsk.ru/projects/necropolis/tmsk_reg/) Мой папа, конечно же, не помнил тот период жизни. Со слов родственников осталось тоже совсем немного воспоминаний. Отец рассказывал, что его братьев Ивана, Михаила и Николая отправили в детский дом и там обучали профессии сапожника. Был ли детский дом или была школа? Жили ли они в Каргасоке или только зарегистрировали рождение ребёнка в сельсовете Каргасока? Детей нечем было кормить. Многие дети прошли детские дома при живых родителях. Там их хоть чем-то кормили, давали какую-никакую одежду и тепло. Мера была вынужденная.

Документов по этому периоду жизни не сохранилось. Даже свидетельство о рождении у отца было восстановленное. Личные дела на сосланных, тех, кто не умер и не получил инвалидность, были уничтожены после смерти Сталина в 1950-х годах. По некоторым населённым пунктам энтузиасты воссоздали списки переселенцев. По Каргасоку я не нашла таких списков. Но кое-что всё-таки сохранилось. Например, выписка из дела ГААК, которое папа получил в 1997 году, когда через суд доказывал факт репрессии. По решению суда он был признан пострадавшим и получил свидетельство А740873 о праве на льготы в связи с реабилитацией как жертва политической репрессии.

В выписке копии из дела о лишении избирательных прав, обследование хозяйства, объекты доходов, постановление налоговой комиссии, характеристика кулака, выписка из протокола общего собрания членов

колхоза бедняков «Заветы Ильича» в присутствии 119 человек, справки от свидетелей, выписка из протокола заседания Бийского райисполкома и райпятёрки по выселению кулаков из пределов Бийского района от 04.02.1932 г. №4. Это дело доступно в Барнаульском архиве, и можно заказать копии документов.

По воспоминаниям папы, семью посадили на баржу и отправили вместе с другими горемыками в ссылку. Взять с собой могли только то, что успели надеть на себя. Как в условиях полной нищеты родился и вырос отец, я не представляю. Какие там пелёнки и распашонки... Если пофантазировать, то можно себе представить, сколько переживаний перенесли дед с бабой – собрания бедняков в присутствии 119 человек, отсутствие еды, непонятное будущее – нам ли сейчас ныть про высокий уровень стресса.

Из решения суда от 24 октября 1997 года я поняла, что в ссылке семья была до 1939 года. Известно, что в 1935 году начали массово возвращать избирательные права сосланным и с 1938 года по решениям местных властей разрешали выезжать на другое место жительства. Не знаю, каким органом власти было принято решение о разрешении переселиться Савиным. В Новую Чемровку или в Бийск они не вернулись. Судьба занесла их в Ростовскую область, город Красный Сулин.

Репрессии прокатились не только по семьям Савина Ивана Ивановича и его родного брата Фёдора Ивановича. Лишены избирательных прав, а потом выселены за пределы села множество их односельчан и родственников. В архиве г. Барнаула ГААК хранятся 218 дел по селу Новая Чемровка в фонде Р652 Бийского райисполкома и в фонде Р2000 оп.7 дела, переданные на хранение из ФСБ.

Есть ещё одна версия, почему семья в полном составе выжила. Дед мог сбежать из ссылки. Я уверена, что дед, пройдя службу в армии Колчака, потом в Красной Армии, выросший в неизбалованной многодетной и многотрудной семье, ко времени рождения сына Владимира был «тёртым калачом». Был сноровист и смекалист. Крепкий, надёжный, рискованный.

После ссылки семья поселилась в городе Красный Сулин Ростовской области. Видится мне, что найти способ и средства добраться через полстраны мог человек отважный. Перевёз жену с детьми, нашёл угол, устроился на шахту. Жизнь бы налаживать, да война... будь она неладна... Осенью 1941 года был призван на фронт в возрасте 42 лет. Пошёл Родину защищать, несмотря на несправедливую её «любовь» к своим сынам. В составе 907 стрелкового полка 244 стрелковой дивизии в октябре 1941 года попал в окружение и плен. В плену был недолго.

Пленённых солдат разрешили забрать жёнам. Весть разнеслась мгновенно. Сарафанное радио ли сработало, или немцы распространили информацию, и со всех округ сбежали женщины, у которых ёкнуло в сердце. Деда забрала добрая крестьянка в светлом платочке и подпоясанная фартуком. Не нашла своего мужа. Не уходить же с пустыми руками. Ткнула пальцем в деда, уверенно сказала немцам, что это её муж. И случилось двойное чудо. Во-первых, она могла указать на любого другого. Чем-то выделил женский намётанный глаз моего деда.

Большими изработанными руками, повадками или игривым взглядом – поди, спроси. Теперь уж никто не скажет ответа. Я безмерно благодарна этой светлой душе, которую я вспоминала в своих молитвах не раз и преклонялась перед её решением. Жизнь висела на волоске у огромного количества людей. А выбрала она именно деда.

Во-вторых, немцы отпустили деда с этой женщиной. История войны запомнила зверства немцев и почти ничего про их гуманность в начале войны. Но это лжегуманность. Немцы рассчитывали на блицкриг. Зачем им пленные, которых надо кормить? Странная история.

Вернулся в строй. Когда и куда он вернулся? В воспоминаниях фронтовиков читала, что солдаты отслеживали движение своих частей. Даже из медсанчастей сбегали недолеченные. Лишь бы не отстать от своих не столько из патриотических чувств, а скорее из соображений удобства для себя. Ведь воевать отправят всё равно, но в другой части, пока документы придут, пока привыкнешь к крутым переменам...

Дед Иван, наученный ссылкой, голодом, гражданской войной, особо на войне себя не проявил. В наградном листке 1947 года он записан как красноармеец, беспартийный. Помалкивал дедушка. Делал своё дело. Письма писал жене и детям. Как положено – с поклонами от старшего до младшего. Сначала в город Красный Сулин по адресу пер. Октябрьский, дом 7, помня о военной цензуре. Потом семья мигрировала и после смерти Ефросиньи Михайловны, намыкавшись, приехала в город Бийск.

244 стрелковая дивизия сумела вырваться из окружения. В декабре 1941 года ее отправили с фронта на переформирование. Для бойцов это было время немного передохнуть от передовой. Доукомплектация не означала курорт. Шли военные будни с пешими переходами, перемещениями военной техники. В конце декабря 1942 года приезжал к жене. Как-то нашли друг друга, пользуясь всего лишь обычной почтой.

В составе Южного фронта дед в октябре 1943 года освобождал город Запорожье. В октябре 244 стрелковая дивизия форсировала реку Днепр в западной части острова Хортица. В наградном листе есть описание его подвига 14 октября. 28 ноября 1943 года он ошибочно попал в списки погибших и похороненных в селе Разумовка Запорожского района. Я же думаю, что во время боя он получил ранение, отправлен в госпиталь в Баку на 9 месяцев. Затем инвалидность. Долго лечился и 17 августа 1944 был признан не годным к строевой службе.

Сделала запрос в военно-медицинский архив.

А что ждало деда после войны? В 1947 году ему назначили пенсию, и до конца своих дней он периодически лечился в госпиталях. Как он прожил следующие 24 года?

В 1944 году приехал в город Шахты, где проживала семья. Самый старший сын Иван был угнан в плен в Германию. Старший сын Михаил ездил на товарных составах в Краснодарский край менять вещи на продукты. Какие вещи? Михаил шил сапоги из брезентовых мешков, менялся, торговал. Сын Николай попал в больницу на всё лето – обгорел от вспышки пироксилинового пороха в кармане штанов. Сын Володя в Шахтах пошёл в первый класс. Дочери Наде исполнился один год.

Неспокойно было, голодно. В 1945 году семья ушла в Полтавскую область, Хорольский район, село Новочиху. На Украине Володя пошёл во второй класс. Миша подделал свой паспорт, уменьшил возраст, чтобы избежать мобилизации. Заболела жена Ефросиния Михайловна, слегла и покинула наш мир в марте 1945 года. Дед Иван Иванович в это время лечился в госпитале. Все заботы о прокорме семьи пали на Михаила. Уйди он на фронт, что стало бы с братьями и сестрой?

Конечно же, у Михаила начались неприятности. Его вызывали, разбирались. После смерти Ефросиньи Михайловны он собрал братьев, сестру и в 1946 году приехал в Бийск. В Бийске их приютили дядя Иван Михайлович Мишуков с женой Александрой Ефимовной по адресу ул. Куйбышева, 83.

Удачно торгуя, Михаил скопил 25 тысяч рублей и купил полдомика по ул. Короткая, 8а. Малюсенький домик, бывшая кузница. Это было временное жилище. Спали, плотно прижавшись, даже под столом. В 1949 году он смог купить сруб 1903 года. Сейчас на этом месте стоит 9-этажный дом, с аптеками, отделением Сбербанка, магазинами по ул. Ленина, 244. Я помню построенный дядей Мишей дом. Темный бревчатый сруб. Деревянные ворота с задвижкой. Эту задвижку можно было отодвинуть, просунув руку с улицы в окошечко. Двор был небольшой. Войдёшь в калитку, по левую руку было три крыльца. Под одной крышей проживали три семьи. По правую руку выкопан погреб. К дому пристроен гараж. Помню в нем машину-«инвалидку». Рядом с гаражом и вдоль дощатого забора росли яблони. На небольшом клочке земли топорились несколько грядок.

В 1948 году дед повторно женился на вдове Анастасии Васильевне Поповой. Я запомнила её как бабу Тасю. Маленькая, со светлыми круглыми глазами, всегда закутанная в платок, она как-то молча перекатывалась по двору, иногда улыбалась. Своих детей у неё не было. Но были племянники. Когда я хватилась, что в семейном альбоме нет фотографий деда, мне сказали, что они остались у бабы Таси. Умерла она в селе Новая Чемровка в 1979-1982 году, куда её забрали её племянники.

Деду было достаточно трёх классов образования. Книг почти не читал, зато руки были мастеровые. Когда женился его сын Владимир, он сделал для молодой семьи кухонный деревянный стол, табурет. Эта мебель до сих пор стоит у меня в садовом домике. Она пережили пару затоплений, с неё местами осыпалась краска. Но само дерево крепкое. На совесть сделано.

В доме, где под одной крышей проживало три семьи – Ивана Ивановича и бабы Таси, дяди Миши с женой Тамарой и дочерью Таней, тети Нади с мужем Виктром Васильевичем Буланичевым и двумя сыновьями Дионисом и Алёшей, – тоже была самодельная мебель. Но в детстве мне было не до рассматривания мебели. Запомнила, что комнатки были совсем малюсенькие. У Тани был уголок комнаты за большой белёной печкой. Мне было интересней прицепиться хвостиком к старшим сестрам и наблюдать за ними. Или пойти с папой и сорвать в саду яблок. Сад был заложен дедом, он умел делать прививки разных сортов яблок на один ствол, ухаживал за ними.

Я никогда не видела своего дедушку Ивана Ивановича. Он умер, когда я была ещё совсем крохой. Самое яркое воспоминание о нем у меня осталось, когда я, будучи лет семи или восьми, умудрилась натереть глаза острым перцем. Этот случай потом много лет вспоминали на каждом застолье, желая развеселить гостей. И я, каждый раз сгорая от стыда и неловкости, слушала, как мы приехали с папой и мамой в наш сад и там...

Я помню, была хорошая погода, тёплое солнышко грело своими остатками то место, где впоследствии была построена веранда. Там была грядка с острым жгучим перцем. От нечего делать я растребушила перец, его семена и аккуратно их посадила, чтобы в следующем году у меня здесь, на этом месте, что-нибудь выросло. Хотелось самостоятельности, удивить маму небывалым урожаем. Показать ей кустик, густо обвешанный изогнутыми плодами, и сказать, что это дело моих рук. Закопав в землю злопамятные семена, я сполоснула руки водой и в какой-то неудачный момент почесала глаза. Почувствовав жжение, почесала ещё. Через несколько минут глаза жгло, я не просто плакала, я выла на всё садоводство. Боль была невыносимой для меня. Я не знала, куда себя приложить. Я окунулась в речку лицом, надеясь, что холодная вода остудит лицо и глаза. Прикладывала к глазам железную фляжку для воды из машины отца.

Мама, видя мои страдания, впервые рассказала про дедушку. Что когда он сильно болел, то очень мужественно терпел, не поддавался боли. Очевидно, она была испугана и не знала, как можно помочь своему родному дитяте. Может быть, она мысленно обращалась, как истинная атеистка, к ушедшему в другой мир Ивану Ивановичу за помощью. Отец, который вроде и был в это время с нами, но не взял на себя непосильную ношу успокоить горько плачущего ребёнка.

Может быть, Иван Иванович откликнулся на Небесах и пришёл на помощь, а может быть, просто достаточно проплакавшись, я слушала мамин рассказ про дедушку, и в моём детском воображении рисовался герой, с которого я должна брать пример. Всхлипывая, доверчиво поднимая красные глаза и распухший нос, я задавала маме вопросы. Других воспоминаний про дедушку я не помню. Может быть, мне и рассказывали, но не помню.

Я смотрю на фотографию-крашенку с дедом и бабушкой Ефросиньей Михайловной, на его смеющиеся добрые глаза, на пышные усы, в которых прячется улыбка. Я не знаю, какой он был по характеру. Мне представляется, что он был лёгким человеком, отходчивым, задиристым, с острым языком. Как мой отец, с хорошим чувством юмора. Дед – продолжение моего папы. Моя психика чувствует его таким.

Ефросинья Михайловна смотрит с фотографии внимательно, мягко, с прищуром. В серых или голубых глазах читается уравновешенность. Она как спокойная гавань, в берегах которой приходил в себя израненный разными бурями и невзгодами близкий человек. Русые волосы зачёсаны назад. Небольшого роста. Смотрю на неё, и меня охватывает какое-то волнение. Была ли она мудрой или слабохарактерной? Отца

я не успела спросить. Очень поздно начала сбор родословной и задала мало вопросов. Тетя Надя тоже не смогла ответить на этот вопрос. Мать ушла из жизни рано, в марте 1945 года. Перед уходом тяжело болела, не вставала. Тёте Наде было всего почти два года.

Судьбы детей Ивана Ивановича и Ефросиньи Михайловны сложились по-разному.

Первенцем в семье Савиных стала Настя, рождённая на исходе 1918 года. Иван Иванович и Ефросинья Михайловна обвенчались 16 февраля 1918 года, а 20 декабря 1918 года родилась дочь. Слабенькая родилась. Прожила всего 5 дней. Сказались тревоги, переживания, голод матери. Молодожёны недолго жили вместе. Молодого парня мобилизовали. Сначала в армию Сибирского временного правительства под управлением Колчака, потом тиф, потом в Красной армии. Дошёл до Крыма, был в Москве. Два года мотало по стране и мятежным точкам. Кормил вшей, клопов, блох. Обтесало парня. Вернулся старше своих лет. Жизнь дала неоценимый опыт выживания, который ему пригодится потом в ссылке, в Великой Отечественной войне.

Несладко жить солдаткой. Девятнадцатилетней она пришла в семью мужа. Пока муж воевал, не неё легли обязанности младшей невестки. Младшие всегда в подчинении. Даже если два старших брата – оба Фёдоры – уже успели отделиться и жить своим хозяйством, то от свекрови никуда не деться. Может быть, смерть забрала от Савиных не только Настю. В это время или чуть позже покинул наш мир Иван Афанасьевич Савин. Не нашла точных сведений – нет ни в записях метрических книг, ни в записях ЗАГС. Одно знаю, что к тягостному моменту лишения избирательных прав и раскулачивания его сыновей Ивана и Фёдора в живых его уже не было.

Ушёл человек, некогда глава рода, а никто о нем не помнит. Мой отец не знал о нём ничего. Говорил, что видел его фото с окладистой бородой, с большими залысинами и редкими растительными остатками на голове. Обещал свозить к родственнице, у которой была эта фотография. Не успели мы. Теперь во мне живёт страх, что, собрав богатейший материал про род Савиных, Мишуковых, Тарабриных, Цепляевых и многих других, я не смогу достойно передать эти знания. Сначала нашла в себе силы объединить людей для общения по генеалогии. В городе Бийске уже шестой год под моим руководством работает Бийское родословное объединение. Сейчас делаю шаги в сохранении памяти о своих предках.

*Елена Владимировна ВЕЛИЧКО,
руководитель Бийского родословного объединения*

На первой и четвёртой страницах обложки:
«Зимний Бийск». Фотографии Юрия Верещагина

Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал издаётся с 2003 года на средства учредителей, издателя и попечением Сергея Козубенко. Выходит 4 раза в год.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов, точность приведённых цитат, цифр и другой информации ответственность несут авторы. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за информационные обзоры несут авторы-составители. Редакция допускает авторскую орфографию и пунктуацию материалов. Журнал безгонорарный, издаётся на основе безвозмездных отношений.

«Бийский Вестник»
на сайте: журнальныймир.рф
Электронный адрес: biyavestnik@mail.ru

Журнал «Бийский Вестник»
Главный редактор **В.В. Буланчев**
№1 (81) 2024. Дата выхода в свет: 25.02.2024
Тираж 1200 экз.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25. Распространяется бесплатно.

Отпечатано в РОАК ОООП «Общероссийское литературное сообщество»
Адрес: 659305, Россия. Алтайский край. г. Бийск, пер. Муромцевский, 2, тел/факс (3854) 33-25-50

Адрес редакции: 659300, Россия, Алтайский край, г. Бийск, ул. Ленина, 246-71 (а/я 72). тел. 8 (913) 231-19-89
Издатель: Козубенко С.П. Адрес: 659305, Россия. Алтайский край. г. Бийск, пер. Муромцевский, 2,
тел/факс (3854) 33-25-50

Журнал «Бийский Вестник» зарегистрирован управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Алтайскому краю и Республике Алтай, ПИ № ТУ22-00427 от 27 июня 2013 г.
Учредители: Администрация г. Бийска Алтайского края, Алтайская краевая научная и историческая общественная организация «Демидовский фонд», ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова»

Корректурa: **Любовь Дорошенко**
Вёрстка: **Павел Молчанов**

БИЙСКИЙ
ВЕСТНИК

ЖУРНАЛ РОДИНЫ В.М. ШУКШИНА

